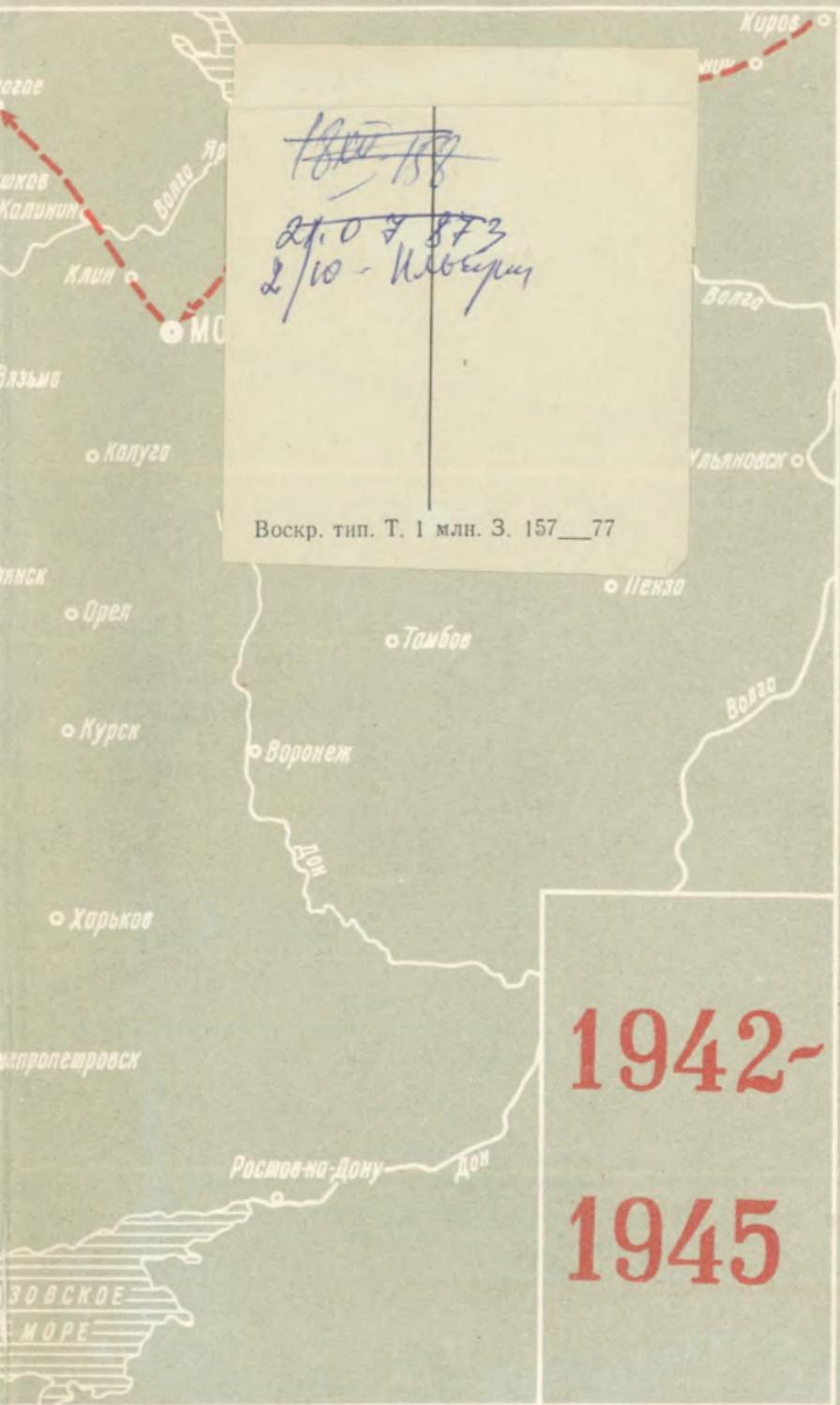

Б 6-8(4)725
Б 47

БОЙ
ВЕДЕТ
НЕВЕЛЬСКАЯ

СМ ОЛ 0712

63.3(2)72
б77

БОЙ ВЕДЕТ НЕВЕЛЬСКАЯ

Говорят
ветераны
28-й стрелковой
дивизии

018478

Коми книжное издательство

Сыктывкар, 1981

Сыктывкарская ЦБС

9(с)27
индекс ББК 63.3(2)722
Б 77

Б 77 **Бой ведет Невельская.** Говорят ветераны 28-й стрелковой дивизии. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Составитель И. П. Конюхов. Коми книжное издательство. 1981.— 160 с. с илл.

28-я стрелковая дивизия сформировалась в конце 1941 — начале 1942 гг. и первоначально состояла в большей части из жителей Коми АССР. Эта дивизия участвовала в освобождении от немецких захватчиков гг. Великие Луки и Невель, воевала в северной Белоруссии и Прибалтике. О боевом пути соединения в годы Великой Отечественной войны рассказывают бывшие командиры, политработники и бойцы 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Б — 1122 — 010
М 128(03) — 81

9(с)27

© Коми книжное издательство, 1981.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Великая Отечественная война 1941—1945 годов была тяжелейшим испытанием для советского народа. С помощью крепкого тыла Вооруженные Силы Страны Советов освободили родную землю и разгромили фашистских захватчиков в их собственном логове.

На полях сражений прославили себя многие подразделения, части и соединения Красной Армии. Почетное место среди них занимает 28-я Невельская Краснознаменная стрелковая дивизия, в рядах которой находилось много воинов из Коми республики.

Дивизия прошла большой и трудный боевой путь от Архангельской области, где она сформировалась, до города Бухареста. Действовала дивизия в составе 100-го стрелкового корпуса, который в течение двух лет находился в подчинении 3-й ударной армии, а остальное время — в подчинении 4-й ударной и 22-й армий Калининского и 2-го Прибалтийского фронтов.

Душой, костяком, инициатором всех славных боевых дел дивизии являлись коммунисты и комсомольцы. В период формирования соединения их насчитывалось здесь около трех тысяч. В дальнейшем же ряды партийных и комсомольских организаций непрерывно пополнялись за счет лучших бойцов и командиров, отлично проявивших себя в боевой обстановке.

После встречи однополчан, посвященной 30-летию великой Победы, совет ветеранов дивизии поручил мне заняться сбором материалов и воспоминаний невельцев, чтобы эти материалы хотя бы в общих чертах отобразили тот ратный подвиг, который совершили сыны и дочери республики Коми, пройдя по дорогам войны тысячи километров.

В течение четырех лет собирались, уточнялись эти материалы, и, наконец, в 1979 году вышел сборник воспоминаний ветеранов 28-й дивизии «Бой ведет Невельская». Книга имела успех. Ее прочитали и многие, ранее не выявленные бойцы и командиры, воевавшие в составе дивизии. Появилась необходимость выпуска нового издания, дополненного воспоминаниями других ветеранов, доработанного, уточненного.

Многие из бывших воинов 28-й дивизии, читая и этот, дополненный сборник, могут не найти в нем своих имен или описания тех сражений, в которых они принимали непосредственное участие. Перечислить всех участников просто невозможно. В рядах прославленной дивизии воевали тысячи и тысячи воинов. Но в том массовом героизме, в резуль-

татах сражений, о которых рассказано в настоящем сборнике, есть и их доля ратного труда. Великую Победу над врагом ковали все вместе, общими усилиями.

В разное время дивизией командовали: полковник Г. И. Шерстнев (погиб в 1944 году), полковник С. А. Князьков, полковник М. Ф. Букштынович, генерал-майор М. Ф. Андрющенко, полковник В. П. Федоров, полковник А. Д. Корнилов. Все они по мере сил и способностей умно-жали славу 28-й Невельской дивизии.

При составлении сборника были использованы материалы архива Министерства обороны СССР, военно-исторические труды, отдельные издания, в частности такие книги, как «Помни войну» А. И. Еременко, «Годы суровых испытаний. 1941—1944» К. Н. Галицкого, «Наступает ударная» Г. Г. Семенова и других, военно-исторические журналы, дивизионная и армейская печать военных лет, а также личные воспоми-нания однополчан и ветеранов 28-й Невельской стрелковой дивизии.

Приношу искреннюю благодарность за помощь в работе над этим сборником ветеранам дивизии В. М. Звонцову, И. А. Межину, В. В. Коблову, В. А. Сыроежкину, бывшему командиру 88-го стрелкового полка И. В. Доскину, офицеру разведки этого же полка Н. Д. Борщевскому, кандидату исторических наук А. Н. Александрову, ветерану войны и труда А. Н. Кичигину.

И. КОНЮХОВ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Издание книги «Бой ведет Невельская» о ратном подвиге воинов 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны, несомненно, вызывает чувство глубокой благодарности у читателей к инициаторам создания книги, составителю, авторам и всем, кто причастен к ее появлению.

Выпуск этой книги в Коми книжном издательстве вполне закономерен прежде всего потому, что при формировании 28-й стрелковой дивизии в ее личный состав вошла значительная часть призванных в армию жителей Коми АССР, и в рядах этого соединения они прошли славный боевой путь до полной победы над врагом.

Бойцы, командиры и политработники, выходцы из Коми республики, показали себя доблестными защитниками Родины и за свой ратный подвиг почти все они отмечены высокими правительственные наградами. Вместе с тем, говоря о заслугах воинов из Коми АССР, мы не должны забывать, что 28-я стрелковая дивизия — это многонациональное воинское соединение, что, наряду с воинами из Коми, в ее рядах плечом к плечу сражались русские, украинцы, белорусы и представители многих других национальностей Советской страны. В этом боевом содружестве различных национальностей и состоит сила и непобедимость нашей армии.

В этой книжке собраны выступления ветеранов дивизии, разных по своему служебному положению и воинским званиям — от рядового до комдива. Каждый из них воспроизводит отдельные, наиболее яркие боевые эпизоды, вспоминает боевых товарищес, солдат, командиров, политработников, тех, с кем ему пришлось непосредственно общаться в боевой обстановке. Это разнообразие авторов не снижает качества книги, а, наоборот, обогащает материал, позволяет взглянуть на дело минувшей военной поры глазами многих и с разных точек, с разных рубежей, что повышает достоверность описываемого, делает документально точным отражение событий.

Боевой опыт 28-й Невельской стрелковой дивизии в послевоенные годы неоднократно освещался в журнальных статьях, в специальных разработках, которые являлись учебными пособиями для слушателей военных академий, и, наконец, разными авторами освещен в мемуарной литературе. Однако все, что написано, далеко не исчерпывает всего богатейшего опыта этого прославленного соединения в целом и осо-

бенно персональных ратных дел многотысячного воинского коллектива.

Выдающаяся роль в формировании, сколачивании и боевой выучке частей и подразделений соединения принадлежит первому командиру дивизии Г. И. Шерстневу. Будучи начальником политотдела 28-й стрелковой дивизии, я впервые встретился с Г. И. Шерстневым в начале января 1942 года, когда он вступил в командование вновь формируемой дивизией, и затем более 8 месяцев общался с ним по совместной работе.

До войны полковник Г. И. Шерстнев был начальником Одесского военного пехотного училища. В начальный период войны, когда Одесса оказалась осажденной врагом, Г. И. Шерстнев с боями вывел личный состав этого училища на восток к новому месту дислокации, за что был награжден боевым орденом, и вскоре приказом наркома обороны СССР был назначен командиром 28-й стрелковой дивизии. В ту пору Г. И. Шерстневу было немногим более сорока лет. Это был кадровый полковник, обладавший большим опытом обучения и воспитания командных кадров, наделенный волевыми и организаторскими способностями. Как командир дивизии Г. И. Шерстнев во всех отношениях представлял собой образец командира нового типа. Он был высокообразован, начитан, хорошо знал военное дело, детально изучил организацию и ведение боя в современных условиях, хорошо знал особенности новой техники, использования ее в боевых операциях. Всегда был вежлив, корректен и в то же время был требователен к себе и подчиненным. Совершенно нетерпимо относился к тем командирам, кто под требовательностью к подчиненным понимал грубость и горлодерство. На мой взгляд, было не только большой удачей, но даже, в известной мере, счастьем для всего личного состава, что во главе вновь формируемой стрелковой дивизии партия поставила такого умного, талантливого командира, каким был Г. И. Шерстнев. Жаль, что ему не пришлось дожить до дня Победы.

В начале сентября 1942 года полковник Шерстнев был назначен на должность командира стрелкового корпуса, в состав которого входила и 28-я дивизия.

23 октября 1944 года в звании генерал-майора Григорий Иванович Шерстнев трагически погиб, подорвался на вражеской мине, и похоронен в г. Риге на кладбище имени Райниса. Один из авторов мемуаров по поводу гибели Григория Ивановича Шерстнева сказал: «Даже на фронте трудно было примириться с такой нелепостью».

28-я стрелковая дивизия, как общевойсковое соединение Красной Армии формировалась по штатам военного времени и включала в себя три стрелковых полка, один артиллерийский полк, противотанковый, зенитный и минометный дивизионы, саперный батальон, батальон связи, тыловые части и учреждения, штабные подразделения. К месту формирования, на укомплектование частей, прибыло более 12 тысяч человек. Несмотря на то, что формирование дивизии началось и продолжилось

в самый разгар жесточайшего сражения под Москвой, страна полностью и в соответствии со штатным расписанием, бесперебойно и своевременно, снабжала новое формирование полевыми орудиями, противотанковыми пушками, зенитными орудиями, минометами, противотанковыми ружьями, личным оружием для бойцов — винтовками и автоматами. Дивизия была полностью обеспечена транспортными средствами: автомашинами, лошадьми, а также продовольствием и вещевым имуществом. Теперь все зависело от руководства дивизии, чтобы новое формирование в кратчайший срок превратилось в мобильное и грозное для врага боевое соединение.

Командир дивизии Г. И. Шерстнев, штаб дивизии, возглавляемый волевым, энергичным человеком А. В. Якушевым, политический отдел, которым мне довелось руководить, начальники других отделов и служб, командиры и военкомы частей работали дни и ночи над тем, чтобы из всего этого скопища людей, боевой техники и вооружения в считанные дни создать полки, отдельные дивизионы, батальоны и соответствующие подразделения. И они были созданы.

С первых же дней формирования командир дивизии и политический отдел уделяли особое внимание работе со всеми категориями командиров и политработников. С каждым прибывающим в дивизию, от командира взвода до командира отдельной части, полковник Шерстнев знакомился лично, принимал его, беседовал, инструктировал. С политработниками, от политрука подразделения до военкома полка, ту же работу проводил начальник политотдела дивизии. Это помогало не только лично знакомиться с вновь прибывающими кадрами, выявлять их сильные и слабые стороны, но и вносить корректизы в их расстановку, позволяло разъяснить каждому самые важные и неотложные задачи предстоящей работы, включать всех в общее дело без раскачки.

Что касается рядовых бойцов и сержантов, то они с прибытием в подразделение попадали в атмосферу строжайшего уставного распорядка, и каждый час их служебного времени был заполнен занятиями по боевой и политической подготовке, участием в хозяйственных работах по благоустройству частей и подразделений и культурно-просветительных мероприятиях.

Следует заметить, что личный состав, прибывавший на укомплектование частей и подразделений, по своему социальному облику был далеко не однороден. Наряду с передовиками производства, ударниками пятилеток, коммунистами и комсомольцами, которых насчитывалось до 3 тысяч человек, сюда прибывали также люди, чьи биографии нельзя было назвать безупречными. Это те, кто еще недавно отбывал наказание за различные правонарушения. Таких людей здесь были не единицы. Но и они, захваченные общим патриотическим подъемом народа, перед смертельной опасностью, нависшей над Родиной, в подавляющем своем большинстве с честью выполняли свой воинский долг.

Теперь, спустя много лет после войны, я с благодарностью вспоми-

наю большую кропотливую работу местных партийных органов и Политуправления Архангельского военного округа по отбору партийных кадров на формирование партийно-политического аппарата 28-й стрелковой. Кроме военкома дивизии, начальника политотдела и военкомов полков, которые назначались непосредственно Главным политическим управлением Красной Армии, все остальные политработники дивизии в основном были подобраны Политическим управлением округа из партийных активов Коми АССР, Архангельской и Вологодской областей. Это были прекрасные партийные кадры. Вот некоторые примеры.

На должность помощника начальника политотдела дивизии по комсомольской работе был назначен Анатолий Федорович Ракин, бывший секретарь Кomi обкома комсомола, видный комсомольский работник и замечательный коммунист. Он не только отлично справлялся с порученным делом, хорошо организовал комсомольскую работу в дивизии, но и в первых же боях проявил личное мужество и отвагу, за что одним из первых политработников 3-й ударной армии был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Старшим инструктором по пропаганде был назначен товарищ Бирюков, бывший редактор областной газеты, высокообразованный коммунист, неутомимый агитатор-пропагандист. Он также в первых боях показал образец мужества и храбрости. В один из ответственных этапов боя он возглавил атаку подразделения и пал смертью храбрых. Это случилось в 1943 году.

На должность заместителя начальника политотдела был прислан Яков Васильевич Васильев — опытный кадровый политработник. В свои тридцать лет он имел уже более чем десятилетний партийный стаж и большой опыт политической работы с личным составом, это был смелый, инициативный, принципиальный коммунист, со своими обязанностями он справлялся с блеском. В последующих боях показал себя бесстрашным воином.

Отличными работниками политотдела проявили себя как в период формирования и подготовки дивизии к боям, так и особенно в период боевых действий старший инструктор по пропаганде Николай Дмитриевич Костерин и старший инструктор по работе среди войск противника Кастелянец. Последний пал смертью храбрых при выполнении боевого задания в сентябре 1942 года. С самой лучшей стороны зарекомендовал себя ответственный секретарь партийной комиссии М. А. Стрекаловский — скромный, неутомимый работник. Это при его активнейшем участии многие сотни бойцов и командиров были своевременно приняты в ряды Коммунистической партии и Ленинского комсомола.

Не только перечисленные мною работники политотдела, но и те, имена которых не названы, были отличными бойцами нашей партии и с честью выполняли свой долг перед Родиной в годы суровых испытаний. Не все они дожили до светлого часа победы, многие из них пали

на славном пути к ней. Среди них и бывший секретарь политотдела полнитрук Чуриков.

Хороший подбор кадров политотдельцев, высокая их квалификация, целеустремленность, постоянное чувство ответственности за порученное, деловая товарищеская атмосфера — все это позволило в короткий срок превратить аппарат политотдела в боевой политический орган, который умело и оперативно осуществлял руководство всей партийно-политической работой в дивизии.

Как в обороне, так и в наступательных боях дивизия показала, что она по боеспособности, стойкости и моральному духу ни в чем не уступала кадровым соединениям Красной Армии.

М. Ф. ГУБАНОВ, бывший начальник политотдела 28-й стрелковой дивизии.

А. Ф. РАКИН, бывший помощник начальника политотдела 28-й стрелковой дивизии по комсомольской работе

ПО ЗОВУ РОДИНЫ

22 июня 1941 года. Этот день навсегда останется в моей памяти. Было воскресенье, но в обкоме комсомола не умолкал шум. На очередной пленум со всех районов республики съехались члены и кандидаты в члены обкома. Я работал тогда первым секретарем Коми обкома ВЛКСМ, и дел было, конечно, много. Еще до 11 часов у меня побывали все члены бюро обкома, многие секретари райкомов. Все мы были веселы, бодры, жизнерадостны. Помнится, Вася Ветошкин — секретарь обкома комсомола по пропаганде — вышел из-за стола, открыл настежь окно и, глядя в голубое небо, сказал:

— Эх, теплынь-то какая! В такой день хорошо бы совершить культпоход на пароходе на наши запани, поработать и искупаться! Да-а...

Пленум открывался после обеда, и мы начали уже расходиться по домам, как вдруг из репродуктора послышался голос диктора: «Через несколько минут слушайте важное правительственное сообщение... Через несколько минут слушайте...» Сразу же прекратились смех и шутки, лица у всех стали строгими. Мы поняли, что в жизни страны, советских людей случилось что-то серьезное.

В безмолвной тишине мы слушали сообщение правительства: в четыре часа утра гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну. Военные действия начались по всей нашей западной границе, фашистские самолеты бомбили многие мирные советские города.

Трудно передать те чувства, которые охватили каждого из нас. У всех сжимались кулаки. Было тревожно, и в то же время хотелось поскорее попасть в действующую армию, чтобы лично схватиться с фашистскими захватчиками. По рекомендации обкома партии повестка дня нашего пленума была несколько изменена. Первым вопросом обсудили «О задачах комсомольцев и молодежи в связи с начавшейся войной».

Решение было кратким:

«...Мы, комсомольцы, собравшиеся на очередной пленум

ОК ВЛКСМ, выражаем бурю негодования и презрения к зарвавшемуся врагу. Мы глубоко возмущены коварством и наглостью кровавой фашистской клики... Мы, комсомольцы и молодежь, даем слово нашей великой Родине, что с честью выполним любое задание партии и правительства. Будем бороться за успешное выполнение всех хозяйственных задач республики: по добыче нефти, каменного угля, по строительству северной железнодорожной магистрали, уборке урожая, по заготовке и сплаву леса».

Пленум решил считать всю комсомольскую организацию республики мобилизованной для отпора врагу.

Вечером члены обкома ВЛКСМ пошли по комсомольским организациям Сыктывкара проводить митинги. В военкоматы и комсомольские органы от комсомольцев и молодежи поступили сотни заявлений о немедленной отправке на фронт. А через пять дней столица республики провожала на фронт первую большую группу своих лучших сынов.

Спустя некоторое время пришел и мой черед. Морозным декабрьским днем 1941 года семья и друзья по работе проводили меня в Красную Армию.

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

Трудное время переживала наша страна в конце 1941 года. Фашистские армии, не считаясь с потерями, рвались на восток. В середине ноября началось второе генеральное наступление врага на столицу нашей Родины Москву. Фронтовым городом стал Ленинград. Тысячи советских городов и сел подпали под временную оккупацию. В начале декабря советские войска под Москвой перешли в контрнаступление, разбили и отбросили на запад от столицы ударные группировки врага. Развернулись активные действия и на других участках советско-германского фронта. Но это еще не означало перелома в ходе военных действий. Фронт требовал все новых и новых пополнений. И такое пополнение готовилось всюду, страна приводила в действие свои резервы.

В декабре 1941 года по приказу Верховного Главнокомандования Архангельский военный округ начал формировать новую дивизию. В эту дивизию попал и я.

В течение декабря — января прибыли почти все офицеры штаба дивизии, полков и других подразделений. Первым командиром дивизии был полковник Григорий Иванович

Шерстнев, комиссаром — старший батальонный комиссар Злобин, начальником политотдела — старший батальонный комиссар М. Ф. Губанов. (Тогда, помимо комиссара дивизии, был и начподив.) В это же время начали поступать личный состав дивизии, а также транспорт и снаряжение.

Многие бойцы прибывали не одни, а с автомашинами, лошадьми, полученными от предприятий и организаций в счет поставки Красной Армии для этой дивизии. Так прибыли с машинами рядовой шофер Александр Винник, В. Г. Костюхин, по два коня привели бойцы И. П. Конюхов, Н. В. Парначев, М. М. Шаньгин, С. И. Рочев и другие.

Большинство бойцов, командиров и политработников прибыли в дивизию из Архангельской, Вологодской, Кировской областей и Коми АССР. В итоге оказалось, что более одной трети воинов дивизии составляли коми по национальности, остальные — русские, а также представители 37 других национальностей страны. Так что дивизия была многонациональной.

Медико-санитарный батальон дивизии почти полностью был укомплектован из врачей, фельдшеров и медсестер, работавших в Коми АССР. Главным хирургом медсанбата стал Иван Иванович Чебанов; здесь же были фельдшера: Николай Васильевич Серебренников, Лидия Степановна Шустикова (теперь Кутькина), Иван Афанасьевич Кутькин, Елизавета Ивановна Петрова (Шульмина), Иосиф Михайлович Тютюнник; работали медсестрами Елизавета Алексеевна Попова (Кислякова), Анна Ивановна Елькина (Корнаухова), Мария Петровна Шехонина (Безносикова), Надя Фролова и другие.

Формирование такого крупного соединения, как дивизия, насчитывающего в своем составе многие тысячи человек, представляло чрезвычайно трудное и сложное дело. И тут надо отдать должное местным партийным и советским органам, да и всему населению, оказывавшим во всем огромную помощь. Для размещения людей были выделены помещения и материалы, клубы, библиотеки, киноустановки. Дивизия получила в свое распоряжение даже духовой оркестр.

В общем, со всеми местными советскими и партийными организациями наладился хороший контакт. Как-то сами собой организовывались встречи бойцов и командиров с местными жителями, превращавшиеся в яркую демонстрацию патриотизма и нерушимого единства фронта и тыла.

С первых же дней установилась самая тесная и непосредственная связь и с Коми обкомом ВКП(б), в частности, с секретарем обкома партии А. М. Елькиной, занимавшейся

вопросами пропаганды. При содействии обкома партии подразделения дивизии стали регулярно получать газеты «За новый Север», «Вёрлэдзысь» («Лесной рабочий»), художественную литературу на коми языке. Была налажена переписка отдельных воинских подразделений с предприятиями, колхозами, учреждениями республики, бойцы получали многочисленные посылки, теплую одежду, обувь.

Эти связи не прерывались и тогда, когда дивизия ушла на фронт.

На первых порах главной заботой стала учеба и еще раз учеба. Предстояло за короткое время из огромной массы людей, разных по характеру, возрасту, знаниям и, как правило, не имевших абсолютно никаких навыков ведения современного боя, сделать крепкую, монолитную воинскую часть, способную на деле постоять за честь и независимость своей Родины, не дрогнуть в бою, принять деятельное участие в разгроме врага.

Всю зиму с раннего утра и до позднего вечера шла упорная боевая и политическая подготовка. Кропотливо и дотошно изучали материальную часть вооружения, уставы и наставления, ходили в поле и лес на тактические занятия, знакомились с конкретными примерами ведения современной войны.

Вот что вспоминает по этому поводу артиллерийский разведчик Константин Иванович Кудрявцев:

«Как-то раз в марте командование проверяло боевую готовность 5-й батареи артполка. Ранним утром прозвучал сигнал боевой тревоги. Батарея в полном составе выехала из места своего расположения и остановилась в глухом, пустынном месте. Все кругом промерзло, а впереди лежали полутораметровые сугробы снега.

Однако это никого не смущало. Расчеты орудий развернулись на огневой позиции, устроили ровники, огневые погреба, к орудиям встали наводчики, заряжающие, правильные, подносчики снарядов. Лошадей поставили в укрытие. В определенном месте устроили наблюдательный пункт, оттуда протянули связь. В расчетное время батарея была готова открыть огонь по врагу. Все было как в боевой обстановке, не было только боевых снарядов.

Проверявший, от имени командования, объявил лично му составу батареи благодарность за хорошую подготовку. «Служим Советскому Союзу!» — дружно ответили советские воины.

Так проходили практические учения и проверка боеготовности в каждом полку, батальоне, дивизионе, роте, ба-

тарее и службах. Здесь очень кстати пришелся опыт бойцов и командиров, уже побывавших на фронте и теперь оказавшихся в нашей дивизии. А таких насчитывалось около 1000 человек. Большое значение для успеха учебы имело и то обстоятельство, что в составе дивизии находилось свыше трех тысяч коммунистов и комсомольцев, ставших цементирующими звеном дивизии, везде и во всем проявлявших свою активность.

Когда формирование было закончено, в торжественной обстановке был оглашен приказ наркома обороны о присвоении дивизии номера — 28-я стрелковая. Следует сказать, что это особый номер. В годы гражданской войны его носила дивизия, которой командовал Владимир Азин. Она покрыла себя неувядаемой славой многочисленных побед над врагами революции, отличалась исключительной стойкостью и высоким революционным духом. С первых дней Великой Отечественной войны дивизия защищала юго-западные границы СССР. Особенно отличилась при обороне города Киева. Отдельные подразделения стояли до последнего солдата. При этом воины дивизии проявляли невиданные героизм и мужество. Защищали каждый метр советской земли. Это ко многому обязывало, воодушевляло и звало на подвиги.

12 марта 1942 года в жизни дивизии произошло событие, которое стало памятным для всех ее бойцов. В этот день личный состав принял военную присягу. А вскоре комиссия Архангельского военного округа после всесторонней инспекторской проверки признала соединение вполне боеспособным и готовым к отправке на фронт.

И вот настало время, которого мы так ждали и к которому так тщательно готовились. 9 апреля 1942 года первым погрузился в вагоны и отбыл к месту назначения 88-й стрелковый полк, а вслед за ним несколькими эшелонами и все остальные части: 144-й, 235-й стрелковые и 112-й артиллерийский полки и другие подразделения. Перед погрузкой в железнодорожные эшелоны состоялись митинги, где представители местных партийных и советских организаций пожелали нам боевых успехов и вручили полкам Красные знамена. Воины дали клятву с честью пронести эти знамена через все сражения, разгромить немецкофашистских захватчиков и вернуться с победой домой.

Уже в пути следования по железной дороге и в первые же дни после прибытия на место дислокации нам пришлось на личном опыте убедиться, что такое война.

Один наш эшелон немного задержался на станции Яро-

славль и был поставлен в железнодорожный тупик. Здесь же стояли вагоны-бани. Командование решило воспользоваться этим и помыть бойцов под душем. Только началась эта приятная процедура, как в небе появилось несколько вражеских самолетов. Зенитчики открыли по ним сильный огонь, заставили их нарушить боевой порядок и сбросить огневой груз куда попало. К нашему счастью, бомбы упали далеко от вагонов и большого ущерба эшелону не нанесли. Но все же двум самолетам при втором заходе удалось пролететь над станцией и прострочить вагоны из пулеметов. Так появились у нас первые раненые, из них трое — тяжело.

Двигаясь по территории Московской и Калининской областей, мы всюду видели страшные следы войны: сожженные и разрушенные города и села, остатки опрокинутых вагонов, подбитые танки и орудия, трупы животных, людей...

Между городом Калинином и станцией Бологое налеты вражеской авиации на эшелоны нашей дивизии усилились. Ей удалось поджечь один вагон. В результате погиб еще один боец и несколько человек получили ранения. Но самый массированный удар с воздуха немцы решили нанести на подступах к г. Андреаполю и при выгрузке. Видимо, противнику удалось как-то узнать, что на фронт прибывает новая дивизия. Здесь под бомбажку и пулеметный обстрел попали медико-санитарный батальон и отдельные подразделения 235-го и 88-го стрелковых полков. Были убитые и раненые. Но под прикрытием нашей авиации и огня зенитных установок части и подразделения быстро выгрузились, укрылись в ближайшем лесу и начали окапываться.

24 апреля 1942 года дивизия вступила в состав 3-й ударной армии Калининского фронта (недалеко от г. Андреаполя) и заняла оборону во втором эшелоне. Части дивизии были доукомплектованы вооружением и транспортными средствами.

В обороне представилась возможность продолжать совершенствовать боевую и политическую выучку личного состава, причем порой в условиях непосредственного соприкосновения с противником. Началось снайперское движение, проводились рейды разведчиков в тыл врага. Саперы участвовали в разминировании освобожденной территории. Здесь мы за неделю потеряли трех саперов.

Более содержательной и целеустремленной стала и политическая работа. Командиры и политработники на конкретных примерах рассказывали о зверствах гитлеровцев, их издевательствах над мирным населением, ранеными и

пленными, призывали бойцов быть стойкими, сражаться до последней капли крови, беспощадно истреблять фашистское зверье. В подразделениях состоялись собрания партактива, партийные и комсомольские собрания, посвященные новым задачам, вставшим перед дивизией.

К 1 Мая каждый боец и командир получили посылку с подарками от трудящихся г. Казани, после чего установилась с ними теплая и длительная переписка.

Как известно, летом и осенью 1942 года для нашей страны снова начался трудный период. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, противник сосредоточил к середине августа на южном крыле советско-германского фронта большие силы и развернул здесь новое наступление.

Ведя кровопролитные оборонительные бои, советские войска вынуждены были оставить Севастополь, Ростов-на-Дону, Харьков. Враг полностью овладел Донецким угольным бассейном, захватил богатые сельскохозяйственные районы Дона, Кубани и ряд важнейших районов Северного Кавказа. Ему удалось подойти к Сталинграду.

На северо-западе страны войска ряда фронтов, в том числе и Калининского, в тяжелых условиях вели боевые действия с тем, чтобы сковать как можно больше вражеских сил, не допустить их переброски на юг и тем самым оказать помощь защитникам Сталинграда и Северного Кавказа.

В конце июля 1942 года все полки 28-й стрелковой дивизии вышли на передний край обороны и 23 августа вступили в бой с противником на ближних подступах к городу Великие Луки, то есть приняли свое боевое крещение.

ЛЮДИ ПОДВИГА

Герои не умирают

Хмурые, серые дни конца ноября 1942 года. Ни днем, ни ночью не утихают ожесточенные бои. Наши войска штурмуют сильно укрепленный Ступинско-Пореченский плацдарм фашистов, расположенный между Невелем и Великими Луками. По этому плацдарму основной удар наносит 88-й стрелковый полк при поддержке 112-го артполка и подразделений «катюш».

К 26 ноября стрелковые батальоны продвинулись вперед на 10—12 километров и овладели командными высотами Ступино, Серьково, Погонялино и высотой 178,3. В резуль-

тате этого Невельское шоссе на значительном участке оказалось под огнем наших подразделений, противник лишился наземных путей сообщения, нарушилось снабжение Пореченского, Куряковского и Мартыновского опорных пунктов его обороны.

Но гитлеровское командование не хотело с этим мириться. На второй день, подбросив резервы, при усиленной артиллерийской и авиационной поддержке противник перешел в контрнаступление. Но и нашим не было расчета оставлять отвоеванные выгодные позиции. Поэтому бои приобрели еще более упорный характер и часто доходили до рукопашных схваток. Отдельные высоты неоднократно переходили из рук в руки. Особенно большие испытания выпали на долю третьего батальона 88-го полка, которым командовал капитан Войтенко. Сам он был очень тяжело ранен и эвакуирован. В батальоне остался только один офицер — заместитель командира по политчасти капитан Шутов. (Алексей Кириллович Шутов — уроженец п. Кажим Койгородского района Коми АССР. До ухода на фронт работал заведующим отделом пропаганды и агитации Троицко-Печорского райкома ВКП(б).)

Остатки батальона удерживали высоты Погонялино и 178,3.

Автору этих строк по заданию политотдела удалось прорваться в этот окруженный противником батальон, принять командование остатками одной роты, обеспечивавшей отражение натиска врага на высоту 178,3, удержать ее и спасти жизнь большой группы раненых. Капитан Шутов с группой бойцов был в Погонялино, и, когда у них прервалась связь, он ночью приполз на высоту 178,3, где была рация, чтобы доложить командованию полка о положении в батальоне. Когда он уходил обратно, вместе с ним для подкрепления мы направили около 10 бойцов и лейтенанта-артиллериста Кузьмина с рацией, снабдили боеприпасами и трофейными минометами.

Что было дальше, пишу по рассказам капитана Шутова и Сергея Николаевича Герасимова, единственного, чудом оставшегося в живых из числа группы Шутова.

* * *

Их было 27 человек. Простых советских людей различных национальностей, руководимых коммунистом капитаном Шутовым.

На рассвете группа получила приказ — занять и удер-

жать до подхода основных сил одну из важнейших высот, занимаемых противником.

Перед боем в лощине состоялся митинг. С речью выступил комиссар Шутов.

— Товарищи,— сказал он.— Родина посыпает нас на выполнение ответственного задания. Нас немного. Может быть, после этой битвы кое-кто из нас не вернется в красноармейскую семью, но мы — большевики, и преград нам нет. Готовы ли вы выполнить это боевое задание?

— Готовы!— раздались голоса.

— Так поклянемся же Родине, как клянутся гвардейцы, принимая боевое знамя, что с честью выполним боевой приказ.

— Клянемся!— дружно ответили бойцы.

Приняв боевой порядок, 27 храбрецов пошли на штурм вражеской высоты. Из амбразур дзота и блиндажей противника хлестали пулеметные очереди, били минометы, с оглушительным грохотом рвались снаряды. Но ничто не могло остановить советских воинов. Их бросок был настолько стремительным, что ошеломил фашистов.

Ворвавшись во вражеские траншеи, наши бойцы схватились с немцами врукопашную. Они были фашистов прикладами, штыками, гранатами. Мужество и храбрость проявил в рукопашном бою комсорг батальона сержант Козлов, который заколол штыком двух оккупантов и двух расстрелял из пистолета, когда они намеревались бросить гранату в капитана Шутова.

Рукопашный бой длился почти полчаса, более 50 фашистских вояк навсегда остались лежать на земле. Немцы, не выдержав удара, в панике разбежались.

— Высота советская!— крикнул красноармеец Шаров. Он вынул из кармана кусок красно-розовой материи, прикрепил его к древку, и на высоте взвился своеобразный флаг.

Потеряв важный опорный пункт, немцы решили любой ценой вернуть его обратно и, подтянув до роты пехоты, бросились в контратаку.

Вот уже более двух часов сдерживают наши воины наиск врага. У многих вышли боеприпасы, а немцы все ползут и ползут как саранча. Вот они уже в 50 метрах от наших позиций. Слышны их выкрики:

— Рус, сдавайся!

В это время раздался голос капитана Шутова:

— За Родину, за Сталина, за мной — вперед! — и с автоматом в руках первым бросился на врага.

Гитлеровцы не выдержали штыкового удара и, оставив на поле боя до 70 убитых и тяжело раненных солдат и офицеров, откатились на исходные позиции.

Капитан Шутов знал, что фашисты на этом не остановятся, будут снова и снова атаковать. Он приказал бойцам быть готовыми к новому бою. Несколько часов было тихо, но потом, после налета самолетов и бомбёжки высоты, немцы снова пошли в атаку. На горсточку наших храбрецов двигалось до батальона гитлеровцев, усиленно поддерживаемых артиллерией, минометами, пулеметами.

— Стрелять залпами по моей команде,— приказал Шутов. И как только первая цепь наступающих подошла к подножию высоты, Шутов скомандовал:

— По немецким захватчикам — огонь!

Заговорили свои и трофейные пулеметы и минометы. Они были в упор по немцам, но враг, не считаясь с потерями, лез вперед, ведя ураганный огонь из всех своих огневых средств. Начали таять ряды защитников высоты. Вот упал смертельно раненный пулеметчик Осотин. Убит и второй номер. Пулемет замолк.

— Товарищ капитан, кончились мины! — крикнул минометчик Власов.

— К пулемету! — приказал Шутов.

— Есть к пулемету! — повторил боец и кинулся к замолкшему пулемету.

В это время немцы подошли совсем уже близко. Создалось критическое положение. Увидев густые немецкие цепи, один наш боец не выдержал и с криком: «Мы окружены, спасайся!», бросив оружие, побежал с поля боя.

— Куда, сволочь? — крикнул сержант Козлов.

— По изменнику Родины, по трусу и паникеру — огонь! — раздался чей-то голос. Прозвучало несколько выстрелов, и изменник упал на землю лицом на восток.

Собрав уцелевших бойцов, капитан Шутов сказал:

— Будем биться, товарищи, до последнего вздоха! — и, встав во весь рост, повел своих бойцов в контратаку. Как львы, дрались 19 советских воинов, отстаивая родную землю. Они были фашистов штыком и прикладом. И впереди яростнее всех дрался капитан Шутов. В этом бою погибли почти все бойцы-герои. Смертью храбрых пал и капитан Шутов.

Они свято выполнили свой долг перед Родиной, свою клятву. Они не пропустили врага.

Противник еще не успел опомниться от этого последнего боя, как с обоих флангов и с тыла на них ринулся подо-

шедший на выручку наш лыжный батальон. Он с ходу уничтожил группировку немцев, занял высоту Погонялино, село Полибино и вышел к реке Ловать и железной дороге.

Когда мы поднялись на высоту, где сражалась группа капитана Шутова, увидели тела наших бойцов и капитана. Они были зверски изуродованы: проколоты штыками, у некоторых отрезаны носы, уши, размозжены головы. Но дорогой ценой заплатили за смерть храбрецов и гитлеровцы. Около трехсот трупов немецких солдат и офицеров валялось на высоте.

Тела 27 героев, панфиловцев нашей дивизии, похоронены в братской могиле в селе Полибино Великолукского района Псковской области.

Больше о капитане Шутове и его бойцах мы ничего не знали.

Но вот несколько лет назад заведующий отделом газеты «Двинская правда» (г. Котлас) т. П. Афанасьев записал следующий рассказ старшины Сергея Николаевича Герасимова.

«...Под огнем к нам пробрался разведчик-наблюдатель батареи 112-го артполка лейтенант Кузьмин. Артиллеристы здорово помогли нам. Как только заметим, что немцы готовятся к атаке, так сразу Кузьмин огонь вызывает. Часа в три дня пришли из тыла (с высоты 178,3) еще три человека. Послал их к Шутову. Вернулись обратно. Передали приказ комиссара: держаться до последнего, высоту не сдавать ни в коем случае. И еще рассказали бойцы, что ранен Шутов, что остались с ним всего шестеро...

Примерно через час немцы пошли в атаку с обеих сторон высоты. Мы отбивали атаку. Вижу, ползет по ходу сообщения солдат со стороны Шутова. Дрожит, лицо все в крови. Заикаясь, говорит:

— Фашисты в окоп к Шутову ворвались. У него был пистолет в руке, стрелял до последнего патрона. А потом упал. Фашисты его, еще живого, всего штыками искололи...

Так вот и погиб наш отважный комиссар. Заняли мы круговую оборону. А немцы лезут со всех сторон.

Подполз ко мне Кузьмин, говорит:

— Буду огонь на себя вызывать.

Нас всего пятеро осталось, почти все ранены. Согласились.

— Я — Кузьмин. Вызываю огонь на себя. Даю ориентиры...

— Еще раз... еще. Не сразу дошел вызов...

Вдруг начала молотить по высоте наша артиллерия.

Немцы отшатнулись назад, не могут понять в чем дело. Упал снаряд, разорвался между мной и Кузьминым. Лейтенанта убило наповал, а меня контузило и осколком разворотило плечо. Упал на дно окопа без сознания. Очнулся, вижу автоматчики в белых халатах ворвались на высоту и гонят немцев. Спрашиваю: «Какой батальон?» Отвечают: «Лыжники из резерва дивизии». Один говорит: «Я — командр отделения сержант Парничев».

Троих нас раненых подобрали в окопах. Один по дороге в медсанбат скончался, другой в госпитале умер. Один я остался в живых.

— Вы знаете, как комиссара жалко было... И всех других. Нет, этого не забыть...»

Все бойцы были посмертно награждены орденами и медалями Советского Союза, а капитан Шутов — орденом Красного Знамени.

Никогда не померкнет слава 27 героев — воспитанников 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии, вписавших в ее историю одну из ярких страниц.

Снайпер Есев

Весной 1942 года на всех фронтах Великой Отечественной войны развернулось широкое снайперское движение. Снайперы — это не только отличные, сверхметкие стрелки, поражающие цели с первого выстрела. Это, прежде всего, патриоты своей Родины, мужественные люди, обладающие выдержкой и смекалкой, умеющие хорошо маскироваться и наблюдать. Один такой снайпер порой доставлял противнику больше забот, чем целое подразделение.

Снайперов отбирали из числа лучших стрелков и специально их готовили. Командование 3-й ударной армии поставило перед войсками задачу, чтобы каждый полк отобрал и подготовил не менее 20—25 снайперов. В частях и соединениях проходили слеты и сборы снайперов и отличных стрелков.

Мне по долгу службы приходилось бывать на этих слетах и знакомиться с результатами учебы и боевым счетом многих снайперов. А иногда и наблюдать за «охотой» некоторых из них.

В нашей дивизии летом 1942 года насчитывалось около 100 снайперов. Среди них наиболее отличились старшие сержанты комсомольцы Степан Есев, Василий Костромин, Семен Маликов, бойцы Илья Загалов, Алексей Васютов, Федосий Ниухин, коммунисты лейтенант Константин Панов,

старший лейтенант Александр Горбунов. Каждый из них уничтожил от нескольких десятков до сотни фашистов.

Одним из знатных снайперов дивизии был сын коми охотника, уроженец села Руч Усть-Куломского района, тогда агитатор взвода, Степан Степанович Есев. Он уничтожил более 100 вражеских солдат и офицеров, за что был награжден орденом Красного Знамени, многими боевыми медалями.

Вот несколько эпизодов из его боевой жизни и работы.

Обычно снайпер на «охоту» выходил не один, а вдвоем. Один, как правило, выдвигался за свой передний край, за боевое охранение, ближе к противнику, выбирал удобную позицию, откуда хорошо можно видеть и наблюдать за противником, тщательно маскировался и целыми днями лежал, ожидая появления цели, и бил по ней без промаха.

Второй занимал позицию несколько в стороне или сзади первого и тоже маскировался. Он зорко наблюдал за своим товарищем и за нейтральной полосой, чтобы противник не мог засечь его или подобраться к нему и захватить в качестве «языка». Он также наблюдал и подсказывал снайперу о появляющихся целях и их поражении (последнее было особенно важно для подсчета количества реально уничтоженных снайпером врагов).

Ранним утром одного августовского дня Есев с напарником заняли позиции, выбранные и оборудованные ночью накануне, недалеко от с. Поречье. Оттуда хорошо просматривалась часть шоссейной дороги. Эту цель снайпер и взял на оптический прицел. Но дорога была пуста. Долго никто не появлялся. Наконец, проскочил мотоциклист. Однако Есев не успел сделать выстрела, лишь уточнил расчет на опережение и прицел. Вдруг с обратного направления тоже появляется мотоциклист. Раздался выстрел, человек пошатнулся, мотоцикл завихлял и полетел в канаву вместе с седоком. Не прошло и получаса, как к этому месту подошли 3 немца. (Видимо, убрать труп или увезти, если мотоциклист только ранен.) Есев сделал еще два выстрела. По этой дороге в этот день больше никто не проезжал.

На эту позицию Есев с напарником выходили еще несколько дней, но по шоссе никакого движения не было, видимо, немцы выбрали обходную дорогу.

Как раз в это время я оказался у снайперов — вручал им комсомольские билеты — и решил один день посвятить такой «охоте». Вместе с земляком — Есевым — отправился в качестве его наблюдателя.

Вышли мы перед рассветом и хорошо замаскировались.

Наблюдаем за тем же участком шоссейной дороги. И вот на дороге появляются два немца: один с термосом на спине, другой — с ведром или бидоном в руках. Шли они не торопясь. Есев сделал выстрел, и немец с термосом как бы споткнулся и упал. Второй немец, не успев опомниться, свалился от следующей снайперской пули. Они там и остались лежать. Засветло больше никто не появлялся на этой дороге.

Сержант Есев рассказал мне еще о нескольких случаях удачного выхода на «охоту».

Однажды по рекомендации артиллерийского разведчика Б. А. Шарыпова выбрал он позицию недалеко от южной оконечности Пореченского озера. И повезло. В первый же день, рано утром, три немца спустились к озеру, чтобы умыться и искупатьсяся. Один разделся и полез в воду, другой стал умываться, а третий остался наблюдать. Есеву удалось подстрелить всех троих, начав с третьего и завершив первым. Но, видимо, и его засекли. По участку его позиции открыли артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, выпустили не один десяток снарядов и мин. Еле он остался жив и с наступлением темноты выбрался в расположение своей части. Но нет худа без добра. Нашим артиллерийским разведчикам такая обстановка дала возможность засечь огневые точки противника.

Вот что значит только один снайпер.

За линией фронта

Летом 1942 года в сводках Совинформбюро Калининский фронт упоминался редко. Здесь наши войска стояли в обороне. Но это не значит, что они бездействовали. Оборона обороне рознь. Верховное Главнокомандование поставило задачу вести активную оборону, иначе говоря, не давать врагу покоя, бить его постоянно, днем и ночью, всеми возможными способами и средствами. В этих целях проводились артиллерийские налеты и уничтожение важнейших объектов противника, разведка боем, засылка разведгрупп в тыл врага, установление связей с партизанами и оказание им помощи и многое другое. Все это мы делали и, надо сказать, небезуспешно.

В августе командование дивизии получило задание отправить в тыл врага разведвзвод одного полка с тем, чтобы там соединиться с одной из партизанских групп и помочь ей в боевых действиях.

Выбор пал на разведвзвод 235-го стрелкового полка,

весь укомплектованный из коммунистов и комсомольцев, во главе с командиром лейтенантом Александром Семеновичем Кузнецовым и комиссаром Степаном Ивановичем Крыловым. Парторгом взвода был избран заместитель политрука (тогда было такое звание) Михаил Иванович Кочанов, уроженец д. Нижняя Вечь Усть-Куломского района Коми АССР, коммунист с 1940 года, сын охотника и лесоруба, партизана гражданской войны, сам охотник и лесоруб, хорошо знавший тайгу.

Взвод благополучно перешел линию фронта и прибыл в распоряжение 3-й партизанской бригады, действовавшей в Пустошкинском районе Псковской области и руководимой Калининским областным штабом партизанского движения. Большинство личного состава взвода попало в 4-й отряд разведчиков, а М. И. Кочанов был назначен политруком отряда.

Много славных дел совершил этот отряд, на его счету десятки дерзких операций, нанесших гитлеровцам ощущимый урон. Вот одна из них, о которой рассказал М. И. Кочанов.

После успешного зимне-весеннего наступления наших войск в 1942 году противник летом и осенью этого года производил перегруппировку своих войск, в том числе и на участке Калининского фронта. Чтобы помешать этому, штаб партизанского движения разработал план взрыва железнодорожного моста через реку Неведица у д. Савкино на линии Опочка — Полоцк — Невель. Через этот мост ежесуточно проходило до 40 немецких эшелонов с войсками и техникой. Мост находился под сильной охраной, подходы к нему заминированы и окутаны несколькими рядами колючей проволоки, на обоих берегах окопы и оборудованные пулеметные гнезда. К мосту можно было подобраться только по полотну железной дороги.

Операцией руководил начальник оперативной группы майор Б. Н. Штрахов. Разведка установила состав вражеского гарнизона, расположение охраны и подступы к мосту. Были назначены группы захвата, обеспечения боевых действий и подрывников. Группу подрывников возглавил лейтенант Михаил Панов, родом из Коми АССР. Сюда же вошли молодые партизаны Николай Шитов, Алексей Михайлов и другие.

Под покровом ночи партизаны скрытно подошли к железнодорожной линии и мосту, все группы заняли места согласно плану операции. На рассвете, по установленному сигналу, группа захвата рывком бросилась по полотну до-

роги к мосту, гранатами и автоматными очередями уничтожила посты и огневые точки на этом берегу. Пулеметчик Иван Кутанов метким огнем заставил замолчать наиболее опасные огневые точки противника на противоположном берегу. Буквально за 1—2 минуты группа захвата овладела большей частью моста. Но вот противник опомнился. Завязался огневой бой, в который включились все наши группы. Однако это не помешало подрывникам заложить взрывчатку под фермы моста. Послышалась команда: «Всем отходить!», а вскоре раздался оглушительный взрыв. Тяжелые фермы моста рухнули. Нормальное движение немецких эшелонов на этом участке дороги прекратилось на несколько недель...

Накануне XXV годовщины Великого Октября командование партизанской бригады разработало план разгрома нескольких немецких гарнизонов и нанесения чувствительных ударов по коммуникациям противника. Осуществление этого плана началось с Дубровского и Максютинского гарнизонов Идицкого района Псковской области.

Взвод автоматчиков во главе с капитаном И. П. Разумовым скрытно пробрался и засел на Дубровском кладбище, откуда открыл огонь из пулеметов и автоматов по зданию школы, где размещались штаб и основные силы немецкого гарнизона и местных полицаев. Немцы решили, что именно отсюда надо ждать основного удара партизан, и направили туда основные свои силы, ослабив тем самым оборону центра села. Этим немедленно воспользовались партизаны под командованием А. С. Кузнецова. Стремительным броском они ворвались в село. Завязался жаркий бой. Дальнейшему продвижению партизан сильно мешал пулеметный огонь с возвышенности из-за церковной ограды. Бойцы залегли. К ним подползли старшина Кочанов и капитан Разумов, который приказал Степану Соболеву и Михаилу Осокину с группой бойцов пробраться в тыл противника и отвлечь их огонь на себя, а сам залег за пулемет. Потом он подполз к церковной ограде и гранатами уничтожил пулеметный расчет немцев. В довершение всего со стороны кладбища ударили по немцам партизанские пушки и минометы.

За какие-то 20—30 минут село было полностью занято партизанами. Большинство немцев и полицаев были уничтожены, небольшое количество взято в плен. Только одиночкам удалось добраться до леса, но и там их настигали партизанские пули.

Командир бригады Бойдин и капитан Разумов зашли

в штаб немецкого гарнизона и стали разбирать захваченные документы. Капитан между тем все поглядывал на телефон и что-то обдумывал. Потом не вытерпел и обратился к комбригу:

— Федор Тимофеевич, интересно, с кем он соединен — с Идрицей или Себежем? Давайте позвоним.— И озорно сверкнув глазами, стал крутить ручку телефона. Ответила Идрица.

— Какого черта вы там спите! Скорее присылайте помощь! Партизаны сожгли сырзавод и сейчас наступают на село! — закричал в трубку Разумов.

— Кто говорит? — послышалось в трубке.

— Командир полицейской роты. Мы от вас ждем помощи, — ответил Разумов.

— Высылаем! Держитесь! — ответили с Идрицы.

Вскоре партизаны покинули село. Они тоже имели потери. Однако для встречи «помощи» оставили два взвода автоматчиков, которые возле въезда в Дубровку выбрали удобную высоту, залегли в канавах и по обочинам дороги. Ждать пришлось недолго. Вот на дороге появились автомашины «с помощью». Партизаны забросали их гранатами и прошли из автоматов. Таким образом был уничтожен еще один полицейский взвод и несколько машин.

Подобных операций в истории партизанского отряда было немало.

Большую работу проводили партизаны и среди населения, попавшего под немецкую оккупацию: занимались переброской детей, женщин, больных и пожилых на советскую территорию, рассказывали людям об успехах Красной Армии, выявляли и уничтожали предателей. Местное население в абсолютном большинстве помогало партизанам всем, чем могло.

* * *

Михаил Иванович Кочанов 15 июля 1944 года был тяжело ранен и эвакуирован. После излечения служил в запасном полку. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «Партизан Отечественной войны II степени» и другими. Сейчас он инвалид II группы, живет в городе Сыктывкаре и принимает участие в работе по патриотическому воспитанию молодежи.

И. П. КОНЮХОВ, бывший командир отделения роты связи 88-го стрелкового полка

ПОБЕДА ПРИХОДИТ В БОЯХ

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Прежде чем говорить о боевом крещении дивизии, следует хотя бы вкратце напомнить о той обстановке, которая сложилась к этому времени на участке фронта, где нам предстояло действовать. Все мы тогда жили под впечатлением разгрома немцев под Москвой. Эта огромная победа советских войск несколзанно радовала и воодушевляла. И нужно ли говорить, что каждому из нас, прибывших с севера, хотелось поскорее добраться до передовой, чтобы собственными руками бить ненавистного врага. Но мы были во втором эшелоне. Лишь в конце июля 1942 года 28-я дивизия под командованием полковника Г. И. Шерстнева сменила 24-ю стрелковую дивизию и заняла линию обороны первого эшелона на рубеже Ступино — Курьяково — Поречье.

Перед дивизией находился сильно укрепленный Марьиновский узел обороны противника с опорными пунктами Лаптево, Ступино, Сеньково, Марьиново, Курьяково, Поречье, явившийся составной частью Великолукского оборонительного рубежа немцев. В Марьиновском узле обороны Ступинская высота была господствующей. С нее фашисты хорошо просматривали занимаемую нами территорию на несколько километров и беспрерывно ее обстреливали прицельным огнем, нанося нам существенные потери. В связи с этим командование дивизии приняло решение потеснить противника и взять высоту под свой контроль.

На немецких картах оборона Ступинской высоты имелаась «Бастион», значит, крепость. С севера эта высота прикрывалась укрепленным пунктом Чертеж. Были сильно укреплены также немецкие передовые участки Сеньково, Курьяково, Поречье и Лаптево. В целом Марьиновский узел обороны прикрывал путь нашей дивизии на город Невель.

И вот перед 88-м стрелковым полком была поставлена первая боевая задача — овладеть Ступинской высотой. Накануне наступления во многих подразделениях прошли комсомольские и партийные собрания с повесткой дня:

«Первое боевое крещение выполним с честью», «Приказ командира — закон», «Первая помощь раненому». Обсуждались и другие важные вопросы. Речи на собраниях были краткими, но исключительно единодушными.

К концу дня начальник связи полка К. А. Изотов, командир линейного взвода лейтенант Царук и я, связист-надсмотрщик роты связи 88-го стрелкового полка, еще раз проверили состояние боевой готовности полковой линии связи и аппаратуры. Когда пришли к наблюдательному пункту командира полка, нас остановил часовой и дал сигнал связному. Тот сразу же явился перед нами:

— Вы к кому? — спросил он.

— Начальник штаба дал задание проверить состояние боеготовности всей радиотелефонной связи полка и доложить, — ответил Изотов.

— Пароль?

— Контакт!

— Проходите.

Когда мы зашли в полутемную, шестинакатную землянку, командир полка Иван Семенович Лихобабин сосредоточенно смотрел в стереотрубу на Ступинскую гору и косогорья прилегающих высот и что-то объяснял стоящему рядом майору. Как потом оказалось, это был представитель штаба армии — офицер связи.

— Личный состав эту задачу знает? — спросил майор.

— Доведена до каждого бойца и командира. Знают четко!

— А какое вооружение у стрелков?

— В основном винтовки да гранаты, но и плюс отвага, мужество и умение самих воинов, — заключил Иван Семенович и при этом посмотрел на окружающих с добродушной улыбкой. Все как-то сразу тоже заулыбались и почувствовали уверенность в успехе предстоящей операции. Надо сказать, что Иван Семенович пользовался исключительным авторитетом не только в полку, но и в дивизии. Поэтому его слова всегда воспринимались с большой верой.

23 августа 1942 года утро выдалось хмурое. На передовой изредка раздавались пулеметные и автоматные очереди. Но вот началась артиллерийская канонада с нашей стороны. Полковые и дивизионные артиллеристы и минометчики подняли такой грохот, что вся земля задрожала. Сотни мин и снарядов обрушились на головы фашистов, круша все, что было на этих высотах. Но разгромить такую крепость не так-то просто, фрицы глубоко закопались в землю. Немецкое командование, поняв в чем дело, предприняло

контрудар. Через несколько минут на наших исходных рубежах стали разрываться ответные снаряды и мины. Медлить дальше было нельзя. Раздалась команда: «Вперед, на врага!» И тут же зазвучало мощное «ура-а!»

Стрелковые роты пошли на штурм высоты. Их встретил ураганный заградительный огонь противника. Десять пулеметов стреляли в лобовую, наносили и перекрестным способом. Наши ряды редели, но бойцы не дрогнули, продвигались перебежками, ползли по-пластунски, лезли все дальше и дальше к немецким траншеям и амбразурам. У стрелков кончались боеприпасы, а враг все больше усиливал огневой удар. Пришло залечь. Тогда командир полка приказал командиру роты автоматчиков направить в распоряжение комбатов по пять автоматчиков для доставки боеприпасов.

— Товарищ Осташев, даю в твоё распоряжение четырех человек. Действуйте! — приказал ротный.

Два земляка из Коми и еще трое русских, тяжело нагруженные мешками с боеприпасами, двинулись на передовую. Кругом свистели пули — трассирующие, разрывные, бронебойные, рвались снаряды и мины, а автоматчики упрямо двигались вперед по грязи, по болоту выручать своих друзей. Оставалось еще метров 50, когда разорвавшаяся рядом мина ранила Осташева в ногу.

Из траншеи к нему навстречу подползли два пулеметчика и вместе с мешками потащили его к ячейке стрелкового отделения.

— Боеприпасы? А ты, видать, ранен? — шепнул пулеметчик.

— Боеприпасы. Вам. Ранили, гады! Принимайте три тысячи патронов, — ответил Осташев. — Там ребята подтягиваются, идите помогите. Там они ползут...

Немного позднее для развития атаки подполковник Лихобабин направил на подкрепление полковых автоматчиков. Рота скрытно выдвинулась на передовую, и, когда настало время, по цепи была передана команда командира роты:

— Подготовиться к атаке.

Вскоре в небо взвилась красная ракета — сигнал атаки. Первым поднялся партторг роты автоматчиков Сергей Зиновьев. Он встал во весь рост на бруствер траншеи и крикнул:

— За Родину! Вперед! Ур-а!

Тут же раздалась пулеметная очередь противника. Партторг, тяжело раненный, упал. Но в то же мгновение с

другого конца траншеи поднялся на бруствер командир роты Лутохин:

— Рота! За мной, вперед!

Автоматчики рванулись вперед, одним броском проскочили опасную полосу. На головы фашистов полетели гранаты, их разили автоматные очереди. Несколько фрицев подняли руки с криком: «Гитлер капут, Гитлер капут!»

К исходу дня полк овладел несколькими высотами. В наших руках оказались Печкино, Пасино и Лаптево. Однако дальнейшее наступление нашим командованием было приостановлено. Сильно укрепленная высота Ступино хотя и осталась у немцев, но теперь она была под постоянным огневым контролем наших войск.

Сейчас трудно вспомнить, сколько раз в тот день под обстрелом пришлось отправляться по линиям связи на обрыв проводов и срачивать кабель связистам Кашайскому, Лебединцу, мне, Анисимову, Михайлову, Дубовикову, Меркуреву и другим. А когда многие из нас были ранены, тогда на линии выходили командир роты старший лейтенант Холопов, политрук лейтенант Рыжков, командиры взводов лейтенанты Царук и Шпак, девятнадцатилетняя связистка украинка Ирина Побережец и другие. Шли не колеблясь. Так повелевал долг. И каждый хотел его выполнить как можно лучше.

Ира дежурила в штабе батальона. Во время боя вышли из строя все связисты этого направления. При очередном обстреле немцев «Днепр» перестал отвечать на тревожные вызовы «Волги». Как быть? Послать на линию некого. Тогда Ирина передала трубку полевого телефона радиисту и тихо сказала:

— Дорогой, подежурьте, пожалуйста, наших ранило. Я сейчас... скоро вернусь...

Ира выскочила из землянки и побежала по направлению провода. Бежит, а мины и снаряды рвутся вокруг. Вот опять противно визжит снаряд. Девушка, как камень, шлепнулась в воронку, и вовремя. Снаряд разорвался в 4—5 метрах. К счастью, осталась невредимой — спасла воронка. «Нельзя останавливаться, нужна связь, любой ценой», — думала Ира, а руки и ноги уж сами выносили ее из воронки. Вперед! Еще вперед! Вот и место обрыва — конец провода повис на маленькой елке. А где же другой? Провод разорвало прямым попаданием большой мины, и другой конец далеко отшвырнуло в сторону. Валяются куски кабеля. Связистка взялась за дело. Но соединить концы никак не удавалось, а запасной катушки не было. Как же

быть? Посмотрела по сторонам — мелькнула старая колючая проволока. Надо использовать, — решила она. Зачистила хорошенько концы проволоки и срастила их. Контрольный телефон показал, что связь заработала. Через пару минут Ира была уже в штабе батальона и доложила:

— На расстоянии 200 метров устранило три обрыва, сама получила три царапины осколками.

После захвата высот Печкино и Пасино немцы несколько суток бомбили и обстреливали нас из всех видов оружия, но высоты остались за нами. Кто был там, тот помнит, что представляла тогда передовая — это был сущий ад.

В этом первом тяжелом бою наш полк не полностью выполнил свою боевую задачу, но тем не менее он показал свои высокие боевые качества и выучку, а главное все увидели и почувствовали, что и они могут воевать не хуже немцев. А это большое дело — уверенность в себе, в своих силах.

После этого боя командир полка подполковник Лихобабин, поздравляя солдат с успешными действиями, сказал:

— Я восхищаюсь мужеством воинов из Коми республики. Им смело можно поручать любую боевую задачу.

Эту похвалу нам, конечно, радостно было слышать. После того, как мы отошли с передовой на отдых, у нас в подразделениях побывали наши земляки: председатель Военного трибунала дивизии капитан А. Д. Рубцов, артиллеристы 112-го артполка Н. В. Попов, Д. А. Потапов, стрелок из противотанкового ружья (ПТР) С. И. Лобанов (все они из Сыктывкара), дивизионные разведчики А. С. Осипов и Д. И. Осипов (оба из села Иб Сыктывдинского района), снайпер Д. П. Казаринов (из села Сторожевск), старшина медслужбы Ф. Д. Иевлев (из села Лойма), стрелок из роты ПТР В. П. Ветошкин (ухтинец) и другие.

Наш стрелковый полк пользовался в дивизии большим авторитетом. Часто бывали в наших стрелковых и специальных подразделениях начальник политотдела дивизии полковник М. Х. Шапиро и его помощник по комсомолу майор А. Ф. Ракин. Они всегда подолгу и обстоятельно беседовали с солдатами и офицерами, проверяли, как идут политзанятия, выпускаются ли стенгазеты и боевые листки, которые играли большую роль в поддержании боевого духа воинов. Лучшими листками-молниями были признаны у автоматчиков и разведчиков. Например, автоматчики сразу же после первого боя выпустили стенгазету, где подробно в стихотворной форме рассказали о подвиге коммуниста Зи-

новьева. Редактировал и оформлял стенгазету Григорий Савельевич Осташев.

Наступила передышка. Военные грозы бушевали на других фронтах, на других направлениях. Но и у нас ни на минуту не прекращалась подготовка к новым наступательным операциям. В этот период особенно много трудились разведчики. Рискуя жизнью, они уходили на поиск, разведывали оборону, резервы, передвижение врага, часто проникали в его тыл, устанавливали связь с партизанами, помогали им бороться с полицаями и разного рода предателями. Вот лишь один эпизод из их деятельности, рассказанный бывшим командиром взвода разведчиков дивизии Сергеем Кузьмичом Заборским.

«В один из сентябрьских дней,— вспоминает Сергей Кузьмич,— мы проникли в тыл противника и незаметно появились в деревне Островки. До этого жители деревни жаловались нам, что староста, когда идет молотьба, часто приглашает немцев за хлебом. И вот мы, переодевшись в женские платья, зашли в сарай, где молотили хлеб, и стали помогать женщинам, а сами все время настороже. Прошло какое-то время, и появились оккупанты, стали спрашивать о партизанах. Когда они все зашли в сарай, последовал резкий свист — сигнал к действию. В ход пошли автоматы. Не ожидавшие нападения фашисты не оказали почти никакого сопротивления. Всех их связали, заткнули рот кляпами и увезли через передовую к своим. В этой операции отважно действовали разведчики Чеусов и Худяев (оба из села Вильгорт Сыктывдинского района Коми АССР).

В другой раз было так. Группа разведчиков под командованием лейтенанта Епифанова и командиров группы захвата сержанта Баева и группы прикрытия сержанта Ракина (Николай Егорович Ракин родом из села Деревянск Коми АССР) в районе Сеньково получила задание — обследовать передний край противника и, если удастся, захватить «языка».

Как потом рассказал разведчик Семен Михайлович Сажин, нейтралку они перешли через непростреливаемый овраг. В намеченном месте около дороги сутки сидели, наблюдая за противником. Все, что увидели и узнали, передали по радио и на вторую ночь пошли обратно. Вот и нейтралка. Но что это? Впереди маячат какие-то фигуры. Когда пригляделись получше, то увидели, что это фрицы минируют свой передний край.

— Приготовить гранаты, автоматы, штыки,— приказал взводный.— По-пластунски вперед!

Фашисты работали и не смотрели в нашу сторону, ведь там свои. Тем временем разведчики подползли вплотную и скомандовали:

— Хальт! Хэндэ хох!

Один гитлеровец все же успел броситься в воронку и дал очередь по нашим бойцам. Вражеская пуля ранила Баева. В тот же миг Сажин швырнул в сторону фашистов гранату, но та не взорвалась, видимо, была без капсюля. Тогда он бросил другую. Она разорвалась в гуще фашистов — одного убило, двоих оглушило, остальные в панике побежали кто куда. Разведчики подхватили оглушенных и волоком потащили в сторону своих позиций. Противник всплюшился, началась беспорядочная стрельба. Но она, к счастью, не причинила нам вреда. Отход разведчиков прикрыла наша артиллерия.

СТОЯЛ ПОЛК В ОБОРОНЕ

После тяжелых августовских боев сорок второго года наш полк стоял в обороне в районе Мишагинского сельсовета Великолукского района Псковской области. Противник, имея численное превосходство в живой силе, технике и авиации, постоянно наносил по линии нашей обороны чувствительные огневые удары.

В начале октября в нашу роту связи пришел командир полка подполковник Иван Семенович Лихобабин, и по его просьбе созвали общее собрание. Лихобабин обратился к связистам:

— Второй месяц стоим в обороне, на передовой линии. Многие смертельно устали, а замену пока не обещают. В настоящее время в стрелковых батальонах не хватает связистов, поэтому я обращаюсь к вам за помощью. Кто добровольно желает идти на помощь к стрелкам, на самые трудные участки обороны?

Вызвались многие, но отобрали лишь человек десять. На следующий день нас, связистов и радистов, распределили и отправили по стрелковым ротам. Там нас встретили побратски тепло, досыта накормили, вооружили всеми необходимыми боеприпасами.

И вот мы заступили в наряд. Помогали батальонным связистам устранять повреждения линии связи, пулеметчикам — заряжать пулеметные ленты, подносить боеприпасы, рыть огневые позиции и траншеи, строили мы и землянки. Короче говоря, работы хватало. Немцы не давали

покоя. Нередко после массированного огня озверелые фашисты шли в атаку. Позади наших окопов — болота. Из-за бездорожья снабженцы доставляли боеприпасы и продовольствие только обходным путем и глубокой ночью. Кости разводить вообще не разрешалось. Мокрое обмундирование не просыхало. Трудно было, но высоту обороны стойко и, как могли, изматывали силы врага.

Однажды ночью, без артподготовки, фашисты бесшумно подобрались к нашим траншеям. Но их все же заметили, подняли тревогу. Однако около двадцати фашистов успели прорваться. Завязалась рукопашная схватка. Я увидел, как два фашиста пытались разоружить нашего красноармейца, и поспешил ему на помощь. Один немец это заметил и вскинул автомат, но в это время с другой стороны на него бросился наш стрелок и ударил кинжалом. Захватчик упал, а другого гитлеровца свалила моя винтовочная пуля.

В этом бою отличился красноармеец нашего взвода Григорий Иванович Попов, бывший бригадир полеводства колхоза «Ордын», мой земляк, уроженец села Пажги Сыктывдинского района Коми АССР. Когда немецкий разведчик с автоматом скрытно подобрался к нашему пулеметному расчету «максим» и хотел уничтожить его, Григорий метким выстрелом предотвратил беду. А когда фашистские молодчики не выдержали рукопашной и кинулись обратно, Попов воспользовался паникой и уничтожил еще несколько фрицев.

Схватка была смертельной. В траншеях валялись убитые и раненые немцы. Были потери и среди наших — тяжело ранены командир отделения, пулеметчик и несколько стрелков. В этом бою я подобрал алюминиевую ложку с вилкой выпуска 1938 года и опасную бритву немецкого производства. И решил оставить при себе как память об этом бою, о войне и товарищах (сейчас эти предметы находятся в Республиканском краеведческом музее)...

На следующий день, после ужина, укрывшись в землянке, мы, свободные от караула, говорили о вчерашнем бое. Григорий Попов стал вспоминать и дни мирной жизни, рассказывал о родном колхозе, об односельчанах. Потом замолчал, а через некоторое время обратился ко мне:

— Если погибну, возьми адрес жены. Напиши подробно ей и сынишке, как все у нас происходило.

Будто предчувствовал гибель.

Ночью противник вел себя тихо, лишь изредка строчил из пулемета по нашей высоте да пускал осветительные ракеты. Но это не мешало нам углублять траншеи и улучшать

огневые точки. Вместе со всеми работал и Попов. Он забрался на бруствер траншеи, чтобы подправить и утрамбовать земляное полотно на кромке окопа для лучшего наблюдения за противником. Но в этот момент взвилась осветительная ракета и почти одновременно последовала пулеметная очередь врага. Гриша спрыгнуть в траншею не успел...

Тяжело мы переживали гибель товарища. Сразу же написали письмо его жене — Екатерине Алексеевне. Г. И. Попова похоронили на восточной стороне высотки. Помню, что прощаться с ним пришли многие земляки из соседних подразделений. Сказали горестную речь старший лейтенант Холопов и его товарищ Порошкин (оба они из Сыктывкара). Были там односельчанин Гриши артиллерист 112-го артполка Модест Иванович Попов и дивизионные разведчики Александр Сергеевич Осипов и Дмитрий Иванович Осипов из села Иб Сыктывдинского района. Над могилой героя прозвучали пять винтовочных залпов. Из консервной банки вырезали звездочку и установили ее на сооруженном на скорую руку памятнике. На могиле Григория мы дали клятву: мстить врагу за смерть боевого товарища.

СТУПИНСКИЙ БАСТИОН

Во второй половине ноября 1942 года по указанию Ставки Верховного Главнокомандования началась подготовка Ведиколукской наступательной операции. План по окружению и разгрому немцев в городе Великие Луки был разработан в штабе 3-й ударной армии с учетом замечаний генерала армии Г. К. Жукова.

По этому плану одна из самых трудных задач — штурмом взять Ступинскую высоту — выпала на долю 88-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии. Эта высота находилась примерно в 25 километрах южнее города Великие Луки. Ее не раз пытались брать и прямой атакой, и обходным маневром, но безуспешно. Противник крепко держался за нее, потому что она прикрывала не только узел стратегических шоссейных дорог в районе Ступино, но и железную дорогу Великие Луки — Невель и являлась главной опорой его обороны в этом районе.

Ночью, перед атакой, группа саперов во главе со старшим лейтенантом Неустроевым разминировала минные поля и сделала проходы через проволочные заграждения в нескольких местах. За саперами выдвинулись стрелковые

роты 88-го полка, незаметно для врага заняли исходные позиции вплотную к огневому валу. Командование полка решило использовать фактор внезапного наступления.

Наши полковые радисты и связисты установили радиотелефонную связь на исходных местах, КП (командном пункте) и НП (наблюдательном пункте). Всех коммунистов и комсомольцев направили на ответственные участки. Ка-шайскому, Лебединцу, Гилеву и Серенкову было приказано обеспечить бесперебойной связью командный и наблюдательный пункты, а остальным — связь штаба полка со всеми штабами батальонов. Ответственным за телефонную связь назначен лейтенант Николай Царук, а за радиосвязь — лейтенант Даниил Шпак.

Первый день наступления, 24 ноября 1942 года, войска 3-й ударной армии начали с разведки боем, а на другой день в наступление пошли главные силы.

На участке 28-й стрелковой дивизии полковые, дивизионные и минометные подразделения армейского резерва открыли по Ступинской и прилегающим к ней высотам ураганный огонь. Более часа над нашими головами свистели и гудели тысячи снарядов и мин различного калибра. Дальнобойные снаряды падали за реку Ловать и уничтожали тыловые части противника. Особенно активно громили немцев артиллеристы 112-го артполка под командованием майора Г. М. Хорькова, минометчики батареи 88-го стрелкового полка под командованием Ивана Егоровича Воробьевого, а также подразделение «катюш» майора Барсукова.

Нам казалось, что на той высоте, которую предстояло взять, ничего живого не осталось. Стоявшая накануне, как огромная неприступная крепость, она превратилась в сплошной клуб черного дыма. Ранее росший на ней кустарниковый лес поредел, а местами совсем исчез, обнажив крутые склоны. И все же, когда наши стрелки поднялись в атаку, немцы встретили их сильными пулеметно-автоматными очередями и артиллерийско-минометным огнем. Но бойцы и командиры, словно одержимые, с каким-то необъяснимым упорством рвались к вражеским позициям.

Бойцы 2-го стрелкового батальона под командованием майора Н. Г. Зажигина настолько быстро проскочили через проходы в проволочных заграждениях и минных полях, что фашисты даже не успели организованно подготовиться к отражению атаки. Перед наступлением среди бойцов шел разговор, что враг боится штыкового боя. И действительно, когда немцы увидели перед собой длинные русские штыки, некоторые, скинув свои вещевые сумки и противогазы, на-

чали поспешно отступать. Человек 5 замешкавшихся фрицев побросали свои автоматы и подняли руки вверх крича: «Гитлер капут!»

Однако последующие ходы сообщения и траншеи занимать стало труднее, противник успел перестроиться, получил подкрепление и под прикрытием сильного артиллерийско-минометного огня стал контратаковать нас. На отдельных участках дело дошло до рукопашной.

Вскоре для развития наступления 88-го стрелкового полка по приказу командира полка И. С. Лихобабина в сражение вступила рота автоматчиков, которой командовал бесстрашный офицер Петр Путохин. В этой роте было много бойцов из Коми АССР: Петр Поздеев, Федор Дуркин, Александр Юркин, Геннадий Самодуров, Александр Чесноков, Григорий Осташев, Дмитрий Шишлов, Яков Хозяинов и другие, а вообще рота была интернациональной.

Перед наступлением автоматчиков разбили на штурмовые группы по 7—8 человек. По-пластунски, скрытно они поползли вперед. По команде (три красные ракеты) атакующие бросились вперед на северо-восточную сторону Ступинской высоты, где немцы накапливались и готовились к контрнаступлению. Вот поднялся политрук роты Иван Чистилин. За ним с криком «ура!» устремились автоматчики. Вперед вырвалась группа, возглавляемая Григорием Осташевым. Левее действовала группа Якова Малышева (родом из Усть-Цильмы). На правом фланге начала громить немцев группа во главе с ненцем Иваном Выучейским. Смельчаки ворвались в траншеи противника, прокладывая себе путь короткими очередями. Отступая, фашисты сосредоточились на левом фланге. Это заметил Г. Осташев и кинулся в ту сторону.

— Эй, братцы, сюда! — махнул он рукой и стал пробираться по траншее к землянке, где скопились немцы. Один вражеский солдат заметил Осташева и хотел бросить гранату, но Григорий опередил его — дал очередь из автомата, и тот свалился. Осташев крикнул:

— Гитлер капут, вылезай!

В землянке молчали.

— Бросай оружие! Выходи! — повторил команду Осташев. — Иначе...

Немцы поняли, загудели и стали выходить без оружия, с поднятыми руками.

— Братцы, помогите, — обратился Осташев к своим. К нему подбежали Иван Выучейский и еще двое солдат.

В это время казах Кужбанов, украинец Григоренко и

коми Дуркин захватили несколько немецких пулеметов, много гранат, автоматов и начали косить гитлеровцев. Их поддерживали артиллеристы из противотанкового дивизиона, которые следовали в боевых порядках полка.

Уверенные в неприступности своих оборонительных сооружений, вражеские солдаты отчаянно сопротивлялись, а с подходом подкреплений бросались в контратаки.

В этом долгом, тяжелом бою особенно прославился усть-цилемский парень, матрос парохода Григорий Осташев. Всего он уничтожил и взял в плен около двух десятков гитлеровцев. По этому поводу дивизионная газета «Вперед!» поместила на первой странице корреспонденцию, где говорилось: «Красноармеец Григорий Осташев — примерный воин. Он в одном бою уничтожил двенадцать гитлеровцев, захватил два ручных пулемета, миномет и радиостанцию».

А вскоре Осташев вновь отличился. Майор А. Ф. Ракин, посвятивший ему статью в той же газете, свидетельствовал: «Автоматчик Григорий Осташев во время штурма одной высоты первым ворвался во вражеский блиндаж и штыком заколол двух немецких пулеметчиков, расстрелял минометный и пулеметный расчеты, гранатой уложил офицера и двух радистов и, когда бой завершился, все оружие убитых доставил в свое подразделение».

О подвиге Осташева заговорила вся 3-я ударная армия. Позже в Коми АССР, в адрес матери Осташева — Екатерины Ивановны — пошло множество теплых, поздравительных писем. Первыми, конечно, написали бойцы и командиры роты автоматчиков. Они поблагодарили ее за воспитание сына, мужественного и бесстрашного воина. Написал письмо Екатерине Ивановне и сам командир 88-го стрелкового полка И. С. Лихобабин. В нем были такие слова:

«В боях за советскую Родину с немецко-фашистскими захватчиками Ваш сын — красноармеец Осташев Г. С. проявил стойкость, мужество и храбрость, за что он награжден высокой правительенной наградой — орденом Красной Звезды. Мы гордимся Вашим сыном — пламенным патриотом, верным защитником Родины».

Но вернемся к боям за овладение Ступинским бастionом, которые все более и более обострялись. В конце концов батальон Васильева овладел высотой Серково, что западнее высоты Ступино, а одна его рота оседлала Невельское шоссе в стыке проселочной дороги, что идет на Глазуново. В это же время батальон Войтенко овладел деревней Погонялино и подошел вплотную к Крюкову, а одной ротой

перерезал Невельское шоссе в районе Могилки. Таким образом, Невельское шоссе на значительном протяжении оказалось под нашим ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. В результате противник был лишен путей сообщения. Пореченский, Курьяковский и Мартыновский опорные пункты фашистов были отрезаны от баз снабжения.

Командующий 3-й ударной армией К. Н. Галицкий впоследствии в книге «Годы суровых испытаний. 1941—1944» (с. 198—200) о ходе этих боев так писал:

«Командир 88-го полка ввел в бой резервную роту. А командир дивизии полковник Сергей Алексеевич Князьков, видя, что бой за высоту затягивается, сосредоточил по противнику огонь всей артиллерии дивизии и перебросил сюда свой резерв — роту автоматчиков 144-го стрелкового полка. Но и после этого бой за господствующую высоту продолжался весь день. Он закончился только ночью, когда было отражено еще несколько сильных контратак».

Гитлеровцы, чтобы восстановить первоначальное положение, спешно перебросили из района города Невель 90-й полк 20-й моторизованной дивизии и после удара бомбардировщиков при поддержке артиллерии возобновили контратаки. В ходе жестокого боя, переходящего в рукопашные схватки, батальон Васильева и батальон Войтенко понесли большие потери, особенно батальон М. В. Войтенко. Вышли из строя почти все командиры рот и взводов. Оставшиеся в строю 27 человек во главе с комиссаром А. К. Шутовым удерживали натиск более трехсот фашистских молодчиков. И герой — шутовцы — ценой своей жизни, как и панфиловцы под Москвой, отстояли у Великих Лук очень важный рубеж.

Затяжной характер принял бой за деревню Сеньково, находившуюся южнее Ступинской высоты. Гитлеровцы понимали, что с потерей Сенькова исчезнет последняя надежда восстановить прежние позиции. Ночью решительной атакой наши выбили немцев из деревни, но противник рано утром бросил в бой подразделения войск СС. Наши воины впервые увидели психическую атаку немцев. Пьяные эсэсовцы шли на Сеньково по ровному заснеженному полю рядами, в полный рост. Что и говорить, картина, прямо скажем, впечатляющая. Но она почему-то не подействовала на психику наших бойцов. Тут и там раздавались насмешливые возгласы:

— Давай, давай...

— Всыплем психам...

Подпустив атакующих на выгодную дистанцию, наши стрелки и пулеметчики ударили по ним из всех видов оружия...

В дальнейшем напряженные бои развернулись вокруг города Великие Луки. А 29 ноября наши войска полностью окружили в Великих Луках гарнизон противника.

Военный совет армии, стремясь избежать лишнего кро-вопролития, решил предъявить начальнику окруженногонемецкого гарнизона барону фон Зассу ультиматум с требованием прекратить дальнейшее сопротивление и сложить оружие. Парламентерами были назначены переводчик политотдела армии старший лейтенант М. Д. Шишкин и командир огневого взвода 144-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии лейтенант И. В. Смирнов.

15 декабря 1942 года в 14 часов наши войска прекра-тили стрельбу и включили мощные радиопередатчики:

— Внимание! Внимание! Идут советские парламентеры!

Огонь с обеих сторон временно прекратился. Смирнов и Шишкин с белым флагом направились к вражеским укреплениям. Когда советские офицеры приблизились к траншеям противника, их остановил окрик: «Хэндэ хох!» Шишкин ответил, что они в плен сдаваться не думают, выполняют миссию парламентеров, а поэтому руки вверх поднимать не будут. Он потребовал отвести их в штаб. Смирнов и Шишкин, оказавшись в окружении гитлеровских офице-ров, достали пакет с текстом ультиматума. Фон Засс бар-ским жестом отклонил пакет:

— В переговоры не вступаю, пакет не принимаю.

Наступила пауза. Шишкин спросил:

— Здесь можно курить?

Немец протянул парламентерам сигареты, но Смирнов с достоинством сказал:

— Мы курим только свой, русский табак.

— Пусть курят свой, русский табак,— усмехнулся фон Засс, вкладывая в эту фразу какой-то особый смысл.

Гуманное предложение советского командования гитле-ровцы отвергли, таким образом они сами предопределили свою дальнейшую судьбу в Великих Луках.

И вот парламентерам вновь завязали глаза и провели к проходу в проволочных заграждениях.

Страшно было получить в спину очередь, но они шли, не сгибаясь, ровным шагом. Когда осталось метров сорок до своих траншей, офицеры преодолели их броском. В тот же миг им вслед ударили вражеские пулеметы.

Все обошлось благополучно. Командарм армии поздра-

вил отважных офицеров с выполнением задания и вручил каждому орден Красного Знамени.

В истории Великой Отечественной войны это был первый случай, когда в стане врага побывали советские парламентеры с предложением сложить оружие. И одним из них был наш ветеран Иван Васильевич Смирнов.

На другой день утром советское командование вновь обратилось по радио к окруженному гарнизону с призывом о капитуляции. Ответа не последовало.

Великие Луки освобождали соединения: 8-й эстонский стрелковый корпус, 257-я и 357-я стрелковые дивизии, 47-я механизированная бригада и другие соединения. Беспрощадно громили врага воины 28-й стрелковой дивизии полковника С. А. Князькова.

К этому времени наш 88-й стрелковый полк, овладев Марьиновским узлом сопротивления и отражая беспрерывные вражеские контратаки, прочно удерживал занимаемые рубежи.

Храбро сражались личные составы 88, 144 и 235-го стрелковых полков и специальные подразделения, которые были приданы этим стрелковым полкам.

За успешное выполнение боевого задания 112-й артиллерийский полк был награжден орденом Красного Знамени, а 28-я стрелковая дивизия получила благодарность Верховного Главнокомандующего.

Важнейшим залогом успеха Великолукской операции явилось высокое морально-политическое состояние войск дивизии. Бойцы и командиры, воспитанные Коммунистической партией, рвались в бой с ненавистными фашистскими захватчиками. Примером отваги и самоотверженности для всего личного состава были коммунисты и комсомольцы. Они сражались на самых трудных и опасных участках, первыми поднимались в атаку, увлекая за собой остальных воинов...

Так, при отражении контрудара противника на Великие Луки помощник начальника политотдела дивизии по комсомольской работе майор Ракин в ходе боя пробрался на небольшую высотку, которую обороняла сильно поредевшая рота. Ее уже несколько раз атаковали гитлеровцы. Положение стало особенно тяжелым, когда немцы попытались обойти высоту. Майор Ракин под огнем врага поднялся на гребень высоты и крикнул: «Товарищи, ни шагу назад. Умрем, но не отступим!» Все двадцать оставшихся в строю бойцов во главе с майором ринулись на противника, отбро-

сили его. Фашисты вновь и вновь атаковали. Но наши воины стойко оборонялись до подхода подкрепления.

За этот подвиг А. Ф. Ракин был награжден орденом Красного Знамени.

В другом случае перед началом одного наступления 88-го стрелкового полка на исходном рубеже агитатор из политотдела дивизии Н. Д. Костерин проводил беседу среди бойцов и командиров. Когда же подали команду: «Вперед!», он первым выскочил из окопа и увлек за собой в атаку всех других бойцов.

Сразу после завершения Ступинской операции нашему полку дали отдых. Как только перешли во второй эшелон, в тот же день к нам приехали санобработчики. Натянули передвижную палатку и устроили теплый душ.

На другой день по указанию политотдела армии майор Г. Н. Голиков направил к нам кинопередвижку. Автофургон с киноаппаратом приехал прямо в штаб полка. Вечером около штаба в лесу организовали показ фильмов «Александр Пархоменко» и «Котовский». Демонстрировал их наш земляк, бывший директор Сторожевской киносети Коми АССР Александр Тихонович Габов.

На третий день опять событие — с утра политработники нашего полка раздавали по ротам газеты, присланые из Сыктывкара редакциями газет «За новый Север» и «Ворлэдзысь». Нам очень дороги были эти газеты, они давали возможность как бы побывать в родном краю, узнать, как живут люди, какие там новости.

После обеда вручали правительственные награды.

В последние дни отдохна мы получили много посылок из Коми АССР. Колхозники сельхозартели «Сталинец» Сыктывдинского района, где председателем был А. И. Сямтолов, прислали теплые зимние портняки и махорку-самосад, а колхозники из колхоза «Красный партизан» Сысольского района, где председателем тогда был И. А. Еримов, — 200 пар теплых шерстяных носков. Радости не было предела. Это был для нас настоящий праздник.

* * *

По инициативе Великолукского райкома КПСС и в соответствии с постановлением бюро Псковского обкома КПСС 9 мая 1975 года на Ступинской высоте к 30-летию Великой Победы была установлена и в торжественной обстановке открыта мемориальная доска с надписью: «Воинам 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии,

проявившим мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при овладении Ступинско-Пореченским узлом сопротивления в декабре 1942 года».

ВМЕСТЕ С РАЗВЕДЧИКАМИ

Какая бы ни была обстановка на фронте, у разведчиков всегда есть работа: то оборону противника разведать, то «языка» взять, то передвижение войск уточнить. Да мало ли какие еще сведения нужны командованию, чтобы ясно представлять себе, с кем имеешь дело, как лучше оборо няться, а тем более наступать. Недаром в народе говорят: не зная броду, не суйся в воду. Вот на то и разведка, чтобы знать все эти броды и доставить необходимые данные командованию. Когда они отправляются в поиск, то часто берут с собой и нас, связистов и радиостов. В. Лебединец, я, Кашайский, партторг роты, радиост В. Гилев, командиры взводов Д. Шпак, Н. Царук, К. Михайлов и другие не один десяток раз ходили в разведку и оказывали им необходимую помощь. Без связистов и радиостов, саперов и санин структоров не может быть организована ни одна большая разведывательная операция.

Помню, в марте 43-го меня и Кашайского включили в группу разведчиков, уходивших на задание. Перед нами была поставлена задача: проникнуть в нейтральную зону заданного района, изучить местность, оборонительную полосу немцев, уточнить огневые точки и обо всем докладывать по телефону.

Ночь. На НП подключились к телефону, катушки и аппарат — на спину и с разведчиками в масках налатах отправились в намеченное место. В голове цепочки — саперы и группа захвата, а мы с Кашайским замыкающие, прокладываем телефонный кабель. Где перебежками, где ползком прошли незнакомый участок.

Каждые 5—10 минут противник пускает в нашу сторону осветительные ракеты, а потом открывает бесприцельную ружейно-пулеметную стрельбу. Все это требует от каждого максимальной осторожности и внимания, выдержки и терпения. Достаточно противнику обнаружить одного, и может погибнуть вся группа.

Прошли минное поле. Впереди многорядное проволочное заграждение, а дальше до зубов вооруженный противник.

— Стой! — шепотом по цепочке поступила команда. — Укрыться!

Но укрыться было негде, кроме как в сугробе снега. Земля мерзлая, окопаться быстро невозможна. Тем не менее находчивые разведчики не растерялись и вскоре для всех нашлись подходящие укрытия. Так мы просидели сутки. Все изучили, все высмотрели и — главное — все передали.

В первую ночь саперы сделали проходы к противнику через колючую проволоку. В другую ночь группа захвата по команде «Вперед!» бесшумно подобралась к одной пулеметной ячейке, оглушила двух фашистов и начала отходить к своим.

Немцы всполошились, началась беспорядочная стрельба. По телефону мы вызвали артиллерийский огонь для прикрытия. При отходе часть кабеля сматывали, а что не успели — стянули со стороны НП. И таких вылазок наших связистов с разведчиками было много.

Конечно, не всегда так удачно проходили поиски. Были у нас и потери. В районе Балаши погиб разведчик Зайцев, до невельских боев погибли в разведке старшие лейтенанты командир радиовзвода Даниил Шпак и командир взвода разведки Егор Рочев и другие.

Но чаще все-таки сопутствовала удача. К этому времени мы научились по-настоящему воевать и бить врага, как говорят, не числом, а уменьем. В этой связи хочется рассказать еще об одном эпизоде.

24 мая части 28-й стрелковой дивизии перешли в наступление. Дивизия должна была овладеть опорным пунктом врага Бекезы. Взвод 7-й роты 144-го полка, где командиром был старший сержант А. П. Ниухин (котлашанин), получил приказ: «Перед началом наступления наших войск отвлечь силы противника на себя, с тем чтобы дать возможность основной удар нанести в другом месте и с меньшими потерями захватить Бекезы».

Для выполнения приказа взвод выдвинулся ночью на передний край обороны, как можно ближе к противнику, и окопался. Перед артподготовкой он поднял огромный шум в своих траншеях.

Немцы быстро зашевелились, открыли ружейно-пулеметную стрельбу и артиллерийский огонь по этой высоте. А в это время бойцы стрелкового батальона 144-го стрелкового полка после артиллерийского огня решительно атаковали врага на своем участке. Хотя они и понесли большие потери, но поставленную перед ними задачу выполнили — ворвались в траншее противника. Завязался

рукопашный бой. В конце концов немцы дрогнули и стали отходить.

В этом бою хорошо проявили себя пэтээровцы. Рота противотанковых ружей находилась на переднем крае нашей обороны. Когда пехота поднялась в атаку, она также последовала за наступающими. Сержант одного расчета этой роты Влас Павлович Ветошкин (уроженец Ухты, Коми АССР) раньше всех установил свое ружье на удобном месте и начал без промаха бить по огневым точкам противника. В результате этот расчет уничтожил 2 пулемета и несколько гитлеровцев.

Несмотря на ранения, А. П. Нюхин, Ф. П. Нюхин (котлашане) и Канев (коми) продолжали оставаться в строю и громить гитлеровцев. Лишь под вечер, когда стало немногого спокойнее и пришло пополнение, они отправились в санитарную часть.

Расчет Власа Павловича вместе с другими оборонялся на огневой позиции. Вскоре вражеской пулей был сражен второй номер, затем кончились патроны от ПТР, тогда отважный воин берет в руки карабин и вместе со стрелками продолжает оборонять рубеж Бекезы от немецких захватчиков.

И таких примеров можно привести много. Никто не думал о себе, у всех была общая забота — громить и громить врага.

ВПЕРЕДИ НЕВЕЛЬ

Город Невель был крупным опорным пунктом и важным транспортным узлом врага. Овладение им нарушило бы всю систему коммуникаций противника на этом направлении.

Освобождение Невеля было возложено на 3-ю ударную армию. Она состояла из нескольких стрелковых дивизий, куда входила и наша 28-я дивизия, и других соединений.

В этом районе немцы хорошо укрепились за весенне-летний период. Они прорыли множество траншей и ходов сообщения, соорудили блиндажи, дзоты, установили несколько рядов проволочных заграждений, огневые точки.

Прорвать оборону врага было решено в районе деревень Праборовье и Ворсаково.

Составляя планы операции, наше командование рассчитывало на внезапность удара.

Воинские соединения, в том числе и наша стрелковая

дивизия под командованием полковника Букштыновича, должны были быстро прорвать вражескую оборону, расчистить путь для второго подвижного эшелона, перед которым стояла задача как можно быстрее захватить город Невель.

С первых дней октября в подразделениях началась боевая учеба.

Одновременно в подразделениях велась большая политическая работа. В сознание людей вселялась глубокая вера в победу над врагом, в успех предстоящего наступления. Всюду прошли партийные и комсомольские собрания.

При подготовке к наступлению многие рядовые и командиры стремились стать коммунистами. Я вместе со своими связистами и радиистами тоже к этому времени вступил в партию. Партибилеты нам вручили начальник политотдела дивизии М. Х. Шапиро и секретарь парткомиссии политотдела М. А. Стрекаловский. Они нас поздравили со вступлением в ряды ВКП(б) и пожелали успехов в предстоящих боях.

В эти дни особенно много и плодотворно работали среди личного состава нашего 88-го стрелкового полка майор Г. Н. Дуркин — заместитель командира по политчасти 88-го полка, А. В. Кононов — партторг полка, В. В. Коблов — комсорг полка, а также Бильтик — командир роты связи, В. С. Верезубов — агитатор политотдела дивизии и другие.

Накануне дня наступления командир полка полковник И. С. Лихобабин побывал во многих ротах и проверил, как личный состав полка подготовлен к боям. Он присутствовал на партсобрании и в нашей роте связи. Свое выступление он закончил такими словами: «Помните: непрерывная радиотелефонная связь в бою — это залог победы».

— Не подведем, товарищ полковник! — ответили мы хором.

В ночь на 6 октября 1943 года подразделения 28-й стрелковой дивизии заняли исходное положение.

На рассвете до артподготовки мы, связисты, закончили протягивание и маскировку линий связи на КП и НП. Несколько телефонов типа «унфон» были установлены и на исходных местах стрелковых подразделений. Четко работала радиотелефонная связь штаба полка со штабами батальонов. Кроме основных линий связи, у нас были в некоторых направлениях запасные, ранее установленные из колючей и столбовой проволоки, брошенной немцами при отступлении. Это давало возможность в случае поврежде-

ния главной линии немедленно переключить разговор на запасные линии, почти не прерывая его. По указанию начальника связи 88-го стрелкового полка на наиболее ответственных линиях в середине участка устанавливали промежуточные посты, где постоянно дежурили командиры взводов и его помощники: лейтенанты Царук, Михайлов и Толоконников, старшина Васильченко и старший сержант Макаров. При повреждении линии связи они наравне с бойцами немедленно выходили на обрыв и восстанавливали связь.

После разведки и контрольной артиллерийской пристрелки на всем фронте наступления начался методический артиллерийский обстрел укрепленных объектов противника. Наша авиация также наносила по ним удары. После артподготовки была дана команда: «Подъем к атаке». И вот уже бойцы высказывают из траншей. Гремит дружное «ура-а!»

Командарм 3-й ударной армии К. Н. Галицкий в книге «Годы суровых испытаний. 1941—1944» (стр. 320—321) так рассказывал о начале наступления:

«Наибольшего успеха добились в ходе первой атаки подразделения 88-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии, которым командовал полковник И. С. Лихобабин (заместитель по политчасти — майор Г. Н. Дуркин, начальник штаба — майор В. М. Звонцов). С наблюдательного пункта я отчетливо видел, как они смелым, решительным броском достигли первой траншеи противника. Тут же полковник Букштынович доложил, что это был батальон майора Б. Д. Васильева.

Хуже было в 144-м стрелковом полку, которым командовал подполковник Ф. А. Голенков (заместитель по политчасти — подполковник А. М. Рябинин). Гитлеровцы прижали его подразделения к земле очень плотным огнем».

Наш 88-й стрелковый полк первым прорвал вражескую оборону, выбил противника из укрепленного участка и овладел опорным пунктом Праборовье.

По указанию полковника И. С. Лихобабина вслед за наступающими ротами быстро передвигалась и успешно громила отступающих немцев полковая минометная 120-миллиметровая батарея под командованием старшего лейтенанта И. А. Межина.

Первый комбат тяжелых минометов полка И. Е. Воробьев по приказу фронта в апреле 1943 года был переведен в другую часть. При передаче батареи Межину он сказал:

— Сдаю тебе грозное оружие высокого класса и воинов-

минометчиков. Бей фашистов беспощадно, как мы били их под Великими Луками!

И старший лейтенант И. А. Межин с честью выполнял наказ первого комбата полка.

В трудные первые часы наступления наша радиотелефонная связь работала нормально. Обрывов было много, один за другим. Но связисты Меркурев (из Вологодской области), Кашайский (из Нижнего Тагила), Лебединец (украинец) и другие под огнем противника быстро восстанавливали поврежденные участки.

Наступление развивалось так стремительно, что немцы бросали все имущество. Мы захватили около 1500 метров красного кабеля, телефонные аппараты, которые тут же использовали.

Ход наступления все более нарастал. Начальник оперативного отдела 3-й ударной армии Г. Г. Семенов в книге «Наступает ударная» (стр. 94—96) писал об этом так:

«Генерал Галицкий, внимательно наблюдавший за ходом наступления, решил ввести в бой эшелон развития прорыва вслед за 28-й дивизией, не ожидая, пока оборона немцев окажется раздробленной на всю тактическую глубину. Это решение было смелым и правильным. Ровно в полдень 78-я танковая бригада и 21-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с частями усиления выступили по сигналу из исходного района. 28-я стрелковая дивизия продолжала развивать наступление. Особенно удачно действовал все тот же 88-й полк. Он быстро продвигался на запад, несмотря на то, что соседи отстали и фланги оказались открытыми. Справа его отделял от противника лишь узкий овраг, вдоль которого немцы наскоро создавали оборону, разворачивая орудия и ставя пулеметы, тотчас открывавшие лихорадочный огонь. Однако подразделения полка, укрываясь за складками местности, не распыляя силы на прикрытие флангов, рвались в глубину обороны противника. Это еще более усилило растерянность врага. О контратаке во фланг он, видимо, и не думал. Полк захватил у ошеломленных гитлеровцев 12 орудий».

В это время танковое подразделение с десантом автоматчиков под командованием капитанов Маркова и Пирожникова мчалось по дороге в направлении города. С боями преодолев 30-километровое расстояние, давя на своем пути повозки и автомашины противника, танкисты и автоматы ворвались в город Невель. В центре города они водрузили Красное знамя на здании бывшего городского Совета. Танкисты вместе с пехотными подразделениями

захватили телеграф, вокзал и мосты. Несколько экипажей танков ринулись в направлении железнодорожного вокзала и разгромили охрану. Там освободили 2 эшелона с людьми — невельчанами, которых оккупанты хотели увезти в Германию в фашистскую неволю.

Бои за Невель отличались многочисленными примерами героизма и храбрости наших бойцов и командиров. Было много случаев, когда раненые воины не желали уходить с поля боя и продолжали бороться с ненавистным врагом. И у нас, связистов, командиры В. Лебединец и Н. Царук, были ранены, но не ушли со своих постов. И все же потери были значительными. Были ранены минометчик 144-го стрелкового полка М. М. Шаньгин (сыктывкарец), командир стрелковой роты 144-го полка В. П. Шубин (из Нижнего Тагила), связист 112-го артполка В. П. Ветошкин (ухтинец), командир огневого взвода 56-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона В. М. Рыкунич и другие.

Родина высоко оценила действия 3-й ударной армии. Приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 7 октября 1943 года все соединения, которые успешно участвовали в боях при освобождении Невеля, удостоились почетного наименования Невельских. Москва 7 октября салютовала доблестным воинам, освободившим город Невель, 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

С большим волнением мы прослушали и переданный по радио вечером 7 октября приказ Верховного Главнокомандующего, в котором всем войскам, участвовавшим в освобождении города Невель, объявлена благодарность. Освобожденный нами город был небольшой, но чувство гордости и удовлетворения наполняло каждого воина.

* * *

По решению Псковского обкома КПСС в городе Невеле в парке имени 21-й Невельской гвардейской стрелковой дивизии установлены стела и мемориальная доска со следующей надписью:

«7 октября 1943 года войска Калининского фронта освободили город Невель от немецко-фашистских захватчиков. В ознаменование одержанной победы 21-й гвардейской стрелковой дивизии, 28, 47, 360-й стрелковым дивизиям, 31-й стрелковой бригаде, 78, 143, 236-й танковым бригадам, 163-му истребительному противотанковому и 827-му гаубичному артиллерийским полкам, 240-й истребительной и

211-й штурмовой авиационным дивизиям присвоено наименование «Невельских».

Слава Советской Армии!
Вечная память павшим героям!»

Г. С. ОСТАШЕВ, бывший автоматчик 88-го стрелкового полка

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Передний край. На военных картах он обычно обозначается простой линией, которая уходит то вверх, то вниз, а то полукружием огибает какую-то высотку или населенный пункт. Простая линия, но как она много значит в судьбе солдата. За ней, за этой линией, находится вооруженный до зубов враг, враг жестокий и сильный. И сам он добровольно не отступит, не уйдет с этого участка земли. Он признает только силу. Значит, надо найти в себе такую силу, чтобы одолеть его. А это значит бой, жестокий, кровавый. Но и тогда, когда нет боя, смертельная опасность подстерегает на каждом шагу. Поэтому требуется повышенная бдительность, готовность в любую минуту разгадать и отразить происки врага.

Передний край. Он никогда не забывается, он навечно остается в памяти каждого солдата.

ИСПЫТАНИЕ НА СТОЙКОСТЬ

Наконец настал и наш черед идти вперед, где вот уже несколько часов не прекращался смертоносный огонь. Мы с Иваном Выучейским и еще трое солдат должны были поднести на передовую боеприпасы. Это метров 200—250. Но каких метров! Место открытое, беспрерывно рвутся мины и снаряды. А у нас тяжелые, набитые до отказа патронами и гранатами вешмешки. Они сковывают движения, не дают возможности свободно передвигаться по местности.

Простились с товарищами и тронулись в этот короткий, но такой долгий и страшный путь.

Впереди лежала речка. Ее миновали благополучно, а

далъше пришлось пробираться ползком по голому мѣсту. Единственным прикрытием являлись многочисленные трупы убитых солдат, которые тогда не было времени убирать. Да и как уберешь, если голову поднять нет никакой возможности. Метр за метром подползли уже почти к самой передовой, до нее, что называется, рукой подать. И вдруг фашисты начали бросать гранаты с длинными деревянными ручками. Одна из них попала в мою каску, отлетела, разорвалась, и осколком ранило меня в ногу. В следующее мгновение чьи-то дружеские руки помогли спуститься в траншею. Следом за мной сполз и Вычейский. И как же обрадовались нашему прибытию автоматчики капитана Лутохина, среди которых оказались и наши земляки Федор Дуркин и Дмитрий Шишлов. Еще бы, столько патронов и гранат!

Рота автоматчиков, в которую мы с таким трудом доставили боеприпасы, располагалась в низине, в траншеях бывшей линии немецкой обороны, несколько дней назад отбитой нашими стрелковыми подразделениями.

Фашисты стремились во что бы то ни стало выбить роту с занятых позиций. Но это им никак не удавалось. Тогда они пошли на такую меру: спустили воду из находящегося рядом озера, чтобы затопить наши окопы. Автоматчики оказались в воде. Не было возможности поднять даже голову. На высотах сидели немецкие снайперы. В наших рядах были убитые и раненые. Вода в траншее приобрела от крови бордовый оттенок.

Нас разделяли от противника всего каких-то 45—50 метров искромсанной ничейной земли. Орудия и с той и с другой стороны молчали — боялись накрыть своих. И так продолжалось двое суток. Двое суток стояла рота в воде, двое суток без пищи и сна, под непрерывным обстрелом с близких позиций. По ночам в небе непрестанно висели ракеты, освещая мертвенным светом поле боя.

Дольше находиться в таком положении было нельзя. Выход только один — атаковать гитлеровцев.

И вот рано утром, на рассвете, по цепи была передана команда: «Через две минуты атаковать. Сигнал — ракета».

Ракета с шипением взвилась над ничейной землей.

— По врагу! Огонь!

Сотни гранат полетели на головы фашистов. Парторг роты Сергей Зиновьев (до войны он работал в поселке Новый Бор Усть-Цилемского района) поднялся во весь рост на бруствер с возгласом:

— За Родину! Вперед!

Но тут же пулеметная очередь сразила отважного коммуниста. Однако это не остановило атакующих. Следуя его призыву, автоматчики рванулись вперед, в одно мгновенье преодолели ничейную землю и в ожесточенной схватке овладели высотой. Потом 187 немецких трупов было поднято из окопов.

После этого гитлеровцы несколько суток нас бомбили, обрабатывали всеми видами огня. Но выгодные позиции остались за нами.

Парторг полка майор Михаил Кондратьевич Шульмин говорил тогда нам:

— Кто переживает такую войну, тот будет самым счастливым человеком на свете.

Действительно, это был кромешный ад. Но духом мы не падали. И хотя в тот раз из-за больших потерь мы не смогли до конца выполнить поставленную перед нами задачу, достигнутый успех радовал, воодушевлял, звал на новые подвиги.

Когда бои поутихли, нас отвели с переднего края. Дали трое суток отдыха.

В эти дни парторгу полка Шульмину пришлось много поработать над оформлением документов для вступления в партию. Через неделю в дивизионной парткомиссии многим из нас вручили партийные билеты и кандидатские карточки.

В первые же часы отдыха к нам в роту пришло много земляков, и первым, конечно, парикмахер Абакум Поздеев (из Усть-Цильмы), затем появились начальник ОВС полка Модест Иванович Исаков (сыктывкарец), Арсений Федорович Дуркин, Михаил Сметанин и много других товарищей и друзей.

А в конце трехдневного отдыха в одной из землянок состоялся импровизированный концерт наших земляков: Флор Федосеевич Колмаков играл на баяне, Елизавета Васильева, Александра Попова, Вера Рудометова исполняли частушки и песни. Но всех больше развеселил нас Савелий Михайлович Носов, исполнявший сатирические куплеты, в которых высмеивал фашистских вояк. Впоследствии командир дивизии С. А. Князьков сказал о нем командиру полка:

— Этого артиста-самородка нужно сохранить, он даст на сцене не меньше пользы, чем в бою, поднимая боевой дух наших воинов.

Через несколько дней Савелия Михайловича забрали в ансамбль песни и пляски 3-й ударной армии.

С окончанием отдыха фронтовые дороги снова повели нас на запад, навстречу врагу, к новым испытаниям.

ПОДВИГ ИВАНА ВЫУЧЕЙСКОГО

На переднем крае с поразительной быстротой познается настоящая цена человека. Здесь сразу с исключительной яркостью как бы высвечивается вся его сущность, состояние духа, моральная устойчивость. Бывает так, встретишь человека, на вид он ничем не примечательный, но проходит какое-то время и этот человек преображается. На поверку оказывается, что это настоящий герой, человек достойный того, чтобы о нем слагали легенды и пели песни.

Был в нашей роте такой солдат Иван Выучейский. Это с ним мы доставляли боеприпасы автоматчикам на передовую. Встретился я с ним в конце 1941 года в Усть-Цильме перед отправкой в армию. С ним были Савелий Носов, Сергей Зиновьев, Александр Муравьев и другие. Все они прибыли из Нового Бора. Потом случилось так, что Выучейский, Зиновьев, Носов и я попали в одну роту автоматчиков 88-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии.

Ненец по национальности, небольшого роста, коренастый, плотный, Выучейский сначала ничем не выделялся среди других, одетых, как и он, в серую солдатскую шинель. Но вскоре о нем заговорили. Природная смекалка, навыки охотника в сочетании с отменным здоровьем, закаленным на севере, помогли ему быстро освоиться с передовой. Вместе с полковыми и дивизионными разведчиками мы часто ходили с Иваном в тыл врага. Приходилось вступать в смертельную схватку с фашистами. И не было случая, чтобы Иван сплоховал, смалодушничал.

Командир полка подполковник И. С. Лихобабин как-то со смехом заметил:

— Смотри-ка, от горшка два вершка, а как смело и умело бьет фашистов. Молодец!

Иван не обиделся и тоже со смехом ответил:

— Я, товарищ подполковник, не весь тут, наполовину я в земле, вот почему фашисты и не могут сбить меня с ног.

Командир же взвода, в котором служил Выучейский, Георгий Макарович Пыжиков так говорил о нем:

— Побеждает тот, кто храбрость и отвагу сочетает с ловкостью, инициативой, смекалкой. В Выучейском есть все эти качества. Поэтому на любое задание он идет первым и успешно с ним справляется.

Смелость, отвага, боевая активность в то время являлись лучшей рекомендацией для вступления в партию. Иван Выучейский, как и сотни других воинов, стал коммунистом. Когда вручали ему партбилет, он не без волнения сказал:

— Спасибо за доверие. Я всегда и везде буду примером. Пока топчут нашу землю фашисты, буду бить их вот этими руками, сражаться до последнего вздоха, пока будут силы. Не опозорю звание коммуниста!

И слово свое он сдержал.

В одном из наступательных боев Выучейский один вырвался далеко вперед. Немцы шквальным огнем отсекли его от наступающих подразделений и, видимо, хотели взять живым. Но это же был Выучейский, не на того напали. Он вкруговую поливал фашистов автоматным огнем, одного за другим отправляя на тот свет. Потом он ворвался в рядом стоявший, чудом уцелевший дом и стал бросать оттуда в наступающих фашистов гранаты. Те, видя, что взять живым Ивана не удастся, начали стрелять в дом зажигательными пулями. Дом загорелся, повалил черный дым, вырвались языки пламени. Наши автоматчики бросились вперед, но было уже поздно...

Ивана Выучейского не стало, но он и дальше всегда был с нами, своим подвигом воодушевлял нас на борьбу с ненавистным врагом, звал вперед, учил не страшиться никаких препятствий. А этих препятствий на пути к окончательной победе было еще так много...

ЕДИНОБОРСТВО С ДЗОТОМ

После того как наши части овладели Ступинской высотой, они продолжали теснить немцев на юго-запад и метр за метром продвигаться к реке Ловать. Фашисты отчаянно сопротивлялись и много раз пытались контратаковать, чтобы вернуть выгодные позиции или хотя бы задержать наше продвижение вперед. И на одном участке это им удалось. Несколько фашистских огневых точек, оказавшихся на пути нашего полка, встретили атакующих шквальным огнем. Батальоны залегли в снегу.

Наша артиллерия била по этим фашистским точкам прямой наводкой, но подавить их не могла. Стоило нам только подняться, как снова оживали вражеские пулеметы и прижимали нас к земле, нанося ощутимые потери. Особенно губительным был огонь дзота, находившегося впереди нас метрах в 200—250. Оттуда непрерывно строчил крупнокалиберный пулемет, били снайперы. Обойти их было невозможно.

Командование полка решило уничтожить этот дзот в ночное время. Но как это сделать? Противник каждые

3—5 минут пускал в небо осветительные ракеты и давал короткие пулеметные очереди. Если послать большую группу, то ее наверняка заметят. Тогда было решено послать на подавление дзота двоих смельчаков.

Понятие «добровольцы» вроде бы и несвойственно нашей армии, где все подчинены единой воле командира, его приказу. Однако в особых случаях, когда требовалось выполнить задание исключительной сложности и опасности, вызывались добровольцы, люди, которые шли на это сознательно, со всей полнотой ответственности, не по принуждению. Это больше гарантировало успех задуманного. Так было и на этот раз.

Недостатка в желающих не оказалось. Но парторг полка капитан М. К. Шульмин почему-то выбрал рядового Игнатова и меня. Нас вызвали на КП полка.

Командир полка подполковник И. С. Лихобабин и находившийся тут же помощник начальника штаба полка В. М. Звонцов встретили нас тепло, приветливо и сразу же перешли к объяснению задачи: ночью в полосе 3-го стрелкового батальона надо скрытно продвинуться вперед, уничтожить дзот противника, дать сигнал ракетой и удерживать высотку до подхода наших.

Задание, что и говорить, не из легких, но мы хорошо понимали, что от этого зависит жизнь многих наших товарищ, которым предстоит завтра атаковать вражеские позиции, и поэтому заверили, что выполним его во что бы то ни стало.

— Будьте осторожны,— напутствовал командир полка,— хорошо продумайте, как лучше справиться с заданием. Здесь, как видите, надо действовать не числом, а умением.

На прощанье он крепко пожал нам руки и пожелал успеха.

Вернувшись в роту, мы первым делом занялись своим обмундированием: оделись в белые халаты, покрасили в белый цвет каски и даже нашли белые вещевые мешки. Это, чтобы не демаскировать себя, когда будем ползти к вражеской позиции. Потом, как говорят, вооружились до зубов: взяли по две противотанковые гранаты, по две Ф-1, ракетницу, автоматные диски, ножи и карманные фонарики.

Когда все было готово, командир роты Г. М. Пыжиков приирчиво осмотрел нас и сказал:

— Удачи вам, только не лезьте прямо на амбразуру, постараитесь обойти дзот стороной.

И вот передовая позади. Ночь выдалась пасмурная, тем-

ная, дует сильный ветер. Это нам на руку. По-пластунски ползем по хрупкому снегу. Слух обострен до предела. И хотя знаешь, что враг тебя не слышит, все равно каждое неосторожное движение заставляет припадать к земле и замирать на месте.

Раздается приглушенный вскрик Игнатова. Его, оказывается, ранило шальной пулей. Дальше двигаться ему нет смысла. А что делать мне? Возвращаться, не выполнив задания? Нет, это исключено, ведь на тебя надеются, в тебя верят, за тобой следят сотни глаз товарищей, которые в любой миг придут на помощь. Значит, двигаться только вперед. Не скажу, что это представляло удовольствие, пользуясь не к теще на блины. Было, конечно, страшновато. Когда вдвоем, все же как-то легче, а тут один. Взметнется в небо вражеская ракета, опишет дугу, повиснет над головой, замрешь на месте и лежишь как убитый, пока снова не наступит темнота. Потом начинаешь отчаянно работать руками и ногами. Так и добрался до дзота. Перед ним оказалось проволочное заграждение. К счастью, накануне наша артиллерия хорошо поработала, и оно было всюду поборвано.

Вспомнилось наставление командира роты — не лезть на амбразуру, поэтому подался вправо и вскоре наткнулся на одиночный окоп. Спустился в него, отдохнул. При очередной вспышке ракеты, к своему удивлению, увидел, что дзот всего каких-нибудь в 10—15 метрах от меня. Сперва даже не поверил. Но потом присмотрелся — ошибки нет, это он, а тут еще оттуда донеслась громкая немецкая речь. Взял гранату и подумал: «Ну, Осташев, пришел твой час! Будь что будет!» Швырнул гранату, за ней сразу же вторую. Подскочил ближе, выпустил вкруговую полный диск из автомата и бросился в дзот. Ответных выстрелов не последовало. Дальнейшее все произошло в каком-то автоматическом режиме, по заранее разработанной программе. Как-то само собой сработало сознание, и в небо взвилась желтая ракета — сигнал нашим, что дзот взят. В нишах оказался большой запас гранат. И это было кстати, так как к дзоту стали приближаться фашисты. Я стал швырять гранаты в противника. Вскоре подоспели наши, бегут и кричат:

— Гриша! Жив?

— Жив,— отвечаю. А сам еще не верю, что все так здорово получилось: и жив остался, и задание выполнил.

Первыми влетели в дзот земляки Петр Иванович Поздеев, Федор Иванович Дуркин, Геннадий Владимирович Са-

модуров. Они расщеловали меня по-фронтовому. А тут подоспели командир роты, политрук, санинструктор, все крепко пожимали руку и поздравляли с успехом.

На рассвете подсчитали трофеи. Только в дзоте и при выходе из него были убиты одиннадцать солдат и один офицер противника, много трупов валялось неподалеку от дзота. В числе трофеев оказались два пулемета, легкий миномет, автоматы, большое количество гранат и патронов, ультракоротковолновая радиостанция.

Так перестала существовать огневая точка противника, мешавшая продвижению наших войск вперед. Стрелковые батальоны снова поднялись в атаку, стали теснить фашистских захватчиков. А мне после боя командование полка предоставило пять дней отдыха.

В эти дни в моей жизни произошло и другое событие, оставившее след надолго: начальник политотдела вручил мне партийный билет, я стал членом ВКП(б).

Уже на второй день наша дивизионная газета «Вперед!» посвятила уничтожению дзота всю первую страницу. Это было, конечно, очень приятно, но в то же время и ко многому обязывало. Теперь на тебя смотрела вся дивизия, и надо было драться с фашистами еще лучше, и мы дрались не жалея ни сил, ни самой жизни.

Правильно в народе говорят: смелыми не рождаются, ими становятся. И путь к этому становлению шел через передовую.

Н. А. ЗАЦЕПИН, бывший заместитель редактора газеты „Вперед!“

ПОЛКОВНИК ЛИХОБАБИН

Тревожная весть мгновенно облетела окопы, она поразила нас, как молния:

— Командира убило!

Слезы невольно навертывались на глаза бойцов. Помню, пожилой бронебойщик в зеленом ватнике и каске дрогнувшим голосом говорил одно и то же, обращаясь к своему второму номеру:

— Какого человека убило! Какого человека! Отец! Родной отец! Эх, лучше бы меня...

Впервые я увидел командира 88-го полка Ивана Семеновича Лихобабина накануне Великолукской операции. Пришли мы к нему на наблюдательный пункт вместе с комиссаром полка.

Он встретил нас сдержанно, что-то сказал в ответ на приветствие и прильнул к щели амбразуры. Но час спустя, передав наблюдение начальнику штаба, командир самшел в нашу землянку. Лицо его было озабочено.

И тогда, и в последующие встречи я убедился, что для Лихобабина не существует ничего показного и наигранного. Он всегда был самим собой: внимательный, корректный и в то же время строгий, требовательный к себе и к людям. Его отличала прямота суждений, независимо от того, кого они касались — подчиненных или начальников.

В тот раз Иван Семенович был обеспокоен начавшимся снегопадом. Видимость ухудшилась, и в этих условиях, пока позволяло светлое время, он старался найти и запомнить ориентиры. Лихобабин рассказывал об особенностях штурма Ступинской высоты, который намечался на утро следующего дня.

Эта высота слыла на Калининском фронте крепким орешком. Ее пробовали брать и прямой атакой, и обходным маневром. Да не получалось. Противник цепко держался за нее, потому что она не только прикрывала шоссейную дорогу Великие Луки — Невель, но и составляла ядро всей его обороны.

— Высоту мы возьмем! — заявил Лихобабин. И тут же добавил: — Но дело здесь в другом...

Я узнал, что задачу на штурм высоты командиру полкаставил лично командующий генерал М. А. Пуркаев. Он сказал: «Взять высоту не хитро. Но перед ней можно положить целую дивизию. Пора воевать по нашей советской военной доктрине — побеждать врага малой кровью».

— Вот эти слова и не дают мне покоя, — произнес Иван Семенович.

Иван Семенович возлагал главную надежду на огневой вал. Он хотел было познакомить меня со своими расчетами, результатами экспериментов на учебных полях, но комиссар показал на часы: время идти на передний край.

Гуськом, друг за другом, вышли мы из блиндажа по ходу сообщения. Кругом — белым-белое. Ветки кустов опустились под тяжестью мокрого снега. Впереди огромным неподвижным айсбергом вздыпалась высота. Тут и там на

ней взлетали ракеты, долго мигали и, падая, гасли, оставляя зигзаги красноватого огня.

Зашли мы по пути в большую землянку, где собирались солдаты, свободные от дежурства на огневых точках. Коптили светильники, бросая неровные блики на стены. Десятки внимательных глаз смотрели на командира.

Глуховатым голосом Иван Семенович спрашивал солдат, тепло ли они одеты и хорошо ли их кормят. Затем он ознакомил воинов с тактической обстановкой, стремясь более выпукло выразить главную мысль: одержать надо победу с наименьшими потерями.

— Все зависит от вас, товарищи,— продолжал командр.— Сила наступающих в быстроте и решимости. Будем идти за огневым валом. Огонь в глубину перенесем в самый нужный, решающий момент.

— А свои снаряды, они ведь тоже убивают!— неожиданно выпалил молодой солдат, стоящий у самой двери.

Лихобабин метнул глазами в сторону говорившего. И твердо, без раздражения ответил:

— Убить может и камень, случайно упавший с бруствера окопа. Для атакующих опасен не свой огонь, а пулеметы противника. А их-то и надо подавить. А когда ворвешься в траншею, вы в ней хозяева. Граната и штык откроют дорогу.

Спокойствие Лихобабина, его доводы хорошо действовали. Солдаты оживились. В их глазах горели веселые огоньки.

— Постараемся, товарищ командр!— И вся землянка загудела, пришла в движение.

Бой начался на рассвете. К концу привычной артподготовки, в точно назначенное время, с сухим треском взвились ракеты, вспарывая хмурое осенне-весеннее небо. И сразу же по траншею пронеслись призывные голоса:

— В атаку! Вперед!

Бойцы выскакивали на черный влажноватый снег и, кто бегом, кто ускоренным шагом, развернутой цепью шли на высоту. У самой ее вершины — стена огня. Воздух гудел и содрогался от взрывов. Но люди поднимались все выше и выше, с каждым мгновением ускоряя движение.

Прильнув к амбразуре, Лихобабин напряженно смотрел на высоту. Полоса света падала на его смуглую, обветренное лицо. Плотно сжатые губы, глубокая складка меж бровей, прищур глаз — все говорило о его волнении.

И были причины для тревоги. Достигнут ли воины вершины? Не устрашатся ли разрывов своих снарядов? На

занятиях с боевой стрельбой наступление за огневым валом было отработано всесторонне, но ведь то учебное поле. И другое: сумеют ли артиллеристы перенести огонь точно в назначенное время?

Вот он, решающий момент. Счет шел на секунды. Тридцать. Двадцать. Столб земли вырос на фланге перед цепью. Солдаты пригнулись, но тут же, распрямившись во весь рост, бросились вперед.

И в это время стена огня отваливается в глубину. Воины ворвались в траншею. Гранатами, пулей и штыком они выбивали гитлеровцев из укрытий.

Старший лейтенант Капустин, один из командиров штурмующей роты, едва держится на ногах. Борта шинели полураскрыты, в руках пистолет.

— Как прошла атака? — крикнул я. Капустин что-то сказал, но что — не слышно за грохотом боя. Скорее догадался:

— Отлично. Потери незначительны.

Шквал нашего артиллерийского огня полностью разрушил выдвинутые вперед стрелковые окопы и уничтожил находившихся в них фашистов. Местами обвалилась траншея. Артиллеристы били точно. Каким же прозорливым оказался командир! Он сумел найти эффективный прием, который свел на нет преимущества врага. Воины ворвались на его позиции вместе с разрывами наших снарядов.

Иван Семенович вызвал к телефону комиссара. Передав благодарность участникам штурма, он сказал, что задача выполнена с минимальными потерями. Комиссар ответил, что воины рвутся в бой, стремятся дальше на запад.

— Закрепиться, — твердо и спокойно распорядился Лихобабин и предупредил: — Быть готовыми к отражению контратак.

И действительно, гитлеровцы вскоре открыли по высоте массированный артиллерийский огонь. Под его прикрытием к западным скатам прибывало подкрепление врага. Яростные, ожесточенные бои не затихали ни днем, ни ночью. Сосредоточив большие силы пехоты, фашисты бросали в контратаки по триста — четыреста человек одновременно. Их поддерживали тридцать бомбардировщиков. Но всякий раз огонь нашей артиллерии и оружие ближнего боя принуждали врага откатываться назад с немалыми потерями.

Лихобабин выдвинул большую часть орудий на прямую наводку. Бойцы в упор расстреливали цепи атакующих. Бесстрашно, самоотверженно сражались наши воины.

Наконец противник бросил в контратаку свои последние

силы. На этот раз он в пять раз превосходил число защитников наших рубежей. Гитлеровцам удалось обойти с фланга высоту Ступино, окружить деревню Погонялино. Бой достиг кульмиационной точки.

Командир полка ввел в действие три роты своего резерва. Они отбросили противника, деблокировали Погонялино, прочно оседлали дорогу.

Перемолов живую силу и технику врага, полк устремился вперед, развивая наступление. Во взаимодействии с соседом слева он прорвал еще один оборонительный рубеж. Гитлеровцы поспешно отступали. Применяя охваты и обходы, небольшие мобильные отряды лихобабинцев громили врага со всех сторон. Полк продвинулся, достигнув берегов Ловати.

Так было покончено с мощным Ступинским узлом сопротивления. Немецкий гарнизон в Великих Луках оказался отрезанным от своих баз на очень важном уязвимом фланге.

* * *

Спустя четверть века в Москве встретились три корреспондента из 3-й ударной армии. Стали вспоминать об огневых годах, о людях, операциях, в которых мы участвовали.

Зашел разговор о Лихобабине. Вновь перед нами встал образ этого командира, патриота, коммуниста. Для нас он дорог еще и потому, что в трудных условиях мы, корреспонденты, всегда опирались на его помощь в работе.

Мы вспомнили штурм Ступинской высоты, Невельскую операцию и тот тревожный момент, когда в районе Новхованского над землянкой командира разорвался вражеский снаряд, его осколки пробили укрытие и ранили Лихобабина. Печальные и сосредоточенные, с суровыми взглядами и непокрытыми головами несли разведчики на плащпалатке окровавленное тело командира.

— А знаете что,— произнес один из нас.— Кто-то говорил мне, будто Ивана Семеновича эвакуировали в госпиталь. Возможно, он и жив? Разве мало за войну таких случаев.

Это казалось невероятным. Но ведь и верно, мы о многом не знали. Дивизия вместе с лихобабинским полком вскоре была переведена в другую армию. Следы ее затерялись.

Друзья из одной военной газеты подсказали мне, что живет в Оренбурге полковник в отставке по фамилии Лихобабин. Но тот это или другой, они не могли ручаться.

И вот передо мной письмо. «Помню я всех, очень хорошо помню, и по Ступину, и по невельскому прорыву, и по другим боям», — взволнованно писал Иван Семенович.

Лихобабин был дважды ранен, но каждый раз, оправившись, вставал в строй. Только после третьего тяжелого ранения 1 ноября 1943 года он не вернулся в полк. Из госпиталя вышел с одной ногой. Да и вторая была перебита и плохо слушалась.

Но не пал духом боевой командир. Последние годы до смерти он жил в Оренбурге, где вел большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

(Перепечатано из газеты «Красная звезда», 1969, № 15).

М. П. ШЕХОНИНА, бывший военфельдшер 112-го артиллерийского полка

ОТ БОЯ К БОЮ

Много лет прошло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война, но каждый раз, когда заходит о ней речь, в памяти возникают настолько яркие и живые картины, что будто это было вчера. Такой глубокий и неизгладимый след оставила война в жизни тех, кто был на фронтах и сражался с ненавистными фашистами.

Вспоминается такая картина. Зима 1942 года. Несколько нашим стрелковым батальонам предстояло взять одну высоту, которую занимали немцы. Санитарную часть 112-го артиллерийского полка, где я служила, в полном составе придали одному батальонному медпункту для оказания помощи. Рано утром мы прибыли к месту назначения. Вскоре начался бой. Шел он целый день, и в санчасть непрерывным потоком поступали раненые. У многих оказывались также обмороженными ноги, а руки были изодраны в кровь.

«В чем дело?» — недоумевали мы. Потом узнали, что высота была полита водой и покрылась толстым ледяным панцирем. Поэтому-то у раненых и были окровавлены руки. Взираясь на высоту, они буквально ногтями цеплялись за лед, чтобы продвигаться вперед. Потом кто-то предложил

прорыть винтообразную траншею, благодаря чему в конце концов наши бойцы оказались на высоте, взяли ее. Но это стоило больших жертв.

Днем у нас в санчасти побывал командир дивизии, ознакомился с ее работой, поблагодарил за своевременную и самоотверженную помощь раненым и предложил наиболее отличившихся представить к награде. В числе их оказалась и я, меня наградили медалью «За боевые заслуги».

При взятии г. Невеля нашей санитарной части был дан приказ развернуться в лесу и всех раненых после обработки отправлять порожним транспортом, идущим за боеприпасами. От своего 112-го артиллерийского полка мы отстали и трое суток работали самостоятельно под руководством начальника санитарной службы полка капитана Рустамова. Что тут было! Пожалуй, никто так близко не осознает всю тяжесть и отвратительную суть войны, как медики. Сотни раненых и покалеченных людей лежали вокруг нас на траве. Для нас перестали существовать день и ночь, время сна и отдыха, обеда и ужина. Врач Берта Хайкина, санинструктор И. И. Буторов и я все время были среди раненых, делали инъекции, перевязывали, подбивтовывали, успокаивали, определяли, кого отправить в первую очередь, кого — во вторую.

Только на четвертые сутки, отправив последнего раненого, наша санчасть свернулась и двинулась догонять свой полк. Все это время как-то не думалось о еде, а тут встретилась нам машина с ранеными, и мы остановили ее, чтобы узнать, где наша дивизия. Среди раненых оказался старший лейтенант из нашего полка, и я спросила у него, не богат ли он хлебом. Лейтенант, ни слова не говоря, достал буханку, подал ее мне и сказал: «Ешьте на здоровье, у фрицев взяли в Невеле». Кто-то угостил медом. Можете себе представить — каким вкусным все это нам показалось!

Лишь на четвертый день к вечеру догнали свой полк за Невелем. Город мы так и не видели, прошли стороной. В пути от встречных раненых узнали, что нашу санчасть считают погибшей. Кто-то даже пустил слух, что мы якобы попали к немцам в плен. Однако командование полка на всякий случай послало трех солдат на розыски санчасти, снабдив их продуктами. Один из них и встретился нам. Сделали привал, устроили праздничный ужин в честь взятия нашей дивизией г. Невеля. Потом была встреча с однополчанами. Броде бы и не надолго разлучались, а сколько было радости от сознания того, что все обошлось благопо-

лучно, что мы не попали в плен и что все живы и здоровы. Такая уж фронтовая дружба.

И еще об одном случае хочется рассказать. Это, наверное, было ранней осенью или летом 1943 года. Наша дивизия занимала оборону. Вдруг рано утром нас подняли по тревоге. Поступил приказ: взять с собой перевязочные материалы и продукты на один день, на месте оставить одного санитара и медикаменты, а остальным следовать с нарочным, догнать батарею и двигаться с ней в свой тыл. Когда догнали батарею, узнали, что ожидается жестокий бой. Дело в том, что немцы намереваются окружить нас. И вот, чтобы не допустить этого, надо окружить их самих.

Днем с немецких самолетов были сброшены листовки, в которых были такие слова: «Вы в кольце и мы в кольце, что же будет в конце?» И, дескать, если хотите оставаться живыми — сдавайтесь.

Бой оказался жестоким. Об этом мы, медики, судим по тому объему работы, который выпадает на нашу долю. Отдыхать же нам было некогда, поток раненых не прекращался целый день. От них мы узнали, что на передовой пехоты почти не осталось, атаки врага отбивают одни артиллеристы. В этой связи вспоминается такой эпизод. Старшина привел в санчасть раненого командира роты. Когда ему оказали необходимую помощь, он сказал старшине:

— Ну, а теперь, старшина, иди в роту.

А тот отвечает:

— Куда же я пойду, товарищ командир? В роте-то осталось нас двое — вы и я...

Бой кончился поздно вечером. Благодаря исключительному мужеству и стойкости советских воинов немцы потерпели поражение.

Вот так от боя к бою и тянется цепочка фронтовых воспоминаний. В памяти всплывают лица воинов, одетых в серые шинели, живых и мертвых, отдавших за родную землю самое дорогое — свою жизнь...

Г. И. Шерстнев. 1942 г.

М. Ф. Букштынович. 1943 г.

С. А. Князков. 1942 г.

В. П. Федоров

А. Д. Рубцов. 1943 г.

Командир дивизии Г. И. Шерстнев (в центре) вместе с работниками политотдела. 1942 г.

А. Ф. Ракин

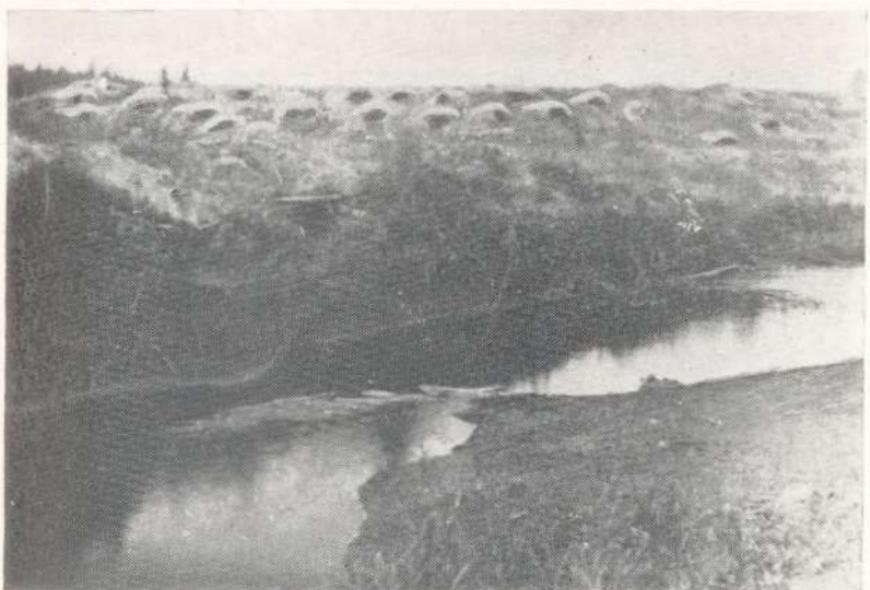
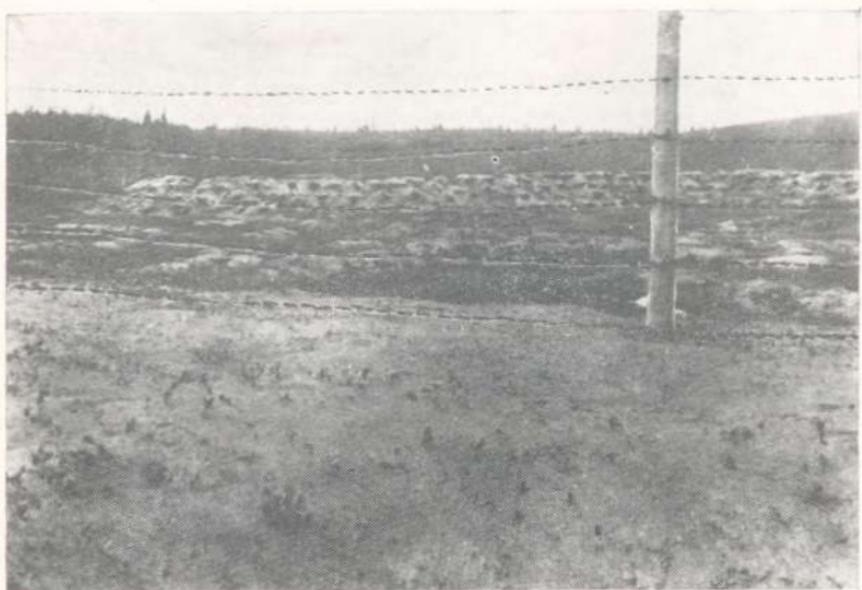
М. Ф. Губанов

Памятный снимок после вручения
партийных билетов воинам диви-
зии. 1942 г.

Минометный расчет старшего сержанта Михаила Филипенко (стоит) на открытой огневой позиции. 1944 г.

Немецкий концентрационный лагерь, встреченный дивизией по дороге Торопец — Великие Луки. Тысячи советских военнопленных оккупанты содержали в земляных норах. В каждой норе ютилось 10—15 человек. Через лагерь протекал грязный ручей. Здесь военнопленные мылись и пили грязную воду.

Снимки сделаны фотографом в середине 1942 года по распоряжению начальника политотдела дивизии М. Ф. Губанова

И. С. Лихобабин. 1968 г.

А. К. Шутов. Снимок 1930 г.

Машина М-1, прошедшая с дивизией боевой путь от Сыктывкара до Балтийского моря. Слева направо: начальник политотдела дивизии М. Ф. Губанов, шофер Александр Винник, заместитель начальника политотдела Я. В. Васильев. 1942 г.

Политработники 88-го стрелкового полка вместе с секретарем парткомиссии дивизии М. А. Стрекаловским. Слева направо в первом ряду: В. С. Верезубов, Т. Т. Абрамов, М. А. Стрекаловский, М. К. Шульмин; во втором ряду — И. П. Бордов, И. П. Лутыев, А. В. Кононов. 1942 г.

В. Д. Дубиничев

В. М. Звонцов

Н. А. Межин. 1945 г.

И. П. Конюхов. 1945 г.

Н. Д. Костерин

И. В. Смирнов

Боевое звание сержант
по классификации обласного уездного Конюхова Иван Петрович

Конюхов Иван Петрович находился в ряде боев с декабря 1942 года. За время прохождения службы в ряде подвигов Конюхов Иван Петрович показал себя отличным, решительным воином-штурмовиком. Все задания по выполнению были успешно выполнены добровольно и превышали его силы, умения и способности для оторванного времени службы. Так Конюхов за четыре года показал себя отличным штурмовиком среди своих товарищиков. Работа конюховским обласному танковому и саперному училищам за службу, в борьбе с врагом и за победу.

Подпись Конюхов Иван Петрович за заслуги перед Родиной. Слово "За заслуги"

Фамилия, имя и отчество К. Конюхов Иван Петрович

Кон. роты свод 88-го

сн. Краснознамен

И. Конюхов

М. П. Анику

Боевая характеристика И. П. Конюхова. 1944 г.

Карточка взысканий и поощрений

1. Военное звание курсант

2. Фамилия, имя и отчество Конюхов Иван Петрович

За отличие в бою	благодарность ком. роты	14.2
За отличие в бою	ст. на	1.04.
За отличие в бою	благодарность роты	1.05.

Конюхов 16 роты

Отец

Антон

1/Рядовой.

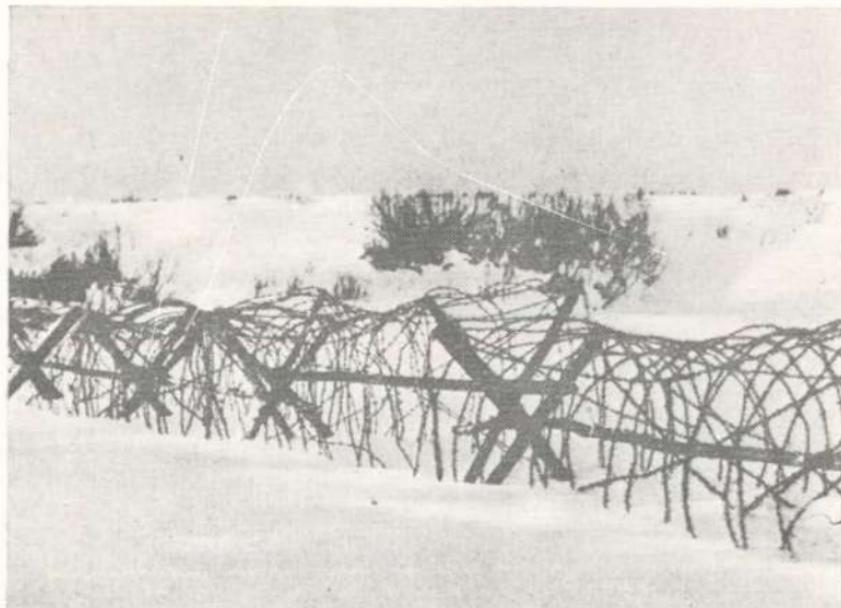
Карточка взысканий и поощрений
курсанта танкового училища
И. П. Конюхова. 1945 г.

Г. С. Осташев. 1948 г.

И. Е. Воробьев

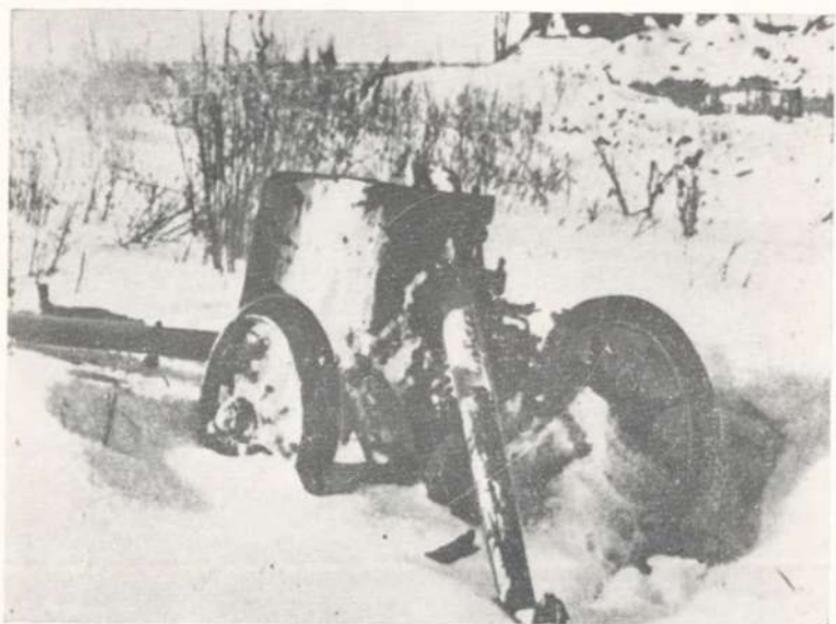
Проволочное заграждение, установленное гитлеровцами на льду реки Ловать. 1942 г.

К. И. Михайлов. 1945 г.

М. И. Кочанов

Орудие, брошенное противником под Великими Луками. 1942 г.

Политсостав 144-го стрелкового полка. Слева направо: комсорг Чечельницкий (погиб), агитатор полка Н. Д. Костерин, помощник командира по политчасти А. М. Рябинин, парторг полка Попов. 1942 г.

С. Н. Герасимов

Г. Е. Россова

Медсестры 134-го отдельного медсанбата. Внизу слева направо:
А. Елькина, Т. Кирикова, В. Софина, П. Чуркина; вверху: П. Лушкова,
П. Торопыгина, Н. Барабанова, Н. Фролова, М. Пипунырова. 1942 г.

А. Т. Габов. 1945 г.

А. В. Иванов

И. И. Чебанов. 1943 г.

Н. В. Серебренников

Бойцы 88-го стрелкового полка
в наступлении в районе д. Пра-
боловье. Октябрь 1943 г.

Работники политотдела дивизии. Слева направо: старший инспектор Сергеев, фотограф А. И. Сладкоштиев и секретарь парткомиссии М. А. Стрекаловский. 1942 г.

Е. А. Кислякова (Попова)

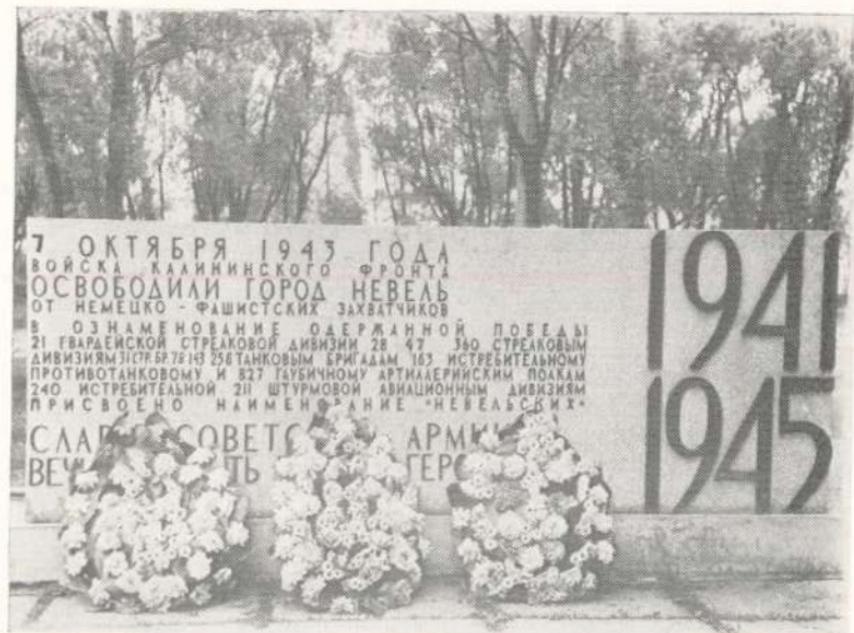
А. И. Корнаухова (Елькина)

И. Д. Островский

П. В. Деянов. 1945 г.

Мемориальная доска в г. Невель.
Установлена к 30-летию великой
Победы

Н. В. СЕРЕБРЕННИКОВ, бывший командир эвакоотделения 134-го отдельного медико-санитарного батальона

НЕ ЖАЛЕЯ СИЛ

В декабре 1941 года мы, медики из Коми АССР, Вологодской и Архангельской областей, прибыли на место формирования дивизии. Всех нас определили в 134-й отдельный медсанбат.

Командиром батальона был майор военврач Черкасский, а комиссаром — капитан М. Я. Арсеньев. Командиром хирургического взвода был назначен И. И. Чебанов, а эвакуационное отделение медсанбата передали мне.

С первых дней формирования здесь была поставлена строгая дисциплина, организована учеба по борьбе с шоком и кровопотерей. На учениях ползали по снегу и таскали «тяжелораненых». Хорошо научились накладывать повязки и шины, изучали строевую подготовку, стреляли.

В апреле 1942 года дивизия, а значит и наш медсанбат были направлены на Калининский фронт, где вошли в состав 3-й ударной армии.

В августе вышли на передовую линию фронта, и медсанбат развернул свои палатки в сосновом бору. Под Ступинской высотой шли ожесточенные бои. Стали поступать раненые. В операционной палатке ведущий хирург И. И. Чебанов с врачом Жуковым оперировали тяжелораненых. В палатке-перевязочной работали два врача, два фельдшера, санинструктор и 4 медсестры. Они обрабатывали ранения легкой и средней тяжести. Затем раненых передавали нам в эвакоотделение.

Своего транспорта у нас не было, нужно было идти на дорогу, уговаривать водителей попутных машин, которые спешili в тыл за боеприпасами, свернуть к медсанбату и забрать раненых.

В первый день удалось отправить 15 автомашин с ранеными. Санитары устилали дно кузовов ветками деревьев, мхом, которые были у нас заготовлены ранее, сверху набрасывали ватные одеяла, на них укладывали лежачих и сидящих раненых. Машины до самого госпиталя сопровождал санитар, он же привозил обратно в медсанбат одеяла.

На следующий день к нам прибыл армейский санитарный автотранспорт — 10 машин. К тому же по армейской авторoute был издан приказ о том, что водители обязаны содействовать эвакуации раненых в полевые подвижные

госпитали. После приказа с транспортом стало легче. Но передышки по-прежнему не было, работали без отдыха и днем и ночью.

К концу третьих суток нам трудно стало бороться со сном, ноги цеплялись за корни деревьев, пропал аппетит. На четвертые сутки многие медработники не выдержали, свалились. Мне же надо было еще отправить последнюю партию раненых, прибрать в палатке. Когда ушла последняя машина, я сел и тут же заснул. Видимо, я сильно сдал за эти дни, так как врачи держали меня на положении больного в своем же медсанбате 6 суток.

Это было наше боевое крещение. Вскоре приехало проверить работу медсанбата армейское медико-санитарное начальство, и оно дало указание, чтобы при любых условиях медперсонал выкраивал по 1,5—2 часа в сутки обязательного сна.

Вскоре опять начались бои, снова пошел поток раненых. Но теперь уже у нас работа шла ритмично. Среди раненых встречались знакомые, которые после излечения в госпиталях вернулись в части своей дивизии и в боях снова были ранены. Так, помню, по 2—3 раза прошли через наш медсанбат бойцы И. П. Королев, А. А. Балуев, Ф. П. Нюхин, А. С. Чесноков, А. В. Иванов, В. П. Ветошкин и другие.

Запомнился мне апрель 1943 года. В этом месяце за своевременную эвакуацию раненых в полевые подвижные госпитали я был награжден орденом Красной Звезды. И в эти же дни я стал членом Коммунистической партии. Билет вручил начальник политотдела М. Х. Шапиро.

Наша 28-я стрелковая дивизия в октябре 1943 года участвовала в освобождении от фашистов города Невеля, за что ей вместе с другими соединениями было присвоено наименование Невельской. Бои были жестокими. Раненых поступало очень много. Мы не жалели сил, чтоб скорее оказать им помощь и отправить в тыл, в госпитали. Красноармейская газета «Вперед!» писала о нашем И. И. Чебанове: «Военврач 3-го ранга Иван Иванович Чебанов, ранее работавший в хирургическом отделении Сыктывкарской больницы, сейчас несет почетную службу хирурга на фронтах Отечественной войны, возвращая к жизни, в строй раненых бойцов и командиров. Например, красноармеец П. Таранков, сержант М. Плаксин, лейтенант А. Скоринов и другие были доставлены в медсанбат в тяжелом состоянии. После операции произведено переливание крови. Раненые вскоре почувствовали улучшение».

И. И. Чебанов спас жизнь многим бойцам и команди-

рам. Он производил сложные операции. К нему поступали бойцы и из соседних частей, и все они получали необходимую медицинскую помощь.

За боевые заслуги военврач И. И. Чебанов был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени.

Опытный хирург старался передать свои знания молодым врачам, медицинским сестрам: Тае Кириковой, Ане Елькиной (Корнауховой), Вере Софиной, Поле Чуркиной, Нине Барабановой, Манефе Пипуныровой (все они были из Коми АССР) и многим другим.

Иван Иванович, а вместе с ним и весь персонал медсанбата ничего не жалели для того, чтобы скорее поставить раненых на ноги. Очень сильно было развито донорство.

Сам Иван Иванович позднее приводил на страницах республиканской газеты «Красное знамя» в статье «Дело, которому служишь» такой случай:

«В марте 1943 года во время рекогносцировки местности группа разведчиков под руководством начальника разведки дивизии майора Королева попала в трудное положение. Из семи разведчиков один был убит, остальные тяжело ранены. На теле майора Королева было более 50 ран, что называется, живого места не было. Осколочные ранения в живот, в голову, в конечности. Состояние его было крайне тяжелым, он потерял много крови.

Начинать операцию надо было с вливания свежей живой крови. Донором разведчика стал сыктывкарский фельдшер Иосиф Михайлович Тютюнник».

Фронтовики добрым словом поминают медсестер Полю Торопыгину и Надю Фролову, которые для спасения раненых отдали по 8 литров своей крови. Бывший комсорг медсанбата, медсестра терапевтического отделения Елизавета Алексеевна Попова (ныне Кислякова) как-то вспоминала:

«Не помню, из какого полка привезли тяжело раненного сапера. Ему надо было срочно сделать переливание крови, жизнь его висела, что называется, на волоске. Но такой группы крови в наличии не оказалось. Иван Иванович посмотрел на нас, медсестер, и громко сказал:

— У кого вторая группа крови?

— У меня вторая,— ответила я.

— Немедленно на операционный стол...

Двести граммов крови было тогда взято у меня».

А бывшая старшая медицинская сестра операционного отделения Лидия Степановна Шустикова (Кутькина) рассказывала:

«На фронте пришлось учиться тому, что в учебных заведениях никакой программой не предусмотрено. Мы научились не спать сутками, переносить холода, а иногда и голод, но главное, мы постоянно осваивали науку, как отвоевывать бойцов у смерти. Все были донорами. Сколько их, единокровных наших братьев, и по сей день живут. И как горько бывало, когда кто-то из них погибал.

Не только кровью своей — добрым словом поднимали мы воинов на ноги. А сколько в часы дежурств по просьбе раненых написано писем их родным и близким! Может, и до сих пор в некоторых семьях хранятся эти письма, написанные нами, фронтовыми «сестричками», как называли нас бойцы.

Не раз и не два обстреливали и бомбили немцы наши палаточные больничные городки...»

Во время одной из таких бомбёжек я был сильно контужен, лежал в госпитале.

* * *

Сейчас мне уже 85 лет. За свой век мне пришлось участвовать в трех войнах — в первой мировой, затем в гражданской на территории Коми края, в Вашко-Мезенском полку, и в Великой Отечественной. Но больше всего помнится последняя война. Не забываю своих товарищей по медсанбату, их тяжелый и героический труд, раненых бойцов и командиров, которые не хотели уезжать в тыловые госпитали, рвались снова на передовую, чтобы бить врага.

Обо всем этом я часто рассказываю ребятам, школьникам, которые приглашают нас, ветеранов 28-й Невельской дивизии, на встречи к себе в школу.

А. М. РЯБИНИН, бывший заместитель командира по политчасти 144-го стрелкового полка

СТРАНИЧКИ БОЕВОЙ БИОГРАФИИ ПОЛКА

Мне всю войну довелось находиться в 144-м стрелковом полку 28-й стрелковой дивизии. Наш полк, его воины не раз показывали образцы стойкости, мужества и боевого

мастерства в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Вот лишь несколько страниц из его боевой биографии.

8—9 октября 1943 года, после ряда наступательных боев, наш полк лесными проселками подошел к железной дороге Невель — Великие Луки, за которой примерно в километре расположена д. Воронино. Чуть брезжил рассвет. Тылы полка остались далеко позади, в лесу. Продвигались с большой осторожностью только боевые подразделения полка со стрелковым оружием и батареей противотанковых пушек. Минометчики тоже были тут, но без мин, так как в ходе наступления все запасы были израсходованы, а пополнить их пока еще не смогли. Полк после боев был очень малочисленным и не был способен не только рвать серьезную оборону противника, но даже пытаться это делать.

Разведчики доложили, что железная дорога опоясана многочисленными траншеями и дзотами, но противником они заняты только по ту сторону железнодорожного полотна, да и то лишь в сосновом бору, а остальная линия обороны свободна от немцев. Разведчики пришли к выводу, что немцы ждут удара со стороны Невеля, то есть с юга, а не с севера или северо-востока, а потому у них тыл некрыт, да и считают-то они своим тылом не линию железной дороги, а деревню Воронино.

Сориентировавшись по картам и посоветовавшись, командир полка подполковник Голенков приказал тихо и незаметно влезть двумя батальонами с легким оружием в свободные траншеи немцев. Противотанковые пушки установить пока на этой стороне железнодорожной линии. Мы рассчитывали, что если нам удастся незаметно забраться в оборонительную систему немцев, то оттуда нас выкурить будет трудно.

Роты быстро и бесшумно перекатились через железнодорожное полотно и заняли свободные немецкие траншеи; осмотрелись, установили пулеметы и стали вести зоркое наблюдение. Все это делалось буквально в 400—500 метрах от соснового бора, в котором, как потом выяснилось, обосновался батальон немцев.

Наблюдение показало, что наши разведчики правы: немцы ждут нас со стороны Невеля. Это было видно по обстановке — они спали, исключая наблюдателей и пулеметчиков, которые в соответствии с немецкой тактикой в определенные минуты пускали трели в сторону Невеля.

Встал задача со многими неизвестными: во-первых, какими силами немцы обороняют бор перед д. Воронино, во-вторых, есть ли и где у них артиллерия, минометы, танки

и т. д.? В бинокль из траншей хорошо просматривались д. Воронино и опушка бора, обращенная к ней. Видно было, как из д. Воронино уехала кухня, прошагали человек пять немецких солдат. Перпендикулярно от железной дороги к деревне тянулись два противотанковых рва; третий, на протяжении около 300 метров, шел от бора параллельно железной дороге на север и упирался в лесное озеро.

Если бы командир немецкого батальона повернул своих людей лицом в нашу сторону, то у нас даже мысли бы не возникло об атаке: это было бы безумием! Но фашисты не думали перестраиваться.

И вот тогда родилась дерзкая мысль — атаковать немцев немедленно, без артподготовки; причем без криков «ура!» и даже без сквернословия, силами одного первого батальона (фактически силами стрелковой роты) и очень отважной ротой автоматчиков. Остальным оседлать железнодорожную линию, сидеть в укрытиях и ждать команды.

Люди спустились в кювет и цепочкой стали вползать в сосновый бор, прямо в систему обороныющихся немцев. Потом по сигналу красной ракеты набросились на немцев, стреляя из автоматов и забрасывая траншеи гранатами. «Ура!», действительно, не кричали, но бралились все-таки много. Через 3—5 минут видно было, как здоровенные, разжиревшие во вторых эшелонах немецкие вояки в панике бросились бежать по направлению к д. Воронино.

Бежали главным образом по одному из противотанковых рвов. Один из предприимчивых и горячих молодых офицеров, командир взвода, комсомолец, младший лейтенант Сергей Иванович Сухарев заметил это. Он быстро поставил своих пулеметчиков во главе с парторгом роты автоматчиков старшиной Александром Григорьевичем Дуркиным на бруствер немецкого окопа, и они стали поливать противотанковый ров пулеметными и автоматными очередями.

За все годы войны я не видел так густо уложенных трупов врага, как в этом бою под д. Воронино. До двухсот фашистов легли в этом противотанковом рву.

Все, что было у нас в полку способного бежать, мчалось вперед с неукротимой силой и злобой. Били и трепали вконец перетрусивших оккупантов. В деревне немцам не удалось задержаться и на несколько минут, но они успели ее зажечь, а потом и разбомбить.

Жителей в деревне почти не осталось, они были, как обычно, предварительно угнаны в Германию. Но даже панически убегая, какой-то фашистский зверь «на прощание» расправился со старушкой-колхозницей, у которой, навер-

ное, жил не один месяц. Она была распластана навзничь среди своего дома в луже крови, с лицом, изуродованным автоматной очередью.

Когда мы ворвались в деревню, то заметили, что южнее ее в 1,5—2 километрах немцы тоже бегут. Оказалось, что там была еще более укрепленная высота, которая за бором нами не просматривалась, и обронял ее тоже батальон немцев. Видя, что д. Воронино занята нами, они панически сбежали.

Конечно, мы воспользовались этим обстоятельством, и скоро наши люди полностью заняли и эти немецкие укрепления. Позднее пленные говорили, что за сдачу этого укрепленного пункта командира немецкого батальона судили. Но нам от этого хуже не стало. Полк в течение дня достиг железнодорожной линии Невель — Новосокольники и оседлал ее. При этом потери с нашей стороны составили не более трех десятков человек убитыми и ранеными. Это уже говорило о многом. И прежде всего о том, что полк стал воевать по-настоящему: хитрить, дерзать и бить врага беспощадно, а люди стали обстрелянными воинами.

Командир полка Федор Ануфриевич Голенков за бои под Невелем удостоился ордена Суворова II степени. Десятки бойцов и командиров были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Обозлившись за столь дерзкую расправу над двумя немецкими батальонами, фашистское командование обрушило на нас огонь артиллерии и бомбардировочной авиации. Самолеты немцев в течение двух суток висели над головой, нанося удары по всем деревушкам и высоткам, расположенным между двумя линиями железных дорог, которые острым углом сходились к Невелю. Теперь мы несли потери, так как авиация противника действовала почти безнаказанно. Наши самолеты участвовали в боях непосредственно под Невелем. Здесь погиб партторг роты автоматчиков — энергичный и жизнерадостный коммунист, старшина А. Г. Дуркин (родом он из с. Усть-Ухта Коми АССР).

На войне трагедия и юмор нередко ходят рука об руку. Так было и в этом бою. Когда мы в ходе боя пробирались в одну из рот с уполномоченным «смерш» (особый отдел) капитаном Румянцевым, противник накрыл нас артиллериическим огнем. Я было уже выбрался из противотанкового рва и перебегал по чистому месту, а Румянцев еще был во рву. Артогонь вынудил меня снова скатиться в ров. Здесь, очухавшись, я замер в чувстве горечи: капитан Румянцев лежал, навалившись на стену противотанкового

рва. С него стекала желтоватая жижа, а перед ним в 2—3 метрах булькала грязью узкая воронка от взорвавшегося снаряда. То, что Павла Румянцева больше нет в живых, сомнения не было. Я подбежал к нему, чтобы снять полевую сумку и взять документы. Но казавшийся безжизненным, оплывший грязью Павел вдруг зафыркал и, протирая глаза, забормотал: «Посмотрите, товарищи, я ранен или что еще такое?»

Оказалось, что один из снарядов, ударившись в противотанковый ров рядом с Румянцевым, глубоко проник в раскисшую землю и там взорвался, отбросив его к стене рва и залив грязью. Через полчаса мы добрались до цели. При всей напряженности обстановки солдаты не могли удержаться и добродушно смеялись при виде так «обработанного» капитана Румянцева, которого в полку вообще-то любили.

К концу 1943 года войска I и II Прибалтийских фронтов, освободив Невель и Городок, вклинились в оборону немцев, обошли с севера Полоцк и приблизились к г. Пустошка. Бои за Пустошку были длительными.

4 декабря 1943 года наш полк получил приказ выйти под д. Замошица Пустошенского района и отразить наступление немцев, пытавшихся ударить во фланг наших частей, угрожавших Пустошке.

День и ночь полк пробирался к исходным рубежам по бездорожью, а рано утром вступил в бой. Батальон немцев после короткой, но интенсивной артподготовки пошел в атаку. Наша полковая артиллерия и минометы были установлены ночью и на скорую руку и потому не могли противодействовать атакующим. Оставалась надежда на стойкость людей 1-го батальона, против которого была предпринята атака. Заместителем командира батальона по политчасти был майор Яков Никифорович Матвеев, отважный коммунист, замечательный офицер. Своим личным примером звал людей на подвиг.

В этот момент Матвеев находился в роте на левом фланге, которая только прибыла и не успела еще окопаться. В первые же минуты боя стало ясно, что эта рота оказалась как бы «забытой» немцами, то есть они ее не атаковали, но зато подставили ей свой фланг и даже тыл. Матвеев немедленно использовал это обстоятельство: вместе с командиром роты он повел наших солдат в атаку во фланг и тыл немцев. Пулеметные трели скоро сменились автоматной трескотней, а потом, уже догнав немцев, наши бойцы пустили в ход свои малые саперные лопатки, размахивая

ими и рубя врага, как топорами. Потом они мне говорили, что стрелять стало невозможно: своих можно побить, а лопаткой получается здорово. Немецкий батальон захлебнулся своей собственной кровью; тактический замысел его был сорван окончательно.

Но и мы понесли значительные потери. В этом бою погиб и майор Матвеев. Мы похоронили его под д. Замошица Пустошинского района Псковской области. До войны он работал старшим преподавателем кафедры физики Вологодского пединститута.

23—24 июля 1944 года наш полк получил приказ овладеть ст. Ваболе, то есть перерезать железнную и шоссейную дороги Рига — Плявиняс — Даугавпилс в то время, когда наши войска атаковали Двинск (Даугавпилс).

Пробиваться к ст. Ваболе обычными путями — значило вести бои с немцами за каждый латвийский хуторок на протяжении десятков километров. Комполка подполковник Голенков, недавний политработник, белорус, скромнейший из людей и всегда уравновешенный, посоветовался со мной, как обычно, и сказал: «Давай-ка дунем болотом, хоть и трудно будет, но, по-моему, вернее, мы просто обойдем немцев. Пусть наши ребята — тыловики да артиллеристы — пока ведут «сражение» в направлении ст. Ваболе по сухе, а мы за день и ночь проберемся к ней болотом...»

Командир дивизии одобрил наш план.

Полк был изрядно вымотан в боях за г. Полоцк и остался малочисленным. Поставив задачу перед «сражающимися» тылами полка, мы отвели боевые подразделения километра на два к болоту и здесь объявили дальнейший маршрут и цель перехода. Тут от каждого требовались особая честность, бдительность и выносливость. Один прохвост в таком деле может подвести сотни людей.

За далеко выброшенной разведкой по сухе и болотом вытянулись в цепочку наши малочисленные, но жесткие и злые батальоны. Мы пошли болотом. Каждый солдат, кроме положенного ему оружия и поклажи, нес связанные бечевкой и перекинутые через плечо две 82-миллиметровые мины. Был установлен отдых через каждые 30 минут. Люди подбирали подходящую кочку или пригибали болотную сосенку и садились. Потом снова брели по вязкому, мшистому болоту. Особенно тяжело было идти ночью.

Часа в 3 утра 24 июля полк сосредоточился на краю болота около двух хуторков примерно в двух километрах от ст. Ваболе. Еще до нашего подхода разведка закрыла все ходы и выходы с хуторов. Действовали разведчики и на

самой станции. По сигналу полк быстро вышел из болота и занял территорию, примыкавшую к станции. В 4 часа мы атаковали ст. Ваболе. Захваченные врасплох немцы почти без сопротивления бежали. Мы взорвали железнодорожные пути, заминировали шоссейную дорогу и захватили на станции не успевший отправиться эшелон с горючим, 3 вагона с сахарным песком, спиртом и другим военным имуществом. Когда рассвело и немцы «очухались», они предприняли несколько атак при поддержке самоходных пушек. Вот здесь-то и оказали нам неоценимую услугу минометчики и мины, которые мы перетащили через болото на своих плечах.

Двое суток мы, вцепившись намертво, держали ст. Ваболе силами стрелкового оружия и минометов, а немцы бегали вокруг нас на самоходках, обстреливали, но не решались на более активные действия. Было ясно, что у них нет серьезных сил, чтобы выбить нас со станции.

27 июля 1944 года г. Двинск полностью был в руках наших войск, а мы оказались уже на пути наступления на г. Ригу.

К. И. КУДРЯВЦЕВ, бывший радист 112-го артполка

ПОД ОГНЕМ ПРОТИВНИКА

ПУЛЕМЕТ

После того как был освобожден город Невель, наша дивизия нацелилась на станцию Новохованск. Бои здесь проходили ожесточенные, немцы яростно сопротивлялись. Я в то время имел звание старшего сержанта и находился во взводе разведки 5-й батареи 2-го дивизиона 112-го Краснознаменного артиллерийского полка в должности начальника военно-полевой разведывательной радиорации. Однажды наша часть попала под бомбовый удар немецкой авиации. Взрывом авиабомбы меня отбросило в сторону, радиация вышла из строя, и ее пришлось отдать в ремонт радиоинженеру дивизиона старшему лейтенанту Челпанову. Меня же начальник радиослужбы дивизиона старшина Просуших (из села Айкино) временно использовал при дивизионной штабной радиостанции.

Нам предстояло прорвать немецкую оборону, чтобы за-

нять более выгодные рубежи. Полки дивизии перегруппировывались. Стрелковый полк, который мы поддерживали огнем своих орудий, переместился в другое место, связь же с передним краем временно прервалась, и штаб дивизиона, еще не зная об этом, оказался впереди стрелковых полков, лицом к лицу с противником. В наше расположение полетели мины, кругом засвистели пули, послышался характерный стук немецких пулеметов.

Начальник штаба дивизиона капитан С. И. Гарбуз со своими работниками ушел на запасной рубеж обороны, начальник связи старший лейтенант Г. Р. Гудков со связистами сняли коммутатор и начали сматывать на катушки провод. С рацией же дело обстояло сложнее: надо было снять антенну, собрать радиооборудование, а для этого требовалось время. Поэтому мы со старшиной Просужих немного задержались, и начсвязи приказал нам после того, как закончим свои дела, идти тоже на запасной рубеж. Не скажу, что это нас обрадовало. Остаться вдвоем на передовой — перспектива не из приятных. Но радио не бросишь. Наконец, собрали все нужное, проверили свои автоматы. Старшина взял на плечи радио, и мы пошли искать запасной рубеж.

Располагавшийся около нас батальон 235-го стрелкового полка был обстрелян массированным огнем противника и ушел в другое место. Проходя мимо его окопов, мы остановились у разбитого пулеметного гнезда: пулеметчик лежал мертвый, но станковый пулемет, опрокинутый и полузасыпанный землей, был вроде исправен. Видимо, пулеметчик оставил для прикрытия, и в последний момент его накрыло шальной миной. Даже пулеметная лента осталась неизрасходованной. Старшина спросил, умею ли я обращаться с пулеметом. Пулеметное дело я знал хорошо. Тогда он принял такое решение:

— Вы, старший сержант, задержитесь пока здесь и в случае чего прикроете огнем пулемета. Когда я войду вон в тот лесок, вы тоже идите туда.

Отдав приказание, он ушел. Я осмотрел пулемет, очистил его от земли, поправил ленту, огляделся. Увидев, что старшина уже скрылся в лесу, я тоже хотел идти за ним. Но тут на гребне высотки, что виднелась немного в стороне, вспыхнули огоньки, раздались выстрелы, потом появились немцы и стали перебежками продвигаться куда-то в сторону. Меня они еще не заметили, но я их видел хорошо. И уйти я уже не мог: они наверняка засекли бы меня и подстрелили. Надеясь на пулемет, я решил начать бой:

определив расстояние, поставил прицел, взял немцев в «рамку» и дал несколько очередей. Несколько фашистов упали, остальные кинулись за гребень высотки. Я выпустил вслед им всю ленту.

Делать мне тут было больше нечего. Я знал, что скоро сюда полетят мины и надо быстрее уходить. Спрятав «максим» в кусты, я побежал в лесок, но старшину там уже не нашел. Видимо, он отправился дальше. Идя по лесной дорожке, я скоро вышел на открытое место, прямо на НП нашей же шестой батареи. Ее разведчики чуть было не обстреляли меня, но по одежде увидели в бинокль, что я — свой.

— И черт его знает, что там за стрельба была? — в раздумье сказал командир шестой батареи капитан Гавриленко. — А ты, старший сержант, иди к своим, они вон там находятся, — и он подробно объяснил, как найти наших. Я благополучно добрался до запасного рубежа, доложил обо всем начальнику.

Бои продолжались, но этот случай не был забыт: в моем наградном материале было сказано коротко — «уничтожил несколько немецких солдат».

„ЧАЙКА“, „ЧАЙКА“!

Наши части, упорно продвигаясь вперед, достигли берегов речки Ущи, впадающей в озеро Синьша. Здесь в районе высоты Турки-Перевоз противник сделал попытку остановить наступление советских войск, но не выдержал их стремительного удара и отступил. Так, в середине ноября наши части вышли к берегам небольшого озера Неведро. Когда мы подходили к нему, противник занимал оба берега: и восточный, и западный. Однако под напором авангардных батальонов он отошел с восточного берега и сосредоточил на западном берегу значительные огневые средства, которые повели губительный огонь. Фланги озера занимали немецкие автоматчики, поэтому наступление наших частей приостановилось, и они стали окапываться.

Возникла необходимость подавить эти огневые точки противника. Но с наших позиций они не просматривались, а огонь вслепую не давал результатов. С нашей стороны в озеро вдавался мыс, и на нем располагалось небольшое село Неведры, на окраине которого стояла каменная церковь. Место было возвышенное, и командование полка признало его удобным для организации наблюдения за противником. Я находился в 5-й батарее, когда меня вызвали

на КП полка. Начальник связи 112-го артполка капитан Грязнов объяснил мне мою задачу:

— В село пошли разведчики, туда тянут проводную связь. Радиосвязь, возможно, и не потребуется, но мало ли что может случиться. Оставь в своей батарее с рацией сержанта Фуртата, а сам возьми другую рацию и иди по проводу в село. Позывным будет «Чайка», волна «87». Передавай оттуда координаты целей.

Когда я пришел в село, разведчики уже вели наблюдение, но западный берег озера просматривался плохо, о чем я сообщил на КП полка.

— Попробуйте вести наблюдение с колокольни, только тщательно замаскируйтесь и соблюдайте осторожность,— приказали с КП.

Телефон мы поставили в верхнем ярусе колокольни, рацию поместили ярусом ниже. Разведчик сержант Никитин стал по карте определять координаты целей, а я передавал их на КП, откуда они поступали в батареи.

Обзор с колокольни был действительно великолепен: весь западный берег озера лежал перед нами, как на ладони. Виднелись траншеи, огневые позиции, угадывалось передвижение частей и т. д. Вскоре цели начали пристреливать, а мы корректировали пристрелку. Осторожно выглянув с колокольни, я увидел в селе какое-то движение: около домов ходили люди. Нас это встревожило. Тут мы могли попасть в западню. Скрыто выбравшись с колокольни, я сполз по пригорку на улицу села. Тревога оказалась напрасной. Это были жители села: когда началось наступление, они ушли в леса и болота, в партизанские отряды, а сейчас возвращались обратно.

Собрав у населения нужные мне сведения, я поспешил к колокольне, но на нее уже не попал. Внезапно в вышине взмыл снаряд, ударил в колокольню, пробил ее и взорвался в какой-то надстройке. Полетели осколки и кирпичи. Обломком кирпича меня сильно ударило в бок и сбило с ног, но я, превозмогая боль, пополз к колокольне: ведь там остались разведчик Никитин и оборудование связи. А немцы продолжали посыпать снаряд за снарядом. Я опасался, что они ударят беглым сосредоточенным огнем. Тогда нам конец, измолят все в мякину. Но стреляло только одно 105-миллиметровое орудие прямой наводкой. Но мы уже засекли все огневые точки врага, в том числе имели координаты и этого орудия. И когда немцы начали обстрел села, наши батареи немедленно открыли огонь на подавление. Вскоре обстрел прекратился.

Через какую-то дверку позади алтаря я пробрался в церковь и оттуда по заваленной обломками лестнице про ник на колокольню. Разведчик Никитин был жив и цел, если не считать синяков и порванных брюк и телогрейки. Телефонные провода оборвало, но радиация была исправна. Когда начался обстрел, Никитин забрал в охапку все свое оборудование, во втором ярусе прихватил радио и съехал по лестнице, как с горки. Я немедленно включил радио и связался с КП. Там в это время, как потом выяснилось, происходила довольно интересная сцена. Телефон замолчал, и старшина Просухих немедленно включил радио.

— «Чайка», «Чайка», я — «Ворон», я — «Ворон», — вызывал он. — Отвечайте, как слышите? Прием». Но молчит «Чайка», не отвечает «Чайка», нет в эфире «Чайки»! А в это время с наблюдательных пунктов сообщили о разгроме колокольни.

— Конец «Чайке», — горько и печально вздохнули на КП, где были и наши приятели и земляки. И вдруг «Чайка» заговорила... Вскоре по ее корректировкам огневые средства противника были подавлены, и на следующий день наши батальоны заняли и западный берег озера Неведро...

Все здесь верно — от слова до слова, но удивительно не это. Лет через пятнадцать на посвященном Дню Победы собрании коллектива леспромхоза, где я работал начальником планового отдела, в своем выступлении я рассказал об этом случае. Неожиданно слово попросила экономистка планового отдела Зоя Феликовна Феньковская.

— Константин Иванович, — обратилась она ко мне, — я знаю и озеро Неведро, и село Неведры: моя мама из этого села. После войны мы были с ней на ее родине, и я видела и колокольню без верхнего яруса и разбитую снарядами церковь. Жители села рассказывали нам и о двух отважных советских воинах, ведших с колокольни наблюдение за противником.

Порадовало меня ее выступление: значит, есть же еще живые свидетели наших боевых дел. Случай этот тогда тоже не был забыт: его также упомянули в моем наградном материале.

У БЕРЕГОВ „ЧЕРТОВА“ ОЗЕРА

В январе 1944 года мы дошли до озера Свибло. Такое странное название ему оставил его бывший владелец во времена Дмитрия Донского — боярин Федор Андреевич, по

прозвищу Свиблый (шепелявый). Бойцы же нашей дивизии прозвали озеро «Чертовым». И не без основания.

Дивизия, выдержав тяжелые бои под Держитином и Носиковом, Турки-Перевозом и Сомином, Гатчином и Поддачей, вступала на Бежаницкую возвышенность, когда ее неожиданно повернули на юго-запад. Батареи 2-го дивизиона — четвертая, пятая и шестая — после нескольких дней стремительного марша развернули огневые позиции между двух невысоких холмов. Перед нами лежало это самое Свибло. Мы находились на восточной его стороне, а на западной шел бой. До нас здесь наступала 64-я гвардейская дивизия, но противник, подтянув войска с Волховского и Ленинградского фронтов, задержал ее продвижение. Так что мы сразу оказались под огнем. Немцы предпринимали глубокие, массированные контратаки, проникая даже до НП и КП стрелковых полков.

Чтобы поддержать огнем стрелковые полки, нужна была с ними связь — живая и техническая. Начальник разведки капитан Пономарчук сразу же ушел с разведчиками в стрелковые полки, а начальник связи старший лейтенант Гудков со связистами потянули линию к командиру дивизиона майору Брагину на НП. Тянуть связь вокруг озера не имело смысла, не хватало провода, поэтому проложили ее прямо по льду озера. Батареи начали было вести огонь по врагу, но связь оборвалась. Попытка восстановить ее не увенчалась успехом. Двое связистов были ранены. Противник взял под обстрел все озеро и особенно западную кромку берега. В конце концов, провода были изорваны в клочья, и батареи замолчали.

Я с рацией находился на ОП (огневой позиции) своей батареи, но связь держал только со штабом дивизиона, так как на западном берегу озера ни одной рации не было. Меня вызвали на КП нашего дивизиона. Старший лейтенант Гудков только что вернулся после безнадежной попытки восстановить проводную связь. Его поцарапало осколком мины.

— Вот что, старший сержант, — сказал он мне, — связи с передком нет, а она крайне нужна. Туда с рацией пойдете вы, радиостанция Галиуллин и связист Назаров. Но днем по озеру не пройти, оно простреливается, идите вечером, когда стемнеет. И будьте осторожны, задача очень важная, выждите времени.

Отдавая приказ, старший лейтенант был немного смущен: уж он-то знал, что посыпал нас почти на верную гибель. Но на войне бывает всяческое, а приказы должны выполняться.

няться. И вечером мы пришли на берег озера — я, мой радиостаршина — младший сержант Рустем Галиулин и связист сержант Иван Назаров. Хотя и тёмно, но на льду озера лежит белый снежок, кое-что видно. Противник «вешает» осветительные ракеты и ведет по озеру пулеметный и минометный огонь. Идти в рост нельзя, надо ползти. Кругом полыни от мин и снарядов, их только слегка затянуло льдом: ухнешь в такую полынью и — поминай, как звали, только пузыри пойдут, а на мне к тому же довольно увесистая рация.

Но мы все-таки как-то переползли на другой берег и вступили в прибрежный лесок. От обстрела он весь содрогается, с грохотом рвутся тяжелые снаряды, разнося в клочья все живое и мертвое, рушатся деревья, вззвизгивают осколки.

Данте в своей «Божественной комедии» описал семь страшных кругов Ада. Жаль, что он не побывал с нами в этом леске: к семи кругам он смело мог бы прибавить восьмой — он был перед нами. Идем по лесу. Мои молодые спутники — студент Казанского университета Рустем и вологодский колхозник Назаров — еще не бывали в таких переделках и явно побаиваются, хотя держатся бодро. И у меня мысли тоже тревожные, но боюсь я не за себя — за два года пребывания в боях ко всяким обстрелам я уже поприглядился. Тут ведь так: либо попадет, либо не попадет, третьего не дано, и, думай не думай, легче от этого не будет. Опасаюсь я за свою радиоцию. Как он нужен сейчас, этот небольшой радиоаппарат! Но донесу ли я его?

Все же я его донес! Включил радиоцию, мне ответил старшина Просужих, а он был связан со всеми батареями. Вблизи нашего НП находился наблюдательный пункт батальона 144-го стрелкового полка капитана Павла Федоровича Борисенко. Оттуда стали передавать координаты целей, а я их сообщал артиллеристам.

И с гулом понеслись над нами снаряды четвертой батареи капитана Потанина, пятой — капитана Баландина. Зашелестели в вышине тяжелые снаряды гаубичной шестой батареи капитана Гавриленко. Разрывы отбрасывают назад немецкие цепи, идущие в контратаку, устилают землю фашистскими трупами.

Так продолжалось несколько дней. Противник прекратил обстрел приозерной кромки леса, и проводная связь была восстановлена. Но немцы перенесли огонь в зону наших наблюдательных пунктов. Тяжелый снаряд разорвался в десятке метров от укрытия, где помещалась рация. Нас

оглушило, рация полетела на пол. После этого она стала работать плохо, с перебоями, к тому же «сели» и аккумуляторы. С КП мне приказали доставить радио обратно для ремонта. Это было легко сказать, а идти-то надо было через то же «Чертово» озеро, а оно еще находилось под обстрелом.

В это время собрался за боеприпасами один старшина, из стрелкового подразделения, и с ним несколько легко раненных бойцов. Начальник разведки капитан Пономарчук, оставив на КП Галиулина и Назарова, послал меня с рацией вместе с этим старшиной.

Вот и озеро. Темнеет. Падает снежок. Над белым пространством проносятся очереди трассирующих пуль, гулко бухают во льду мины и снаряды, вспыхивают осветительные ракеты. Старшина молча оглядывает озеро, что-то соображает и командует:

— Рассредоточиться! Ты, старший сержант с рацией, беги впереди, мы следом за тобой. Важно проскочить около этого берега, дальше будет мелко, там заводь. И нас прикроет вон тот мысок.

Я не знаю, кто он был, этот молодой старшина с усиками, но в боевой обстановке он разбирался здорово. Я спустился на лед и побежал по нему прямо под пули и мины. Лед скользкий, боюсь упасть. А если вдруг под ногами окажется полынь? Впрочем, об этом лучше не думать. Немецкие наблюдатели, видимо, все же заметили нас. Стрельба усилилась, гуще стали падать мины.

До мыса остается всего каких-нибудь три-четыре десятка метров, как вдруг близко падает мина, осколки уходят в воду, но лед начинает коварно расплзаться под ногами. Ну, думаю, все, конец.

Но старшина оказался прав: тут действительно было мелко, вода доставала только до пояса. Сзади кто-то закричал. Там тоже провалились под лед. Но там глубже и лед по краям полыни обламывается. Вижу: старшина с двумя бойцами кое-как выбрались, а два стрелка так и не смогли подняться, ушли под лед. Вечная память беднягам. Не совершили они знаменитых подвигов, но жизнь за советскую Родину отдали.

Бойцы подошли ближе. Старшина отчаянно ругается:

— Вот тут и обеспечивай роту боеприпасами и питанием!

Я ему вполне сочувствую и думаю: «А ведь он действительно обеспечивает, этот геройский старшина!»

Все мы побывали в воде, а стояли крещенские морозы.

Одежда леденеет и обмерзает. Нашли какую-то рыбачью избушку и осторожно развели маленький огонек, отжали одежду. Под утро я явился на КП своего дивизиона, отдал рапорт, сдал рацию в ремонт и отправился в свою 5-ю батарею.

И этот случай командованием тоже не был забыт: в том же 1944 году оно наградило меня орденом Красной Звезды, в характеристике же было сказано: «под огнем передавал боевые команды».

И. Д. ОСТРОВСКИЙ, бывший помощник начальника 6-го отделения штаба дивизии

В ОГНЕННОМ МЕШКЕ

После освобождения Невеля важнейшие коммуникации, идущие к нему от Новосокольников, Пустошки, Полоцка и Витебска, оставались, однако, в руках у немцев. Это позволяло врагу хорошо маневрировать войсками.

Западнее Невеля местность лесистая, дороги труднопроходимые, поэтому здесь широко, активно действовали пять партизанских бригад. Они наносили внезапные удары по коммуникациям врага, подрывали железнодорожные пути, пускали под откос эшелоны, уничтожали автомашины, обозы, разрушали и сжигали мосты, нарушали телефонную связь, оказывая тем самым значительную помощь регулярным войскам, особенно в период их наступления.

Берховное Главнокомандование учтивало это обстоятельство, когда ставило перед нашими войсками задачу — прорвать оборону немцев в районе станции Новохованск, соединиться с партизанами и совместно развивать наступление на города Пустошка, Полоцк и далее на запад. Прорыв вражеской обороны должны были осуществить две стрелковые дивизии, в том числе и 28-я. Развитие успеха возлагалось на части 3-й и 4-й ударных армий.

К 1 ноября 1943 года части 28-й Невельской стрелковой дивизии вышли на исходные рубежи. Подступы к переднему краю были скрыты лесом.

Немецкая разведка усиленно следила за сосредоточе-

нием наших войск. Ей стало известно место расположения штаба дивизии и штабов полков. В тот же день артиллерией немецкого бронепоезда были обстреляны расположения наших войск, штаба дивизии и штаб 88-го стрелкового полка. В это время на КП 88-го стрелкового полка под ст. Новохованск в сосновом бору обедали в землянке вместе с командиром полка И. С. Лихобабиным связисты, радисты, начальник артиллерии полка майор В. Д. Дубиничев и другие. И надо же было такому случиться: один снаряд стукнулся о вершину сосны и в воздухе разорвался. Часть осколков ударила в проход землянки, где находился КП. Тяжело ранен был комполка Лихобабин. Ему перебило обе ноги. Его ординарца — старшину Ивана Рюмкина — большим осколком в спину смертельно ранило.

Командовать в наступлении 88-м полком пришлось заместителю по строевой части майору Б. Д. Васильеву совместно с начальником штаба майором В. М. Звонцовым.

На другой день после артиллерийской подготовки 28-я стрелковая дивизия под командованием полковника М. Ф. Букштыновича начала наступление на участке Держитино — Носково на ст. Новохованск. Армейские базы находились в Великих Луках за 60—70 километров. Боеприпасы и продовольствие доставлялись на автомашинах и подводах. В условиях осенней распутицы это создавало огромные трудности. Тем не менее после артподготовки при поддержке танков, артиллерии и минометов 88-й и 114-й стрелковые полки начали продвижение вперед.

Одним из первых поднялись в атаку и пошли на врага «лихобабинцы», так называли у нас бойцов и командиров 88-го стрелкового полка. На подступах к ст. Новохованск противник встретил атакующих артиллерийским, пулеметным и минометным огнем. Были тяжело ранены начальник артиллерии полка Дубиничев, командир батальона В. И. Романченко, заместитель командира батальона по политчасти Иван Чистилин. У последнего рана оказалась смертельной. Он скончался тут же, на руках товарищей. Майор И. Д. Чистилин в полку был с первых дней его формирования. Он прошел путь от политрука роты автоматчиков до замполита стрелкового батальона. После гибели капитана А. К. Шутова он руководил политической работой батальона.

Были и другие жертвы, но ничто не могло остановить наступательного порыва советских воинов. Вскоре станция Новохованск оказалась в наших руках. Были перерезаны железная и шоссейная дороги Невель — Полоцк. Части

продвигались все дальше на северо-запад, приближаясь к населенному пункту Житниково.

Бои носили яростный, ожесточенный характер. Противник неоднократно переходил в контратаки и, случалось, отбрасывал нас на исходные рубежи. Приходилось подтягивать резервы и снова атаковать. В прорыв были введены части 3-й и 4-й ударных армий, которые развивали наступление на север, юг и запад. В прорыве обороны и последующем наступлении хорошо проявили себя минометчики 88-го стрелкового полка во главе с комбатом И. А. Межиным. Они научились быстро и незаметно для противника менять свои огневые позиции и точно поражать цели. Стоило где-либо произойти заминке, как комбат сразу же подзывал старшего лейтенанта Семишева и отдавал ему приказ: донять пехоту и поддерживать огнем ее продвижение. Помощь минометчиков всегда оказывалась своевременной и эффективной.

В эти дни смертью храбрых погиб отважный воин, старший сержант Александр Павлович Иоль, уроженец города Сыктывкара. Бывший учитель, он и на фронте очень любил сочинять сказки и стихи, рассказывать товарищам различные истории и бывальщины, чем снискдал к себе всеобщую любовь.

Но война есть война. Жертвы, как ни дороги они, для советских людей имели лишь один смысл: уничтожать врага, гнать и гнать его с родной земли.

После успешного прорыва обороны противника части нашей дивизии достигли населенного пункта Житниково. И как часто бывает в условиях наступления, здесь не обошлось без курьезов.

Один из пехотных батальонов получил команду свернуть с дороги и окопаться в лесу. Связисты минометной батареи Гизатулина, Шишев, Замятин, разведчик Пронин во главе с командиром батареи И. А. Межиным в условиях наступившей темноты потеряли из виду батальон и продолжали движение по указанному на карте маршруту наступления. И вдруг впереди раздается:

— Штэнблляйбен! Зонст шисэн вир! (Остановитесь! Стрелять буду!)

— Немцы!

— Ложись,— дал команду комбат.— Огонь не открывать из кювета не выходить, ползком отходить назад.

Немцы открыли бесприцельный ружейно-автоматный огонь. Но он, к счастью, не принес вреда. Обошли это место и вскоре наткнулись на батальон.

Тем временем войска 3-й ударной армии, развивая наступление на северо-запад, вышли на подступы к небольшому городу Пустошка. Огромным лесисто-болотистым районом, по которому продвигались соединения армии, фактически владели партизанские отряды. Противник занимал лишь отдельные пункты. Однако на подступах к Пустошке гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Так же было и на участке наступавшей левее нас и тоже втянувшейся в партизанский край 4-й ударной армии. На подступах к Полоцку в районе Дретунь эта армия, как и мы, встретила упорное сопротивление врага.

В результате, несмотря на успешное наступление, наши две армии сами оказались в очень трудном положении. Немецкую оборону мы прорвали по фронту 8 километров и, устремившись на запад, заняли весьма обширный район. А горловина-то, проходившая между озерами Невель, Еменец и Ордово, оказалась уязвимой. Идущая через нее единственная полевая дорога находилась под постоянным артиллерийско-минометным обстрелом немцев. Участок прорыва не был своевременно расширен. Таким образом, соединения 3-й и 4-й ударных армий оказались как бы в огромном мешке.

Немцы неоднократно пытались совсем перерезать горловину, но им удалось лишь сузить ее на 2 километра. С 12 ноября начались проливные дожди. Подвоз боеприпасов и продовольствия практически прекратился. Подкрепление не поступало, а потери были большие. Боясь выхода наших войск в глубокий тыл и в Прибалтику, немецкое командование сосредоточило здесь большие силы, которые то на одном, то на другом участках переходили в контратаки.

17 ноября вражеская пехота с танками при мощной поддержке артиллерии предприняла серию настойчивых контратак, стремясь отсечь и уничтожить прорвавшуюся сюда группировку наших войск. Бон не прекращались и в последующие дни.

30 ноября, сосредоточив новые большие силы, немцы начали наступление со стороны Невеля у поселка Турки-Перевоз на реке Уша, имея ту же цель — рассечь наши войска на две части, окружить и уничтожить 3-ю ударную армию. Им удалось сбить части 200-й стрелковой дивизии и продвинуться в глубь нашей обороны на 1,5—2 километра.

28-я стрелковая дивизия, поднятая по тревоге, форсированным маршем направилась к месту боев 200-й дивизии и с ходу вступила в бой. Завязались тяжелые кровопролит-

ные бои с превосходящими силами противника, поддерживаемыми танками и артиллерией. Оборонялись не только стрелковые подразделения, но и работники штабов полков и дивизии. Обстановка часто принимала критический характер, когда казалось, что нет больше сил сдержать натиск противника. И все же эти силы находились. Бойцы и командиры проявляли массовый героизм.

88-й стрелковый полк имел задачу задержать противника на одном из участков. Полковая минометная батарея получила приказ поддержать огнем правофланговый батальон, который занял оборону юго-западнее Турки-Перевоза. Командир батареи Межин приказал личному составу немедленно занять огневые позиции на опушке леса, а связистам установить телефонную связь. Только он успел подготовить данные неподвижного заградительного огня перед передним краем нашего стрелкового батальона и передать их на огневую позицию, как немцы открыли ураганный артиллерийско-минометный огонь по нашему НП. От взрыва снарядов и мин завалились траншеи, все заволокло дымом, ранило телефониста и разбило аппарат. Комбата и его связного оглушило взрывом и завалило землей. Потом противник перенес свой огонь в глубь нашей обороны и перешел в атаку.

Межин все же нашел в себе силы, кое-как выбрался из-под земли и взял трубку беспрерывно звонившего телефона.

— Алло! Говорит первый! Говорит первый!

— Слушаю, товарищ первый!

— Немедленно уничтожить пехоту противника, не давайте фашистам подойти к нашим позициям, а то потеряем высоту, и люди погибнут,— отдал приказ командир 88-го полка полковник А. А. Изнанкин.

— Есть уничтожить противника! — ответил Межин.

Через несколько минут на цепи фашистов легли разрывы мин, и очень удачно.

Но вскоре последовал новый артиллерийский налет противника, немцы опять поднялись в атаку. Положение наших частей вновь стало критическим, так как в результате артналета противника многие наши воины были убиты и ранены. На этот раз выручил танк Т-34, выскочивший из-за высоты. Он открыл огонь прямой наводкой по наступающему противнику и заставил его опять залечь.

Потом экипаж танка, чтобы не стать мишенью для врача, дал задний ход и спустился за высоту обратно. Так экипаж храбрецов за день несколько раз отбивал атаки гитле-

ровцев. Настала ночь, но стрельба по-прежнему шла с обеих сторон.

На переднем крае фашисты начали подбирать своих убитых и раненых. Это заметили на НП дивизионные связисты. Командир отделения сержант Н. И. Богданов по тревоге поднял своих связистов, чтобы устроить засаду и захватить пленного. По-пластунски они вплотную подобрались к немецким солдатам. Богданов крикнул:

— Хальт!.. Ваффэн нидер! (Стой! Бросай оружие!)

Гитлеровцы от неожиданности растерялись, дали несколько автоматных очередей в нашу сторону и стали быстро отходить. Связисты Канев и Григорьев выстрелом из карабинов убили двоих немцев, а одного — здоровенного рыжего офицера — взяли в плен, разоружили и привели на НП. Молодой минометчик Филиппов немного знал немецкий язык. Наши воины очень внимательно слушали его перевод, когда командование допрашивало пленного. Пленный дал ценные сведения.

235-й стрелковый полк во взаимодействии с 29-й танковой бригадой выбил немецких автоматчиков из деревни Сомино. 144-й стрелковый полк остановил продвижение немцев в юго-западном направлении от Турки-Перевоза. 88-й полк выстоял под Турки-Перевозом. И все же стратегическое и тактическое превосходство было на стороне немцев. У нас не хватало боеприпасов и продовольствия. В то время в 88-м полку было всего три грузовые машины ЗИС-5. Из-за бездорожья и перегрузок они часто выходили из строя. Автомашины были предназначены для переброски боеприпасов, но кроме боеприпасов, на них возили продовольствие, раненых, больных, обмунирование и другие грузы. Шоферы Витязев, Зайцев и Захаржевский работали днем и ночью и тогда, когда было тихо, и под обстрелом противника.

На другой день бои возобновились с новой силой. На левом фланге немцы потеснили соседний батальон. Под руководством начальника артиллерии 88-го стрелкового полка Шишкина там был организован сильный заградительный огонь, и к вечеру усмирили противника, не дали ему вклиниваться в нашу оборону.

Много мы потеряли бойцов и командиров за эти дни. Ранены были разведчик Н. В. Евгеньев, командир взвода роты автоматчиков В. С. Богданов. На НП были убиты связист Кашайский и минометчик-наблюдатель Замятин, а на огневой позиции ранены лейтенанты П. П. Чигирев, Семишев, И. В. Арсенов.

1 декабря начались морозы. Появилась возможность подвозить боеприпасы и продовольствие. Наше положение стало улучшаться.

4 декабря разведка сообщила, что немцы готовят новый удар на участке 28-й стрелковой дивизии, для чего в лесу близ переднего края сосредоточили большие силы. На рассвете 5 декабря, упреждая врага, наши реактивные установки — «катюши» — произвели несколько залпов по скоплению немецких войск. В результате немецкая группировка в основном была уничтожена, и тем самым наступление ее было сорвано. Оттуда, где она находилась, слышны были стоны, крики. Несколько оседланных лошадей прибежали в расположение наших войск.

Наступило затишье.

6 декабря дивизию отвели на отдых в район деревни Казенные Лешни.

13 декабря 11-я гвардейская армия начала военные действия против немецких войск южнее озера Езерище на Витебском направлении и в течение пяти дней, по существу, ликвидировала Городокский выступ. Тем самым горловина прорыва южнее Невеля была расширена до 30—35 километров, что в свою очередь, привело к существенному улучшению оперативного положения частей 3-й и 4-й ударных армий. Однако это было лишь полдела.

18 декабря 28-я стрелковая дивизия начала передвигаться в район деревень Прудины, Торжок и Гатчина. Перед дивизией была поставлена задача — наступая с запада на восток, отсечь и ликвидировать и Невельский выступ немцев.

20 декабря дивизия при поддержке артиллерии начала боевые действия с противником в районе Гатчина и Торжка. В течение 4 дней вражеская пехота при поддержке 25—30 танков неоднократно переходила в контратаки. Шли тяжелые кровопролитные бои.

Эти сражения, как и другие, изобиловали многочисленными примерами отваги и стойкости советских воинов, подлинным массовым героизмом.

Пулеметный взвод 144-го стрелкового полка под командованием младшего лейтенанта Н. Е. Павлова по тревоге был переброшен на передовую, когда немцы уже поднялись в атаку. Пулеметчики с ходу заняли огневые позиции и приняли бой. Они стояли насмерть, крошили немецких солдат сколько было сил. И не пропустили их. Все пулеметчики за этот бой получили правительственные награды,

а Павлова наградили орденом Отечественной войны II степени.

Под хутором Стайки на НП был ранен командир отделения управления минометной батареи Гизатулин, но в санчасть не ушел, а помогал товарищам до конца боя поддерживать непрерывную связь с батареей.

Такие примеры можно было наблюдать во всех частях и подразделениях дивизии. В этих боях погиб мой земляк родом из города Грозного, командир радиовзвода старший лейтенант Абдула Магомаев.

24 декабря дивизия была выведена на отдых в район деревни Дербиха. Получив пополнение в живой силе и технике, она вновь отправилась в район Прудины и Торжка, чтобы продолжить операцию по уничтожению немцев на Невельском выступе. Наступление намечалось на 1 января 1944 года, но противник, не приняв боя, поспешил уйти, выпрямив при этом линию фронта. С этого времени наше положение намного улучшилось. Мы получили хорошие дороги, сократился путь доставки боеприпасов, продовольствия и эвакуации раненых.

В течение двух месяцев 3-я ударная армия, в которой состояла и наша дивизия, находилась в очень тяжелом положении. Все это время обстановка была настолько сложна, что нам несколько раз приходилось бывать на одном и том же месте. В этих боях невельцы еще больше упрочили свою боевую славу.

В. С. БОГДАНОВ, бывший командир взвода роты автоматчиков 144-го стрелкового полка

НА ЛАТВИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

В июле 1944 года боевые действия нашего 144-го стрелкового полка проходили на территории Латвийской ССР. Авангардные 1-й и 2-й батальоны первыми в полку вступили на территорию Латвии, а вслед за ними переместились и тыловые службы, специальные и хозяйственные подразделения.

Резервная рота автоматчиков двигалась за боевыми порядками наступающих батальонов. Рота подчинялась непосредственно командиру полка подполковнику Ф. А. Голенкову или первому его заместителю, а также начальнику штаба полка майору Кузнецову. Подполковник Голенков и майор Кузнецов были опытные, волевые командиры со спокойным и уравновешенным характером. Они пользовались среди рядового состава и офицеров заслуженным авторитетом и уважением.

Перед вступлением в Латвию в полк прибыло пополнение из числа возвратившихся в часть из госпиталей офицеров и солдат. Рота автоматчиков пополнилась девятью рядовыми и двумя сержантами. Они были равномерно распределены по взводам. Автоматчики получили новые автоматы ППШ, комплекты боеприпасов и заменили износившееся зимнее обмундирование и обувь на летнюю амуницию. Девушка-фельдшер из санроты полка, которой командовала капитан медицинской службы В. А. Васильева, выдала нам индивидуальные перевязочные пакеты.

Немцы не собирались оставлять Прибалтику. С первых же дней вступления в Латвию мы встретили упорное сопротивление гитлеровцев, стремящихся любой ценой остановить наше продвижение к Балтийскому морю.

Никогда раньше ни мне, ни моим боевым товарищам не приходилось бывать в Латвии. Естественно, мы с особым интересом разглядывали чистенькие домики латышей с такими же аккуратными дворовыми постройками. Повсюду пышные косы зеленых ветвей деревьев и кустов свешиваются над окнами домов... А совсем рядом с постройками и палисадниками — свежевырытые окопы и едва заметные бугорки дзотов, огороженные колючей проволокой.

Здесь были очаги вражеской обороны. Немцы, отводя свои главные силы на заранее подготовленные рубежи, составляли в этих опорных пунктах незначительные силы, которые пытались помешать нашему продвижению вперед. Очень часто в ликвидации таких разрозненных очагов сопротивления немцев приходилось участвовать и мне со взводом автоматчиков. Для этого выделялись небольшие подразделения, основные же силы полка продолжали преследовать отступающего и яростно огрызающегося противника.

Наступательный порыв наших войск был необычайно высок. Его всеми силами поддерживали политработники полка и дивизии. Заместитель командира полка по политчасти подполковник А. М. Рябинин, парторг полка майор

И. А. Андреев часто навещали стрелковые и специальные подразделения полка. Под огнем противника, переходя из одного батальона в другой, они личным примером и душевным словом поддерживали моральный дух наступающих подразделений. Привычка быть рядом с людьми, особенно в трудные, критические минуты жизни, в душевной беседе с солдатами и офицерами развеять их тревожные думы перед боем была характерной чертой этих политработников.

Часто приходили в подразделения полка и политработники из дивизии. Политотделец капитан И. З. Горбачев оказывал неоценимую помощь в организации партийно-политической работы среди прибывающих из резерва новичков, многие из которых были коммунистами и комсомольцами. Парторг роты старший сержант Котов старался как можно быстрее подключить вновь прибывших к партийной и комсомольской работе, дать им какие-либо поручения. В наступлении коммунисты и комсомольцы были всегда впереди.

На первом этапе наступления в Латвии нашему полку пришлось вести ожесточенные бои с действовавшими против нас ранее недобитыми частями 18-й германской армии.

Однажды в августе командир полка подполковник Голенков отдал приказ второму стрелковому батальону оседлать железную дорогу левее станции Паст. Роты батальона сосредоточились на исходном рубеже для наступления. Место было равнинное и хорошо просматривалось врагом. Только мелкий кустарник позволял выдвинуться отдельным бойцам ближе к рубежу атаки и лежа окопаться.

В этот момент я со своим взводом автоматчиков был направлен во 2-й стрелковый батальон как подкрепление. Преодолев броском зону минометного огня противника, мы с автоматчиками заняли рубеж для атаки в стыке первой и третьей стрелковых рот. Но тут ранило командира третьей роты, и командование ротой мне пришлось принять на себя.

Сделав небольшую рекогносцировку местности, я решил наступление начать не на открытом участке местности, а чуть правее, через залитое водой болото. В бинокль было отчетливо видно, что за болотом в посевах яровых культур окопалась группа немецких автоматчиков.

Наше передвижение фашисты заметили и открыли огонь из пулемета и автоматов. Мы залегли. Снайпер младший сержант Беляков влез на небольшое деревце и меткими выстрелами уничтожил несколько фашистов. Но и его за-

сек немецкий пулеметчик. Когда Беляков, выполнив задачу, стал спускаться с дерева, две длинные пулеметные очереди врага оборвали жизнь отважного воина. Был он из Калининской области.

Не ожидая сигнала общего наступления батальона, я с возгласом «ура!» поднял роту в атаку.

Группами, по пояс в воде, мы быстро преодолели болотистое место и с ходу выбили немецких захватчиков из траншей в посевах. Не замедляя наступления, так же быстро вброд переправились через небольшую речушку, оказавшуюся на пути, и вышли к высоте, опоясанной заграждением из колючей проволоки.

По моей команде в направлении высоты была пущена красная ракета. Поддерживающая в наступлении артиллерийская батарея начала крушить заграждения, а потом артиллеристы перенесли огонь по амбразурам и открытым огневым площадкам врага. Следуя за разрывами снарядов, мы вплотную подползли к заграждению. Рядом с нами оказались и полковые разведчики П. Талабанов, И. Кузнецов, М. Зеленков. Их появление для нас было радостным и неожиданным. Они имели задачу, используя наступление, добыть разведывательные данные о противнике, а при благоприятных условиях захватить и «языка».

С линейного взвода роты связи полка, командиром которого был лейтенант Воронов, пробрался к нам связист сержант И. Г. Васильченко. Под интенсивным обстрелом немцев он протянул к нам телефонный кабель. Теперь у нас была бесперебойная связь с КП батальона.

Однако на участке сближения колючая проволока оказалась поврежденной лишь кое-где. А медлить было нельзя. Я рывком сорвал с себя шинель и бросил на заграждение. За мной поднялся и кинул шинель на колючую проволоку парторг роты старший сержант Котов, далее бросили шинели и куртки бойцы Матвеев, Сидоров, Моисеев, Карлов и другие. Почти не задерживаясь, с ходу мы перескочили через заграждение и с криком «ура!» ворвались в траншеи противника.

Остальные бойцы, которые были за нами, также действовали решительно и смело. Они повалили пролет ограждения и тоже ворвались в окопы врага. Отважно дрались с фашистами воины Архмиджанов, Евдокуини, двое Галкиных, Буровцев, Семенченко, Галов и другие.

Рукопашная схватка была скоротечной, но тяжелой. В конце концов немцы не выдержали нашего натиска и разрозненными группами отступили в лес. Об этом я по

телефону доложил на КП батальона и получил ответное приказание «закрепиться на занятой высоте».

Мы заняли круговую оборону. Тем временем разведгруппа побывала в немецких блиндажах и собрала там оставленные вспыхи разного рода бумаги, представляющие интерес для разведки. Захватив с собою раненого «фрица», она ушла к месту своего пребывания.

Рота тоже понесла потери убитыми и ранеными. Погиб в этом бою и парторг роты старший сержант Котов.

На одном из участков отбитой местности немцами были установлены противопехотные мины ПМД-6, а также мелкие железные мины ТМ-42 и просто взрывчатка. Солдаты увидели этот опасный участок и показали мне. Мины были чуть-чуть присыпаны свежей землей и бугры земли выделялись на местности. Немцы не успели их даже замаскировать. Я приказал заминированный участок огородить подручным материалом и поставить доску с надписью «мины».

Мы предполагали, что немцы не примирятся с потерей ключевой высоты и будут нас контратаковать. Но этого не произошло. Безымянная высота осталась в наших руках.

Вскоре мимо высоты по шоссейной дороге стали продвигаться наши подразделения. Мне был передан приказ комбата присоединиться к ним и идти по шоссе в северном направлении.

Поздним вечером, пройдя 2 километра по сухому болоту, мы приблизились к железнодорожному полотну левее станции Паст. Был разрешен кратковременный отдых, нас покормила батальонная кухня, а я даже успел сменить белье и подсушиться.

Помнится, ночь была холодная, туманная, вокруг было тихо и лишь откуда-то издали доносились звуки артиллерийской канонады и взлетали вверх немецкие ракеты.

Расставив часовых, я втиснулся в середину отдыхающих солдат, обогрелся и уснул.

Наутро, после короткого завтрака, мы продолжили атаку позиций немцев вдоль железной дороги. К исходу дня железная дорога была перерезана, но дальнейшее продвижение подразделений батальона было остановлено сильным заградительным минометно-артиллерийским огнем противника. Приказ командира полка подполковника Голенкова был выполнен. Немцы лишились возможности организовать эвакуацию военных грузов и застрявших воинских частей со станции Паст в сторону города Риги.

Все последующие сутки я с уцелевшим личным составом роты вместе с подошедшей 4-й ротой из резерва бата-

льона оборонял занятый участок железной дороги. Вскоре в перестрелке меня ранило, и я был эвакуирован в армейский госпиталь.

Отличившиеся участники боев за высоту, а также захвата участка железной дороги были представлены к высоким правительственные наградам. Я был награжден орденом Отечественной войны II степени. Мне присвоили очередное звание — «лейтенант».

Подлечив свои раны в госпитале, я вернулся обратно в свой 144-й стрелковый полк, в коллектив роты автоматчиков.

В. П. ФЕДОРОВ, бывший командир 28-й Невельской стрелковой дивизии

В ОТРЫВЕ ОТ ГЛАВНЫХ СИЛ

В июле 1944 года наступавшим соединениям 100-го стрелкового корпуса, куда входила 28-я стрелковая дивизия, временно переданная 4-й ударной армии, пришлось преодолевать упорное сопротивление противника на дальних подступах к Двинску. Противник остатками разбитых пехотных дивизий закрепился на заранее подготовленном рубеже обороны вдоль шоссейной дороги Двинск — Резекне, по западным берегам безымянного ручья и реки Ликснянки. Первую же нашу попытку продвинуться вперед он встретил организованным артиллерийским и минометным огнем, а также огнем танков и штурмовых орудий, курсировавших по шоссе. Их активно поддерживала авиация, наносившая штурмовые и бомбовые удары по боевым порядкам корпуса.

Исходя из создавшейся обстановки, командующий 4-й ударной армией генерал-лейтенант П. Ф. Малышев 23 июля поставил перед 100-м стрелковым корпусом задачу: с утра 24 июля перейти в решительное наступление, разгромить оборонявшегося перед фронтом корпуса противника, овладеть железной дорогой Двинск — Резекне на участке Бернаки — Зилуми и, развивая наступление в тыл двинской группировки противника, 25 июля выйти на восточный берег Западной Двины в районе Калнышки, Жвырицы, пе-

перезать пути отхода противника по восточному берегу реки на север.

В свою очередь 28-я стрелковая дивизия получила приказ командира корпуса к 8 часам 24 июля занять исходное положение для наступления в стыке между 200-й и 21-й гвардейской стрелковыми дивизиями, прорвать оборону противника восточнее Малинавы и овладеть железной дорогой Двинск — Резекне на участке станций Бернаки — Зилуми. В дальнейшем наступать в западном направлении, захватить у станции Ликсне участки железной и шоссейной дорог Двинск — Рига, выйти к Западной Двине и тем самым перекрыть пути отступления противника.

Чтобы выполнить эту задачу, дивизии надо было за 18—20 часов вклиниваться в глубь территории противника на 20 километров и в ночь на 25 июля атаковать станцию Ликсне.

Учитывая малочисленный состав дивизии (3820 человек), дело это представлялось трудным и сложным. От командования потребовались предварительный учет всех боевых возможностей дивизии и проведение ряда особых мероприятий по обеспечению и сохранению сил и средств для предстоящих боевых действий. Успех операции во многом зависел от стремительности наступления. Поэтому, получив приказ командира корпуса, командование дивизии особое внимание уделило изучению характера обороны противника и влияния особенностей местности на ход боевых действий.

Для прорыва нами был выбран участок восточнее Малинавы, где позиции врага состояли из одних траншей и опорных пунктов.

В 4 часа 24 июля части корпуса во взаимодействии с 5-м танковым корпусом перешли в наступление, действуя в северо-западном и западном направлениях. Оттянув на себя основные силы противника, они создали благоприятную обстановку для перехода в наступление нашей дивизии, скрыто занявшей исходное положение.

Атаке первого эшелона дивизии предшествовала 15-минутная артиллерийская подготовка по намеченному участку прорыва обороны с целью подавления живой силы и огневых точек противника. В ходе артподготовки 235-й и 144-й стрелковые полки выдвинулись вперед и сосредоточились на рубеже атаки в 100-метрах от вражеских траншей. Убедившись в результате личного наблюдения с НП и на основании докладов командиров полков и начальников

артиллерию в том, что враг подавлен и его сопротивление будет незначительным, я отдал приказ на атаку.

Полки первого эшелона дивизии при поддержке артиллерии ринулись вперед и вскоре ворвались в Малинаву. Быстрота атаки настолько ошеломила противника, что он не смог организовать стойкой обороны этого населенного пункта. Даже налет вражеской авиации не остановил наступательного порыва наших воинов.

Овладев Малинавой, 235-й и 144-й стрелковые полки продолжали громить гитлеровцев западнее ее. Опомнившись от внезапного удара наших войск, противник предпринял контратаку силой до пехотного батальона во фланг и тыл 144-го стрелкового полка с целью остановить наше наступление и вернуть Малинаву. Разгорелся упорный бой, в котором особенно отличились воины 56-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Огнем прямой наводки они нанесли противнику урон и совместно с резервом 144-го стрелкового полка успешно отразили его контратаку.

В этом бою группа наших бойцов во главе со старшиной И. И. Абрамовым оказалась отрезанной от своих подразделений. Но советские воины не дрогнули. Они организовали круговую оборону, и, когда гитлеровцы поднялись в атаку, их встретил меткий огонь пулеметов и автоматов. Дважды враг пытался уничтожить наших бойцов и оба раза с потерями вынужден был отходить.

Отразив контратаки, подтянув артиллерию и минометы, пополнив боеприпасы, наша дивизия в 13 часов 24 июля возобновила наступление. Спустя 2 часа 40 минут, мы овладели железной дорогой Двинск — Резекне на участке между станциями Бернаки и Зилуми. Части противника, прикрывавшие железную дорогу, бросив раненых, разбежались по лесу.

Но сопротивление врага не прекращалось. На пути к Дубовке части дивизии неоднократно подвергались ударам авиации и атакам небольших отрядов пехоты, усиленных двумя-тремя танками или штурмовыми орудиями. Были успешно отражены четыре такие контратаки. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что противотанковые орудия постоянно находились в боевых порядках стрелковых рот. И часто бывало, что на помощь артиллерии, которая на отдельных участках лесных дорог не могла передвигаться собственным ходом, приходили пехотинцы, перетаскивая орудия на руках.

В этой нелегкой обстановке личный состав дивизии с

лучшей стороны проявил свои высокие боевые качества, нерушимое боевое товарищество, тесное взаимодействие и взаимопонимание, готовность выполнить поставленную перед ним задачу.

К исходу дня части дивизии на узком фронте глубоко вклинились в оборону противника, что создавало для нас большую опасность.

Командир корпуса, понимая, как трудно приходится дивизии, сообщил по радио, что утром 25 июля в район действий дивизии подойдет 5-й танковый корпус, и дополнительно подтвердил необходимость во что бы то ни стало перерезать железную дорогу Двинск — Рига на участке Вабле — Ликсне, выделив для выполнения этой задачи не более одного полка. Я доложил ему, что кругом противник, до объектов 7—8 километров, разведка затруднена, и, чтобы выполнить данное задание, нужно использовать одновременно все силы и средства дивизии.

На этом мой доклад командиру корпуса прервался, так как район расположения НП дивизии подвергся сильному обстрелу артиллерийским огнем и налету авиации.

Чтобы выполнить приказ командира корпуса, 235-й стрелковый полк, продвигавшийся в авангарде, должен был, соблюдая полную тишину и маскировку, подойти по левой дорогой к рубежу обороны противника и ударом с ходу овладеть участком дороги Двинск — Рига в районе станции Ликсне, а следующий за этим полком саперный батальон дивизии — взорвать полотно железной дороги на флангах занятого участка и оказать содействие стрелковым подразделениям в закреплении на занятом рубеже и удержании его до подхода остальных частей. Вперед по направлению движения полка и на фланги была выслана усиленная разведка.

В 22 часа 235-й стрелковый полк выступил по маршруту: Дубовка, Шуты, станция Ликсне. На рубеже озеро Сейли — Шуты полк встретил сильное огневое противодействие групп прикрытия противника, но решительной атакой они были отброшены.

При подходе к железной дороге командир полка организовал дополнительную разведку и перестроил полк в боевой порядок в один эшелон, выделив одну стрелковую роту в резерв. Полковые противотанковые орудия и минометы были включены в состав батальонов и наступали на флангах в готовности открыть огонь по требованиям командиров батальонов. Впереди каждого батальона двигались команды саперов для проделывания проходов в заграждениях.

По приказу командира полка батальоны атаковали станцию. Разгорелся жестокий бой. Гитлеровцы упорно оборонялись.

В архивных документах сохранилось немало сведений о героях тех боев. Как уже отмечалось, для успеха наступления большое значение имела разведка, и в том числе сведения, полученные от «языков». Разведчик 235-го стрелкового полка А. С. Бурда был послан в засаду. Умело замаскировав свою ячейку, он стал ждать появления противника. Вскоре показалось восемь фашистов. Бурда скомандовал им бросить оружие. Они ответили огнем. В этой схватке разведчик Бурда уничтожил пятерых гитлеровцев, а троих взял в плен. Они сообщили нашему командованию важные сведения. Другой разведчик взвода пешей разведки А. С. Данилов в бою с противником тоже захватил «языка», который уточнил расположение гитлеровцев и их систему огня на фронте наступления полка. Бесстрашно действовали воины 4-й стрелковой роты старшего лейтенанта С. А. Сафонова. Его рота первой захватила железнодорожную насыпь, чем обеспечила успех боевых действий всего батальона. Под вражеским обстрелом саперы 67-го саперного батальона прорвались к железнодорожной линии, доставили к местам подрыва по 50 килограммов взрывчатых веществ и взорвали полотно железной дороги.

К 3 часам 30 минутам 25 июля 235-й стрелковый полк захватил станцию и участок железной дороги к северу от нее.

Не менее успешно действовал и 144-й стрелковый полк. Ночью, преодолев заболоченные участки местности, он внезапно для противника подошел к станции Ваболе и атаковал ее с трех сторон. Первым на станцию ворвался взвод старшего сержанта Г. И. Гнездикова. В бою, завязавшемся с засевшими в зданиях фашистами, он из автоматов и гранатами уничтожил 10 гитлеровцев, а остальных обратил в бегство. Командир противотанкового орудия сержант А. И. Баев, поддерживая огнем своего орудия атаку станции, подавил две огневые точки и уничтожил прямой наvodкой два пулемета и до 20 фашистов.

Станция Ваболе была взята штурмом. Вражеский гарнизон понес потери и отступил.

Справился со своей задачей и 88-й стрелковый полк. К 4 часам 25 июля он силами 2-го стрелкового батальона занял Клецки и закрепился на северо-западной его окраине.

Настроение солдат, сержантов и офицеров было бодрым. Несмотря на значительные потери, понесенные в боях,

их наступательный порыв не спадал. Конечная цель наших действий была уже близка, но тем больше не давала покоя мысль, сумеем ли мы таким малочисленным составом дивизии удержать участок шоссе и железной дороги до подхода 5-го танкового корпуса или соединений 100-го стрелкового корпуса, которые, сдерживаемые упорным сопротивлением противника, в то время находились еще далеко от дивизии.

В 3 часа 30 минут 25 июля я перешел на наблюдательный пункт, подготовленный в насыпи железной дороги севернее станции Ликсне, куда прибыл и начальник штаба дивизии полковник Готовцев с личным составом штаба. Мы проверили организацию постов воздушного наблюдения на КП частей, войсковой службы оповещения и наблюдения.

С целью удержания занятого района части дивизии организовали круговую оборону, основу которой составляли отдельные опорные пункты.

При организации обороны были определены наиболее вероятные направления действий противника. На случай ударов авиации подготавливались открытые щели для личного состава.

С рассветом вражеская авиация подвергла позиции наших частей бомбовым и штурмовым ударам.

Отразив вражеские атаки, 235-й стрелковый полк в 9 часов 30 минут 25 июля вновь перешел в наступление с тем, чтобы выйти на восточный берег Западной Двины.

К 11 часам полк захватил участок шоссе Двинск — Рига, выбил противника из Жвырницы и, выйдя на восточный берег Западной Двины, стал продолжать наступать вдоль берега на север. Поддержаный четырьмя танками прибывшей 41-й танковой бригады полк уничтожил вражеские подразделения на восточном берегу реки и занял Калнышки, выполнив поставленную перед ним задачу.

Противник, прикрываясь мелкими группами пехоты, огнем артиллерии, минометов и отдельных штурмовых орудий, начал отход в северном направлении. Авиация бомбила и обстреливала боевые порядки частей дивизии. С противоположного берега Западной Двины гитлеровцы вели сильный артиллерийско-минометный огонь. Но ничто не остановило доблестных воинов 28-й стрелковой дивизии.

К 14 часам 30 минутам 25 июля в район ее действий начали прибывать отдельные части 5-го танкового корпуса. Вслед за ними подошли тылы дивизии, что дало частям возможность пополнить израсходованные боеприпасы.

Командующий 4-й ударной армией поставил перед 100-м стрелковым корпусом задачу: дальше развивать на-

ступление в северном направлении во взаимодействии с 5-м танковым корпусом. Боевая задача для 28-й стрелковой дивизии мною была получена около 16 часов 25 минут 25 июля. Ей было приказано наступать в общем направлении на Ливани и во взаимодействии с двумя бригадами 5-го танкового корпуса 27 июля овладеть Сомогольсом. Свои позиции дивизия передавала 21-й гвардейской стрелковой дивизии.

Выполняя поставленную перед нами задачу, главные силы дивизии по моему приказу в 17 часов 25 июля снялись с занимаемых рубежей и к 21 часу сосредоточились в районе Кудейки. Но танковые бригады к намеченному сроку в район Кудейки не прибыли, они отбивали в районе Ликсне и Ликснас контратаки больших отрядов противника, переправившихся с западного берега Западной Двины.

Не дождавшись прибытия танковых бригад, я принял решение под покровом ночи перейти в наступление только силами дивизии. В исключительно сложной обстановке, при отсутствии соседей, части дивизии в 23 часа 25 июля начали наступление. Преодолевая сопротивление противника, преодолевая его попытки закрепиться на выгодных рубежах, они к 4 часам 26 июля овладели лесом южнее Кальвани. В 8 часов с подходом 41-й и 70-й танковых бригад (в составе семи танков) части дивизии возобновили наступление и к 11 часам с боем заняли Сомогольс, Варкавнеси, Айспуришки и Буйвиши. Дальнейшее продвижение было остановлено многократными контратаками и артиллерийско-минометным огнем противника из района станций Плацени, Ницгале и высоты 102,6. Ожесточенные бои здесь продолжались до подхода главных сил 100-го стрелкового и 5-го танкового корпусов.

Главные силы стрелкового корпуса, успешно отразив контрудар противника в районе Малинавы, 28 июля подошли к рубежу, занимаемому дивизией. 28-я Невельская стрелковая дивизия в ночь на 1 августа форсировала реку Дубна и освободила от противника Ливани, захватив большие трофеи и пленных.

* * *

В ходе боевых действий севернее Двинска 28-я Невельская стрелковая дивизия за 9 дней прошла с боями около 80 километров, причем половину из них — в отрыве от главных сил корпуса. В этих боях ярко проявились отвага, мужество, смелость и находчивость всего рядового и сержант-

ского состава и недюжинные организаторские способности офицеров дивизии. Несмотря на все возраставшие трудности наступательного марша с боями, воины дивизии успешно преодолевали их.

Боевые действия дивизии имели важное значение: смелый выход ее частей на восточный берег Западной Двины разобщил двинскую группировку противника и вынудил его ускорить отвод своих войск из Двинска.

Важнейшими условиями успеха в этих боях были умелое маневрирование огневыми средствами и живой силой, тщательно проводившиеся разведка и маскировка, твердое управление частями, хорошо организованная партийно-политическая работа.

Вдохновителями и организаторами ратных побед были коммунисты и комсомольцы дивизии, увлекавшие массы на успешное выполнение поставленной перед ними задачи.

Особенно отличились в боях мои заместители полковники Д. А. Гончаров и М. Х. Шапиро, начальник штаба дивизии полковник Н. В. Готовцев, начальник артиллерии полковник Н. С. Сергеев, начальник особого отдела подполковник Б. А. Осовик, командиры полков полковник З. Д. Комаров, подполковник Ф. А. Голенков, майор Ф. С. Ульянкин, разведчики А. С. Бурда, А. С. Данилов и многие другие.

За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество дивизия Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1944 года была награждена орденом Красного Знамени.

(Перепечатано с некоторыми сокращениями из «Военно-исторического журнала», 1969, № 7.)

И. А. МЕЖИН, бывший командир минометной батареи 88-го стрелкового полка

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В БОЯХ ЗА ПОЛОЦК

Совершив длительный трудный марш из района Кудеверь на юго-запад, наш полк в составе других частей дивизии сосредоточился под Полоцком и 1 июля 1944 года

вступил в бой, развивая дальнейшее наступление за освобождение этого города.

Стояли солнечные июльские дни. Район ввода в сражение нашей дивизии — лесисто-пересеченная местность. Дорога вела в стройный лес на небольшом пригорке. Стволы сосен отливали золотистой желтизной, пахло смолой. Тихо. Но эта тишина была обманчива.

Вот над лесом закружил «горбыль» (немецкий самолет-разведчик), и через несколько минут полк подвергся артиллерийско-минометному обстрелу. Послышались крики и стоны раненых. На западной опушке леса полк встретился с противником. И как всегда первый удар приняли на себя наши славные пехотинцы — стрелки и пулеметчики. Под беспощадным ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем стрелковые батальоны развернулись в боевой порядок, отражая контратаку врага.

Минометная батарея по приказу командира полка майора Ф. С. Ульянкина поддерживала огнем первый стрелковый батальон, которым командовал капитан Григорий Амелин. Она заняла огневые позиции тут же, у дороги. По другую сторону ее, на опушке леса, расположились штаб полка и медико-санитарная рота.

Вскоре над районом огневых позиций минометной батареи появился немецкий самолет и сбросил два баллона, которые взорвались в воздухе. Из них как горох посыпались на землю гранаты. Отдельные осколки задели и наших минометчиков — старшего офицера на батарее старшего лейтенанта А. П. Семищева и водителя Витязева. Понесла потери и санрота: были ранены санитары и фельдшер Пешкин, уроженец Куми АССР.

Вместе со связистами С. Ш. Гизатулиным, И. М. Шереметьевым, Шишаловым, которые тянули связь с огневых позиций, и разведчиком А. И. Сипачевым мы направились на наблюдательный пункт командира первого батальона. Ориентиром служила линия, только что проложенная полковыми связистами И. П. Конюховым и Коробковым под командованием сержанта Василия Лебединца.

Между тем накал боя нарастал. На переднем крае творилось что-то невообразимое: непрерывный гул от разрывов снарядов и мин, треск пулеметных очередей, свист пуль — все слилось в сплошной клокочущий стон. Не верилось, что несколько минут назад здесь была первозданная тишина.

В этом бою исключительную стойкость и мужество проявил мой товарищ, командир 45-миллиметровой противово-

танковой батареи лейтенант Бурячок. Помогая стрелкам отражать контратаки, расчеты 45-миллиметровых пушек прямой наводкой уничтожали гитлеровцев и их огневые средства. У орудия, находившегося вблизи моего наблюдательного пункта, осколком снаряда был тяжело ранен наводчик. Лейтенант Бурячок тут же заменил выбывшего из строя товарища и продолжал разить фашистов. Но вскоре и он был тяжело ранен. Отважный командир после боя был представлен к награде — ордену Красного Знамени.

В какое-то время я заметил вспышки выстрелов немецкой артиллерийской батареи на опушке небольшого леса. Измерил расстояние по карте — досягаемо огнем минометов. Пристрелял это место и дал несколько залпов беглого огня. Вражеская батарея умолкла. И все-таки ночью мы держали ее под обстрелом. Вскоре фашисты покинули свои позиции. На поле боя остались убитые и изуродованная техника противника. Проходя мимо места, где стояла немецкая батарея, я послал несколько минометчиков осмотреть эту бывшую огневую позицию врага. Через несколько минут они вернулись, неся большие трофеи: совершенно новую стереотрубу, 12 катушек телефонного кабеля и четыре телефонных аппарата. Доложили, что орудия противника подорваны, брошены тягачи, автомашины.

В этом бою при восстановлении порывов связи отличились связисты С. Ш. Газатулин, К. Н. Шереметьев, огневик П. А. Деянов. Неплохо потрудились и наши огневики во главе со старшим офицером батареи лейтенантом А. П. Семишевым и командирами взводов старшим лейтенантом Н. В. Африканским и лейтенантом Али Ибрагимовым. Они обеспечили быстроту и точность ведения огня.

Без устали вели бой командиры расчетов В. Юрченко, Н. Рожков, П. Ревурко, А. Облат, наводчики М. Саблин, В. Мурашкин, П. Кузнецов, С. Мухомедшин и многие другие.

Стволы сосен, изуродованные осколками снарядов и мин, блестели на солнце каплями смолы, источая все тот же терпкий запах, что встретил нас сутки назад. Только теперь к нему примешивался еще запах гари, пороха, смерти. Поредевший полк продолжал марш, тесня противника.

Преследуя отходящие к Полоцку вражеские войска в батальонных колоннах, 88-й стрелковый полк вошел в белорусский лес. В головном отряде шел первый стрелковый батальон, в состав которого входила и наша полковая минометная батарея. Впереди на небольшом расстоянии шла разведка.

Впереди головного отряда верхом на лошадях ехали командир полка майор Ф. С. Ульянкин, начальник штаба полка майор В. М. Звонцов, заместитель командира полка по строевой майор Сапа, заместитель по политчасти майор В. А. Сыроежкин, заместитель начальника штаба Н. С. Резчиков и представитель штаба дивизии подполковник Леонов. Следом за ними в голове батальона шли командир батальона капитан Григорий Амелин, заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант Василий Коблов, заместитель по строевой капитан Георгий Пыжиков, старший адъютант батальона лейтенант Михаил Горчицников, партторг батальона лейтенант Иван Бесчастнов и комсорг сержант Иван Сетков.

В сосновом лесу тишина... Лишь где-то справа слышны были глухие артиллерийские выстрелы и разрывы. И вдруг на перекрестке дорог головной отряд был обстрелян организованным ружейно-пулеметным огнем гитлеровцев. А через несколько минут земля содрогнулась от разрывов мин и снарядов. Затарахтели пулеметы, засвистели пули, послышались крики и стоны раненых. Лес наполнился сплошным гулом и смрадом. Какие-то доли секунды решали многое. По моей команде минометная батарея тут же, у дороги, на небольшой поляне, развернулась к бою, из всех огневых средств полка первой открыла огонь по врагу.

Здесь проявили высокое военное мастерство, мужество и отвагу старший офицер на батарее старший лейтенант А. П. Семишев, командир взвода лейтенант Н. В. Африканский, командиры расчетов П. Ревурко, В. Юрченко, Н. Рожков, П. Облат.

В первые минуты, пока минометчики и станковые пулеметчики собирали в одно место людей, несущих кто ствол миномета, кто плиту, тела и станки пулеметов, стрелки первого батальона во главе с командным составом вынуждены были вступить в бой. Началась рукопашная схватка, в которой участвовали все офицеры батальона. В этом бою комсорг батальона Иван Сетков уничтожил шесть фашистов, но и сам был смертельно ранен и скончался в сандроте. За свой подвиг отважный комсомолец посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Взрывной волной снаряда был контужен начальник штаба полка майор В. М. Звонцов. Здесь же, в лесу, погиб командир противотанкового артиллерийского дивизиона майор Абель.

Рядом с минометной батареей развернулась к бою полковая артиллерийская батарея. Начальник артиллерии полка капитан И. В. Смирнов попросил меня помочь ко-

мандиру пушечной батареи старшему лейтенанту Спорыгину подготовить ее к стрельбе с закрытой огневой позиции. Я помог. Батарея обрушила на огневые средства противника свой огонь.

Гитлеровцы были отброшены с занятых позиций. Рота старшего лейтенанта Андрея Вершинина, вместе с которой участвовал в бою заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант В. В. Коблов, захватила командный пункт гитлеровцев. Фашисты бросили всю связь с подключенными телефонными аппаратами.

Командир отделения боепитания батальона сержант И. И. Шаров, подвозивший на пароконной повозке по просеке боеприпасы сражающимся бойцам, был обстрелян 37-миллиметровой зенитной пушкой врага. Одна лошадь была убита. Сержант Шаров не растерялся, обрезав постремки, он спас вторую лошадь и боеприпасы.

По роте старшего лейтенанта Вершинина обрушила огонь минометная батарея немцев. Но тут же она была подавлена минометным огнем батареи полка и минометной роты батальона старшего лейтенанта И. Ф. Прозорова.

Ожесточенный бой длился до глубокой ночи. Восемь раз фашисты контратаковали нас. И все безуспешно. Но отражение каждой такой контратаки требовало максимум усилий, человеческих жертв. Только в первом батальоне было убито и ранено около сорока человек. Не смыкая глаз, медики санроты делали все возможное и невозможное, спасая жизни раненых бойцов. Под непрерывным огнем выносили раненых с поля боя врачи, фельдшера, сестры, санитары Г. А. Сыроежкина (Соколова), Т. А. Коблова (Коваль), Пешкин и другие. Во многом слаженность их действий определяло четкое руководство со стороны командира санроты Г. Е. Россовой.

Перед рассветом враг сдал позиции. Первым об отходе фашистов доложил командир роты Вершинин. Полк свернулся в батальонные колонны для дальнейшего преследования отходящего противника.

В РАЙОНЕ БОЛЬШИХ ЖАРЦОВ

Немецко-фашистские захватчики, отступившие на заранее подготовленные позиции, уже к вечеру задержали продвижение нашего полка. Батальоны стали окапываться. Минометная батарея поддерживала второй стрелковый ба-

тальон, которым командовал один из лучших командиров батальонов, ветеран полка майор Георгий Галкин.

Я занял наблюдательный пункт неподалеку от командного пункта батальона, на опушке леса. Обзор был хороший. Тут же начальник артиллерии полка капитан И. В. Смирнов поставил огневые задачи батарее на случай контратаки гитлеровцев. Показал на местности расположение 81,5-миллиметровой минометной огневой позиции врага. Приказал установить за ней наблюдение и подавить ее.

Мы сели на бруствер окопа передохнуть. Вдруг прозвучал одиночный выстрел. Лейтенант Вьюшко, командир минометного взвода, прибывший на наблюдательный пункт для практики ведения огня и разведки, опустился в окоп. Его ранило в бедро разрывной пулей.

Утром, едва забрезжил рассвет, разведчик-наблюдатель А. И. Сипачев доложил, что по дороге, в глубине обороны противника, происходит передвижение к переднему краю небольших колонн фашистов. Я немедленно передал команду на батарею:

— К минометам!

Тут же сообщил командиру батальона о результатах наблюдений.

На переднем крае стояла тишина. Но вскоре на пшеничном поле появились движущиеся цепи немцев. Введя в пристрелянные установки корректирую, дали залп. Минны легли точно в цель. Открыла огонь и 82-миллиметровая минометная рота капитана В. В. Кальсина. Через несколько минут и немцы обрушили по нашему переднему краю артиллерийско-минометный огонь и начали контратаку, но им удалось лишь немного потеснить соседа слева. На участке нашего полка контратака противника была успешно отражена.

Старший офицер по батарее лейтенант Семишев доложил:

— Немцы подходят слева! Разрешите сменить огневые позиции!

Но на это времени уже не оставалось.

— Приготовиться к отражению противника!

И снова завязался бой. Он продолжался до конца дня, и только в вечерних сумерках затихли последние залпы. Враг отступил.

Удивительный народ минометчики: выносливые, закаленные войной, беспредельно храбрые. Я помню, как ночью горстка измотанных до предела бойцов отрывала минометные окопы, устраивала наблюдательные пункты, искусно маскировала лошадей и машины. А на заре — снова бой

или изнурительный переход. Просто не верилось, что в группе этих людей бьется обыкновенное человеческое сердце. Глядя на них, невольно думал: «Да, ребята эти из кремния...»

Особенно трудно приходилось нашим водителям, ветеранам батареи Витязеву и Зайцеву. Машины были только в минометной батарее. И не было ни запчастей, ни автомеханика. Все приходилось находить и делать самим. И наши «старички» как-то ухитрялись со всем этим справляться, не надоедая ни бесполезными просьбами, ни жалобами.

Дороги войны уводили нас все дальше и дальше. Только за три дня наша 28-я Невельская дивизия прошла с боями 15 километров, освободив более 30 населенных пунктов. И вот показалось голубое зеркало реки Полота. Но уже через небольшой промежуток времени, когда на переправе завязалась отчаянная схватка с фашистами, река обагрилась кровью. В памяти навсегда сохранится подвиг старшего сержанта Теплова. Увидев, что фашисты решили взорвать мост, чтобы преградить путь нашему наступлению, он, ни на минуту не задумавшись, кинулся к двум гитлеровцам, зажигавшим шнур, и расстрелял их в упор. Взрыв был предотвращен.

6 июля мы вступили в пределы Латвии...

За отвагу и мужество, проявленные в боях за освобождение Полоцка, боевыми орденами и медалями были награждены командир полка Федор Ульянкин, начальник штаба Василий Звонцов, командиры батальонов Григорий Амелин, Георгий Галкин, заместители командиров батальонов Василий Коблов и Георгий Пыжиков, командир стрелковой роты Андрей Вершинин, помощник командира взвода Теплов, командир отделения Иван Шаров, полковые связисты Иван Конюхов и Василий Лебединец, минометчик Салихян Гизатулин и многие другие стрелки, пулеметчики, связисты, разведчики, минометчики, саперы, медики.

Дивизия в целом получила за город Полоцк 3-ю благодарность от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Четвертая благодарность нам была объявлена за отличные боевые действия в боях за Даугавпилс (сейчас Даугавпилс).

ОБСТАНОВКА ОБОСТРЯЕТСЯ

В середине августа 1944 года наши части подошли к хорошо подготовленному району обороны противника, проходившему через населенные пункты Плявиняс, Гулбене.

Встретив упорное сопротивление гитлеровцев, наши войска приостановили продвижение, а 17 августа полк получил приказ наступать в направлении поселка Эргли.

После короткой артиллерийской подготовки передовые части атаковали противника и с ходу форсировали реку Арону. По всему было видно, что противник не ожидал такого мощного и стремительного наступления. В прорыв был введен 5-й танковый корпус генерала Сахно, который быстро ушел вперед.

Нашей минометной батареи пришлось идти по следам только что прошедших танков. Всюду мы видели следы разгрома гитлеровцев: на дороге валялись опрокинутые орудия, автомашины, повозки, трупы фашистов, различное имущество, награбленное оккупантами у местного населения: радиоприемники, патефоны, одеяла...

Минометная батарея, которой я тогда командовал, поддерживала и сопровождала огнем первый стрелковый батальон, которым командовал опытный и отважный командир — капитан Григорий Амелин. Хорошими помощниками ему были в суровые часы испытаний ветеран полка, заместитель командира батальона по политчасти Василий Коблов, старший адъютант батальона капитан А. Пилипенко, партторг батальона лейтенант Иван Бесчастнов, комсорг батальона сержант Иван Редин.

Следуя за танками, наш батальон и батальон 21-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием гвардии капитана Корнякова вскоре ворвались на станцию и поселок Эргли, а 19 августа овладели хуторами Криевукалинс и Гайлюкалинс. Подтянув резервы, оправившийся противник нанес внезапно мощный контрудар по головной части наших войск. Авиация неприятеля держала под беспрерывным огнем все мало-мальски значительные дороги, препятствуя снабжению вырвавшихся вперед соединений и частей горючим и боеприпасами.

Вслед за первой контратакой последовала вторая, третья... Отражение каждой из них требовало немалых усилий. А главное — все меньше и меньше оставалось боеприпасов. Редели и ряды бойцов. Но продвижение вперед не останавливалось. Наконец силы иссякли, наступление выдохлось. Мы вынуждены были «закопаться» в землю. Начались кровопролитные оборонительные бои буквально за каждый клочок только что отвоеванной земли. Огневые позиции минометчиков противник обстреливал из артиллерии. Вышли из строя два миномета. На исходе боеприпасы. Обстановка все более и более осложнялась. С самого утра

в тылу у нас слышалась беспрерывная стрельба. С таким нетерпением ожидаемый транспорт с боеприпасами и продовольствием не прибыл.

Как потом выяснилось, мы оказались вообще оторванными от главных сил дивизии и вели бой уже в тылу немецко-фашистских войск. Фланги нашей группировки были открытыми. Боевые порядки батальона сильно поредели. Мины кончились. Я доложил об этом начальнику штаба полка майору В. М. Звонцову и начальнику артиллерии капитану И. В. Смирнову.

Впереди командного пункта батальона было выдвинуто отделение из 8 человек во главе с помощником командира взвода связи батальона, сержанта (фамилии, к сожалению, не удалось узнать). Солдаты мужественно сражались с наследавшими гитлеровцами. Старший сержант вел огонь из ручного пулемета, разя фашистов в упор, и героически погиб вместе со своими товарищами.

Немцы смяли наших стрелков и в районе шоссе. Под губительным огнем противника остаткам батальона по приказу командования пришлось отойти в лес, к штабу полка. Видя такое сложное положение, я решил организовать круговую оборону.

Огневые позиции батареи располагались у маленького озерца на опушке леса, западнее поселка Эргли. Впереди нас была небольшая овальная высотка, справа пролегала шоссейная дорога на Ригу. Оценивая обстановку и местность: если организовать круговую оборону на опушке леса — маскировка будет хорошая, но противник сразу обрушит огонь по опушке, и мы понесем большой урон от осколков снарядов и мин, разрывающихся прямо на деревьях. Расположиться на высоте — видимость отличная, но и мы на виду, легко нас перестрелять. А на батарее осталось всего 26 бойцов.

Приказываю занять круговую оборону между высотой и лесом, откуда возможно нанести противнику неожиданный удар, дезориентировать его, а самим остаться незамеченными. Каждый солдат подготовил для себя окоп в указанном месте. Штаб полка находился слева, за озером, в сосновом лесу. С ним была установлена проводная связь.

Во второй половине дня на дальней дороге, идущей с Цесиса на Эргли, наблюдатель Валя Козлик увидела фашистов. Они двигались колонной в сторону нашего тыла. Об этом я сообщил в штаб и для связи послал туда лейтенанта А. Ибрагимова. И вот вдали показались немцы...

Приказа о снятии с огневых позиций не поступало. Зна-

чит, необходимо было встретить противника ружейно-автоматным огнем и продержаться до наступления темноты.

— Не открывать огня до сигнала. Бить только наверняка, экономить боеприпасы,— отдал я команду.

Ко мне подошел связной из полковой пушечной батареи (76-миллиметровых орудий). Оказывается, батарея отбивала атаки немцев на Эргли совместно с подразделениями соседнего соединения. Командир батареи послал связного разыскать штаб полка. Я немедленно отправил связного за батареей. Спустя полчаса она была в районе нашей огневой позиции. Колонна фашистов находилась к этому времени от нас примерно в 800 метрах.

— Как пройти к Смирнову (начальнику артиллерии полка капитану И. В. Смирнову)?— настойчиво спрашивал у меня старший лейтенант Спорыхин.— Надо получить приказ, как действовать.

Я попытался убедить его немедленно, не теряя ни минуты, развернуть батарею к бою и вместе с минометчиками нанести удар по фашистам. Но тот настаивал на своем. Пришлось указать место расположения штаба полка, но на прощанье я предупредил Спорыхина, что если он не займет огневые позиции и не встретит фашистов вместе с нами (а на батарее были снаряды с картечью), то после получения приказа в штабе занимать оборону будет поздно. Очевидно, так и не придав особого значения моим словам, он ушел.

Междуд тем время неумолимо двигалось вперед. Встревоженная и побледневшая Валя Козлик доложила, что немцы уже за высотой.

— Фашисты прут на батарею!— сообщил и старший офицер минометной батареи старший лейтенант Н. В. Африканский.

Да, время настало.

— Приготовиться к ведению прицельного огня!..

Но тут вдруг, пересекая дорогу, по которой в нашу сторону двигались немцы, показалась крытая брезентом повозка. Я остановил ее.

— Что везешь?— обратился я к молодому солдату-эздовому из мироты первого батальона, очевидно, искавшему своих.

— Минны.

— Какие?

— 82-миллиметровые.

— Сколько?

— 50 штук.

- Миномет есть?
- Есть, только он неисправный.
- Что за неисправность?
- Не работает подъемный механизм.

Я обрадовался. Есть мины и миномет! Тут же приказал ездовому разгружаться, вызвал старшего сержанта В. Юрченко и велел ему немедленно открыть окоп для 82-миллиметрового миномета, показал, как можно стрелять при его неисправности.

Через несколько минут все было готово.

Перед боем обошел бойцов, большинство из которых были еще совсем молодые, малообстрелянные. Хотелось каждого приобщить: держись, браток, не дрогни в решаительный час, если он для тебя будет даже последним.

Вот они идут. Темной зловещей лавиной. Граниул первый выстрел. Он был сигналом к бою.

Обманчивую тишину рванул ружейно-автоматный залп. За ним полыхнул 82-миллиметровый миномет.

Немцы от неожиданности шарахнулись назад и вскоре скрылись в лесу по правую сторону дороги на Ригу.

Но вскоре, опомнившись, фашисты заняли боевые порядки справа от нас по опушке небольшого леса и обрушили ружейно-пулеметный огонь по нашей высоте и опушке леса, расположенной позади нас, где стояла батарея лейтенанта Спорыхина. Жарко пришлось спорыхинцам. Их командир, возвращаясь из штаба полка к себе на батарею, был ранен и потом бойцы вынуждены были скрываться в лесу. Обо всем этом позже рассказал наводчик батареи ефрейтор Белов.

Нам досталась меньшая доля огня, но зато почти все лошади, которые находились в укрытии, были ранены.

Мы ждали и гадали, что же собираются предпринять немцы дальше. Боеприпасов оставалось мало, и надо было все рассчитать с предельной точностью.

Но вот из-за высотки вышло немецкое самоходное орудие «фердинанд», сделало несколько выстрелов в сторону Эргли, затем повернуло ствол в нашу сторону и трижды выстрелило по сараю с сеном, находившемуся рядом с нами. Сарай загорелся. И в это время поступил приказ командования полка сняться с огневых позиций и прибыть к штабу полка.

Незаметно для противника мы погрузили на повозки минометы и, помогая раненым лошадям, прибыли к месту назначения. Здесь стало известно, что мыходимся в окружении.

ИСПЫТАНИЕ ОКРУЖЕНИЕМ

В тылу у немцев оказались: 1-й стрелковый батальон, штаб полка с ротой связи, ротой автоматчиков, взводом саперов, минометная батарея, батарея 76-миллиметровых пушек и батальон 21-й Невельской гвардейской стрелковой дивизии — всего около 400 человек.

На всякий случай я проверил личный состав своей батареи. Вижу — не хватает двух человек: старшего сержанта Облата — командира миномета и младшего сержанта Мурашкина — наводчика. Опросил всех — никто не видел, куда они девались. Неужели погибли? Послал старшину Юрченко с двумя солдатами осмотреть покинутые позиции — нет ли там убитых или раненых. Юрченко вскоре вернулся и доложил, что там уже немцы.

Собранные к штабу подразделения готовились к выходу из окружения. Первой ушла группа, в составе которой были: помощник начальника штаба полка старший лейтенант А. С. Корогодин, начарт полка капитан И. В. Смирнов, телефонистка Ирина Побережец и другие. За ними с группой разведчиков ушел командир полка майор Ф. С. Ульянкин.

Оставшиеся подразделения полка готовы к выходу начальник штаба полка майор Василий Михайлович Звонцов — один из лучших начальников штабов соединения. Он разработал план выхода из окружения. По его распоряжению командир роты связи старший лейтенант К. И. Михайлов дал указание радиостанции А. Л. Кокоше и В. Гилеву в песчаной яме быстро развернуть радиостанцию «РБ» и срочно установить двустороннюю связь с командным пунктом дивизии. Ждать пришлось недолго. Открытым текстом от комдива полковника В. П. Федорова поступил приказ во что бы то ни стало вывести весь личный состав. Что невозможно поднять — оставить. Помощи не ждать. Путь выхода определить самим. Все это я слышал, находясь рядом с В. М. Звонцовым. Здесь же были и уполномоченный особого отдела капитан Васильев, комбат Г. Амелин и комбат 21-й гвардейской дивизии капитан Корняков.

Не скажу, что это сообщение обрадовало нас. Но другого выхода не было. Надо было пробиваться к своим. Хорошо, что сплошного фронта не было, и мы двинулись по ранее намеченному маршруту, стороной от дорог. Однако эти дороги кое-где приходилось пересекать. И это оказалось самым трудным. Особенно опасными оказались дороги, идущие с Риги и Цесиса на Эргли, потому что по ним непрерывно двигались немецко-фашистские войска. Ввязываться

ся в бой нам было нежелательно и небезопасно. Значительным препятствием в выходе из окружения стал довольно глубокий овраг, оказавшийся на нашем пути в ночном лесу. После преодоления его разведгруппа и голова колонны оторвались и потерялись из виду. От впереди идущих по цепочке передали: «Нас никто не ведет».

Майор В. М. Звонцов, находившийся в середине колонны, быстро прошел вперед. Через несколько минут двинулись и мы. Но вскоре снова остановились. До меня опять дошло сообщение о том, что движение колонны вновь никто не возглавляет. И действительно, пройдя вперед, я не увидел там ни одного офицера. В каком же направлении ушла голова цепочки? Передал команду: «Офицеры! В голову колонны!» Пришлось самому начать организацию разведки пути. Со мной были старший сержант И. С. Саблин и мой связной ефрейтор А. И. Сипачев. Вскоре к нам присоединился находившийся в хвосте колонны заместитель командира 1-го стрелкового батальона по политчасти старший лейтенант В. В. Коблов. Прибыли и еще несколько младших офицеров нашего полка и батальона 21-й Невельской гвардейской стрелковой дивизии. Договорившись об организации выхода через оборону немцев и о совместных действиях в различных ситуациях, В. В. Коблов и я возглавили вывод оставшихся людей.

Оказалось, что осталось еще довольно много подразделений: 1-й стрелковый батальон, минометчики из полковой минометной батареи, воины пушечной батареи полка, часть личного состава роты связи, взвод саперов, батальон 21-й стрелковой дивизии. Всего, как потом выяснилось, около 200 человек. Для разведки пути создали группу в несколько человек под командованием старшего сержанта И. С. Саблина. Остановки делали через каждые 200—300 метров, ориентировались по моей карте, выслушивали донесения связных, вернувшихся с разведки пути. Связными были И. П. Конюхов и И. М. Шереметьев. Они докладывали о возможности продвижения всей группы. Места расположения или передвижения немцев осторожно обходили, стараясь быть незамеченными. Дважды по разведчикам фашисты открывали огонь, но все обошлось благополучно.

Сначала, пока двигались по лесу, шли на север. При выходе из леса повернули на восток, как это было определено в начале движения. Справа от нас находилась возвышенность, но идти по ней к реке Огре было опасно, так как там могли быть позиции немцев. Мы спустились в лощину на мокрый луг. Здесь немцы окапываться не стали бы.

Слева от направления движения виднелся хутор, где горел одинокий огонек. Хутор мы обошли. Подошли к реке Огре. Зная, что за рекой должны быть наши, стали переправляться через нее вброд и подниматься вверх по круто-му оврагу, заросшему кустарником.

Внезапная пулеметная очередь заставила группу залечь и приготовиться к бою. И. П. Конюхов, который был ближе к нам с В. В. Кобловым, сказал, что строчит наш ручной пулемет. А. И. Сипачев крикнул:

— Славяне!

С той стороны крутого оврага послышались русские слова:

— Кто идет?

— Свой!

Водная преграда, крутой подъем на берег реки Огре были преодолены массой измученных тяжелым дневным боем и тревожной бессонной ночью людей в считанные минуты.

Радостными объятиями и рукопожатиями встретили нас бойцы и командиры второго стрелкового батальона нашего полка, которые занимали оборону.

В эти тревожные, полные смертельной опасности дни у наших воинов был как никогда высок моральный дух. Каждый солдат поставил перед собой задачу: не только самому выйти, но и как можно больше вынести из окружения материальной части, чтобы она не досталась врагу. Так, радисты А. Л. Кокоша и Б. Гилев тащили на себе, кроме своего снаряжения, полковые радио «РБ» (приемо-передатчик), связист И. П. Конюхов вынес отечественный телефонный аппарат «Унфон», командир роты связи К. И. Михайлов — полковой телефонный коммутатор. Наши минометчики вынесли приборы, прицелы, связь, каждый с предельной точностью выполнял задания. Разведчики прощупывали путь движения, автоматчики охраняли боевое и шефское знамена, здоровые помогали раненым.

Вскоре связисты установили связь со штабом полка, который находился в овраге у хутора Дзельскаяс. Туда уже прибыли вышедшие группами разведчики полка, заместитель командира полка майор В. А. Сыроежкин, уполномоченный особого отдела капитан Васильев, первый помощник начальника штаба полка майор Н. С. Резчиков, начальник артиллерии капитан И. В. Смирнов, командир 1-го батальона капитан Г. Амелин.

Командование полка сообщило нам, куда прибыть, объяснило сложившуюся обстановку. Предупредили, чтобы

шли осторожно, так как сплошной линии обороны у нас еще нет и с фашистами можно встретиться неожиданно в любом месте.

Затем я, В. В. Коблов и другие офицеры пошли на командный пункт 2-го батальона. Там нас встретили ветеран полка, один из лучших командиров батальона, майор Георгий Галкин, заместитель командира батальона по политчасти А. Г. Волохин, старший адъютант батальона Е. Назаров, заместитель командира батальона по строевой капитан Г. М. Пыжиков. Они еще раз уточнили нам обстановку, указали дальнейший маршрут движения и отметили опасные места, наблюдаемые и простреливаемые противником.

Наши боевые товарищи из 21-й гвардейской дивизии уточнили координаты своего полка и двинулись к назначенному месту.

Походной колонной мы направились к хутору Дзельскаяс. На лугу догнали повозку, за которой шли семь солдат, одетых не по форме. Двое из них были Облат и Мурашкин. Когда я встретился взглядом с Облатом, он побледнел. Я понял, что он чувствует за собой какую-то вину. Но спрашивать сразу не стал. Приказал опоясаться ремнями и встать в строй. После старший сержант Облат признался, что его и Мурашкина смущило то, что батарея старшего лейтенанта Спорыхина оказалась разгромленной, а полк окруженным.

Наступая на Эргли, я хорошо запомнил хутор Дзельскаяс. Красивое там место: вековые дубы, яблони, сосновый бор с чистейшими родниками. Отдохнуть бы там... Но отдохнуть не пришлось.

По прибытии на хутор заместитель командира полка по строевой майор Сапа приказал личному составу минометной батареи оборонять хутор с юго-западной стороны. В мое распоряжение передали остатки личного состава 76-миллиметровой батареи — 10 человек, из роты автоматчиков полка — 10 человек, во главе со старшим сержантом Быковым, остатки личного состава саперного взвода и еще несколько солдат, потерявших свои подразделения.

Участок обороны находился западнее хутора, между двух дорог, причем проходил он на высотке в сосновом лесу. Видимости впереди почти никакой, не видно и соседа справа. Позиция явно невыгодная: при артиллерийском обстреле противником снаряды будут рваться на деревьях, и тогда от осколков окопы не спасут.

Принимаю решение занять оборону непосредственно на высоте, на которой расположен хутор Дзельскаяс. Оборону

подготовили отдельными окопами на три человека. Размещая людей так, чтобы в каждом окопе был «мой» солдат, который, я хорошо знаю, ни в какой обстановке не подведет.

У новой позиции был только один недостаток — противник имел возможность накапливать силы незаметно для нас за высотой в сосновом лесу, всего в 200—300 метрах впереди. Чтобы не допустить этого, посылаю на высотку справа, впереди в лесу, автоматчиков во главе со старшим сержантом Быковым.

21 августа фашисты на нашем участке обороны не предпринимали никаких боевых действий. Зато ранним утром 22 августа они атаковали нас с ходу, без всякой артподготовки. Мы открыли шквальный огонь из карабинов и автоматов. Очень помогли нам автоматчики на высоте в лесу: они ударили во фланг фашистам, и те не выдержали, повернули назад. Я немедленно поднял своих бойцов в контратачу с целью захватить трофейное оружие и боеприпасы: ведь у нас по-прежнему был ограниченный запас патронов.

И. С. Саблин подобрал пулемет МГ с лентой патронов. Немецкий пулеметчик не успел произвести ни одного выстрела. Другие вонны также захватили различное оружие и патроны, затем все возвратились в свои окопы.

В этот день еще трижды атаковали нас немцы, и каждый раз мы контратаковали их, отбрасывая на исходные рубежи. За этот день были тяжело ранены из минометной батареи старший сержант Облат, младший сержант Мурашкин, старший сержант Юрченко. Последний поля боя не покинул, остался в строю до конца боя. Убиты были рядовой Мухометшин, командир взвода саперов лейтенант (к сожалению, фамилии его не помню). Все солдаты, сержанты и офицеры сражались исключительно храбро, стойко удерживали обороняемый участок, несмотря на недостаток боеприпасов и продовольствия.

Лишь с наступлением темноты связистка минометной батареи Валя Козлик накормила и напоила нас добытой ею и приготовленной на хуторе пищей. Ей помогал ефрейтор Сипачев.

Наступило 23 августа. Немцы, используя кустарник около озера Акенау, попытались без шума обойти нас с левого фланга. Первым маневр фашистов заметил ефрейтор Сипачев. Вести огонь по гитлеровцам могли лишь пять саперов. Возникла опасность захвата фашистами канавы, которая проходила около леса. Тогда бы они смогли все время наблюдать за нами и поражать ружейно-пулеметным

огнем с короткой дистанции, а выбить нам их оттуда было бы практически невозможно и нечем. Не было гранат.

Немедленно посылаю на правый фланг пять автоматчиков во главе со старшим сержантом Быковым, приказываю им вести огонь из леса по левому флангу немцев, а остальным кричать «ура!» с места и вести огонь. Результат был неожиданным: немцы откатились к озеру. Но все-таки часть из них укрылась в канаве. В этой схватке был смертельно ранен отважный воин-минометчик ефрейтор А. И. Сипачев. Погиб и командир минометного расчета (фамилии также не помню). Ранены были младший сержант Фролов и рядовой Винокуров.

Засевшие в канаве фашисты изредка стреляли по нам и выводили из строя наших бойцов.

На наше счастье, часов в 10 утра к хутору подъехала повозка, на которой везли ручные гранаты для соседнего батальона. Я и старший офицер батареи старший лейтенант Н. В. Африканский в подолы гимнастерок набрали гранат, раздали их своим солдатам и этими гранатами выбили немцев из канавы.

В полдень к фашистам подошли несколько танков — мы хорошо слышали шум их моторов за лесом. Я обошел своих бойцов, предупредил:

— Когда подойдут танки — пропустить, а пехоту встретить огнем в упор.

Вдруг прибежал старший сержант Быков и доложил, что немцы захватили окопы автоматчиков на высотке в лесу. Послал туда лейтенанта Блескина, приказав восстановить положение. Через несколько минут высота была снова наша.

Фашисты пустили танки по обеим дорогам, идущим к хутору Дзельскаяс, где держал оборону личный состав минометной батареи. Неожиданно с левого фланга из-за озера Акенау какой-то наш молодец-артиллерист открыл огонь и сразу же подбил впереди идущий танк. Танк загорелся, остальные остановились, а затем попятились назад. И эта атака немцев захлебнулась.

Спустя час фашисты прорвались незаметно слева и оказались сзади обороняемого нами участка. Об этом мне доложил связист-минометчик сержант И. Н. Шереметьев.

Вместе с парторгом первого стрелкового батальона лейтенантом И. М. Бесчастным и комсоргом этого батальона сержантом И. Рединым мы собрали сколько могли людей, оставив в своих окопах по одному-два человека, быстро сосредоточились в овраге на окраине хутора и стремитель-

но с криками «ура!» атаковали прорвавшихся фашистов с фланга. Немцы в панике откатились назад, положение было восстановлено. Несколько человек во главе с сержантом Шереметьевым были оставлены вести наблюдение за противником на этом участке. Мы возвратились на свои позиции.

Старший сержант Валя Козлик наравне со всеми участвовала в атаке прорвавшихся фашистов. У нее засело патрон в автомате. После завершения боя она села под дуб, стала разбирать свое оружие. Я предупредил, что под деревом сидеть нельзя, может убить, особенно если начнется артиллерию. И, словно в подтверждение моих опасений, немцы начали обстреливать нас из пушек. Один снаряд, задев крону дуба, разорвался в воздухе, и Валя Козлик была тяжело ранена.

Следуя на свой участок обороны после отражения атаки немцев, я спустился в овраг, где размещался штаб батальона. Здесь тоже был убит осколком снаряда в голову командир взвода связи первого батальона старший лейтенант Джунусов. В это время в овраге появился руководивший отражением атаки фашистов на правом фланге обороны заместитель командира первого батальона по политчасти старший лейтенант В. В. Коблов с плененным им раненым немецким солдатом. Ординарец В. В. Коблова ефрейтор В. Матвеев также был ранен в правую кисть руки. На повозке, привозившей боеприпасы в батальон, старший лейтенант Коблов отправил пленного в штаб полка, наказав ездовому-украинцу, похожему на запорожского казака, сдать пленного в штаб полка.

Придя в свой окоп, я написал боевое донесение начальнику артиллерии полка капитану И. В. Смирнову, сообщив о потерях и напомнив о необходимости подбросить нам боеприпасы, так как у нас не было транспорта, чтобы подвезти их. С донесением послал старшего сержанта Ревурко. Капитан Смирнов прислал мне записку, в которой было написано: «Межину. За Ваше доблестное руководство боем Вас и Ваших людей представляем к правительенным наградам, всех, без исключения. Передайте это людям. Теперь держитесь спокойнее, помочь уже есть и огнем и людьми. Стена за Вами крепкая. Желаю успеха! Привет всем бойцам. Капитан Смирнов».

Впоследствии весь личный состав батареи получил боевые награды. Лично мне был вручен орден Боевого Красного Знамени. Были отмечены наградами Родины и наши соседи: командир первого батальона капитан Г. Амелин, за-

меститель командира батальона по политчасти старший лейтенант В. В. Коблов, замполит второго батальона капитан А. Г. Волохин, помощник командира взвода роты автоматчиков старший сержант Быков и другие.

А бой не стихал. На следующий день получили ранения старшие сержанты Саблин и Ревурко, младшие сержанты Кузнецов и Шустов, а также связист 112-го артполка Н. В. Попов. Но вскоре нас сменили свежие части. Мы получили отремонтированные минометы и несколько лошадей, а позже в боях приобрели в качестве живого трофея еще несколько немецких тяжеловозов. Пополнился и личный состав. Немного окрепших нас снова ждали бои...

Вместо попавшего в госпиталь после контузии Федора Степановича Ульянкина полк принял молодой, всегда подтянутый, грамотный в военном деле, волевой командир майор Иван Васильевич Доскин.

ВСЕ ДАЛЬШЕ ВПЕРЕД

Немецко-фашистское командование бросало все новые и новые резервы, чтобы остановить продвижение наших войск.

Описывая бои в районе Эргли, бывший командующий вторым Прибалтийским фронтом Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своей книге «Помни войну» (Донецк, 1971, с. 257) писал: «Бои в районе Эргли носили очень ожесточенный характер. Противник, казалось, собрав всю оставшуюся у него энергию, стремился враги в землю и не двигаться более с места, приостановить наше продвижение. Но это ему не удалось. Наша пехота, артиллерия, танки, авиация обрушили свой сокрушительный удар на рубеж и планомерно, шаг за шагом преодолевая сплошные дебри заграждений, штурмовали одну позицию за другой...

Бои в районе Эргли были настолько тяжелыми, что иногда наши части переходили сами к обороне, а порой вели бои в окружении».

В бою на реке Огре при артиллерийском обстреле гитлеровцами переднего края был тяжело ранен командир первого батальона Григорий Амелин, прикрывший рукой голову своего боевого помощника — заместителя командира батальона по политчасти Василия Коблова. Спас товарища, но больше в полк не вернулся.

Весь сентябрь мы с тяжелыми боями продвигались к Риге. Наступая с рубежа Авенса — Августуте, полки ди-

визии приняли участие в операции по освобождению столицы Латвии Риги.

Противник укрепился на высотах, соорудив пулеметные ячейки с накатом, расположенные в шахматном порядке, заминировав и опоясав колючей проволокой подходы к ним. У врага было много артиллерии, минометов, хорошо организованная система огня.

В первом эшелоне наступали 144-й и 235-й стрелковые полки. Наша минометная батарея 88-го стрелкового полка поддерживала и сопровождала огнем 235-й стрелковый полк. На одной огневой позиции были объединены две 120-миллиметровые минометные батареи по 6 минометов.

Вести пристрелку целей и управлять огнем этих двух батарей командующий артиллерией дивизии полковник Сергеев поручил мне. Старшим на огневых позициях был назначен командир батареи 235-го стрелкового полка старший лейтенант Степанов. Ему помогали старший лейтенант Н. В. Африканский и старший лейтенант А. Д. Стешенко. Огневые задачи поставил начальник артиллерии 235-го стрелкового полка майор Бундин.

Мой наблюдательный пункт располагался в боевых порядках на стыке двух батальонов на песчаной высотке. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. На переднем крае было настоящее пекло: земля содрогалась от разрывов снарядов и мин, треск пулеметов слился в единый, разросшийся по всему переднему краю клокочущий рев, траншеи то и дело обваливались. Гарь порохового дыма резала глаза, затрудняла дыхание. Каким мужеством надо было обладать, чтобы в таких адских условиях корректировать огонь, вести наступательный бой. Без конца прерывалась связь, устраивая порывы, навстречу друг другу под огнем бегали связисты и огневики С. Ш. Гизатулин, И. Ф. Россосанский, И. Н. Шереметьев, И. Ф. Россосанский в этом бою выполнял обязанности заряжающего, устранил десятки порывов связи под огнем противника, доставил с наблюдательного пункта тяжело раненного товарища в санроту полка, за что отважный воин потом был награжден медалью «За отвагу».

Но несмотря ни на что, 144-й и 235-й стрелковые полки ворвались в первую линию траншей противника. Завязался ожесточенный траншейный бой. Позиции по несколько раз переходили из рук в руки. Тогда в бой был введен наш 88-й стрелковый полк. После жестоких схваток наша 28-я Невельская Краснознаменная стрелковая дивизия 16 сентября форсировала реку Огре и, развивая наступление, вышла на реку Нице. Сломив сопротивление врага, форси-

ровала и эту водную преграду. Началось преследование противника.

В начале октября дивизия форсированным маршем вышла юго-западнее города Митавы (сейчас Елгава) и сосредоточилась у города Бэне, а затем участвовала в развитии прорыва северо-восточнее города Добеле. Немецкое командование, скрыто сосредоточив на этом участке до трех дивизий, 17 октября 1944 года бросило пехоту в контр-атаку против 144-го стрелкового полка. Наша минометная батарея совместно с батареей 144-го полка отражала яростные атаки врага. Затем в бой были введены наш 88-й и 235-й стрелковые полки. Враг обрушил на нас массированный артиллерийско-минометный огонь.

Невельцы были непоколебимы. Они подпускали гитлеровцев на близкое расстояние и расстреливали в упор. Наши воины мужественно отразили все контратаки фашистов. За мужество и отвагу в этом бою были награждены орденами и медалями многие воины. Среди них ветераны полка командир отделения управления батареи С. Ш. Гизатулин, командир отделения роты связи полка И. П. Конюхов награждены орденами Славы III степени, заместитель командаира первого батальона по политчасти В. В. Коблов и старший офицер минбатареи Н. В. Африканский — орденами Отечественной войны II степени, наводчик минометной батареи П. И. Кузнецова, связист И. Н. Шереметьев — орденами Красной Звезды.

14 ноября 1944 года командир полка И. В. Доскин получил из штаба дивизии разнарядку — отправить лучшего воина во 2-е Горьковское танковое (ныне Благовещенское Краснознаменное им. маршала Советского Союза К. А. Мерецкова) училище. На полковом партактиве решался вопрос: кого направить в военное училище. Кандидатура нашлась быстро. Решили направить коммуниста, одного из лучших связистов, ветерана полка, отличившегося во многих боях, сына коми народа Ивана Петровича Конюхова.

Собравшиеся у штаба полка связисты и разведчики, с кем Ивану Петровичу часто приходилось ходить в разведку и прокладывать под огнем связь, командир полка И. В. Доскин, заместитель командира полка по политчасти В. А. Сыроежкин, командир роты связи К. И. Михайлов тепло проводили Конюхова на учебу.

Далее пошли тяжелые бои по блокированию немецко-фашистской группировки в Курляндии, прижатой к морю. Воины нашей 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии выполнили с честью и эту задачу.

В. В. КОБЛОВ, бывший помощник начальника политотдела по комсомолу 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии

ТАК РОЖДАЮТСЯ ГЕРОИ

Вступала в свои права четвертая военная зима. Прибалтийская зима мягче, здесь больше дождей со снегом и переменных ветров. Если ветер с моря, то снег с дождем, слякоть, туман, а если ветер с суши — снег и гололед. Тяжело, но мы, советские солдаты, за время войны привыкли ко всяkim переменам погоды, и она не мешала нам все решительнее и смелее бить фашистских захватчиков.

Декабрь 1944 года. Советские войска почти полностью очистили родную землю от гитлеровских захватчиков. И только в северо-западной части Советской Латвии, в районе между Тукумсом и Либавой, тридцать вражеских дивизий продолжали отбиваться с упорством обреченных. Весь Курляндский полуостров немцы покрыли густой сетью противотанковых рвов, проволочных заграждений, минными полями и долговременными огневыми точками.

Войскам 2-го Прибалтийского фронта и Балтийскому флоту Верховный Главнокомандующий поставил задачу — не допустить ухода фашистских войск, оказавшихся в «Курземской изоляции» и прижатых к морю от реки Барта до Тукумса. 22-я армия занимала жесткую оборону северо-западнее г. Добеле. В конце октября в ее состав приказом командующего 2-м Прибалтийским фронтом была включена 28-я Невельская Краснознаменная стрелковая дивизия, которая вела боевые действия на левом фланге армии. В первой половине декабря она начала подготовку к наступательной операции по расчленению и уничтожению курляндской группировки в общем направлении на Лестене.

Два полка дивизии (235-й и 144-й) должны были наступать в первом эшелоне в направлении населенных пунктов Пламши и Уши.

Готовился к наступлению и 67-й отдельный саперный батальон. Местность в районе предстоящего наступления была сильно пересеченной: высотки сменялись лощинами, лощины переходили в овраги. Справа от населенного пункта Пламши виднелась голая роща, еще месяц тому назад дополнявшая своей красотой местный пейзаж. Погода стояла пасмурная, солнце не показывалось неделями.

До этого дожди так размочили землю, что по ней было трудно передвигаться, а в начале декабря начались заморозки, завявшая трава, кустарники и деревья покрылись льдом. В этих условиях саперам предстояло изучить будущий участок боевой работы.

Командир батальона майор Трофимов, побывав на рекогносцировке местности, решил на самый трудный участок направить отделение коммуниста, старшего сержанта А. В. Пелевина. Он не раз выезжал с ним на передний край, где они вели наблюдение за противником, изучали систему противопехотных препятствий, уточняли границы минных полей на подступах к населенному пункту Пламши.

Однажды во время выхода отделения Пелевина с комбатом на передний край наблюдение за противником вели из траншей. Каждому саперу был назначен свой сектор наблюдения. Командир отделения подходил то к одному, то к другому солдату. Вот он подошел к рядовому Н. И. Дигину и спросил:

— Что установили наблюдением?

Дигин, указав на груду валунов с издолбленной вокруг землей, ответил:

— Вижу дзот противника,— и добавил:— Трудно будет пехоте выбивать фашистов из этого гнезда. По дзоту должна хорошо поработать артиллерия прямой наводки.

— Это верно,— заметил старший сержант,— но и наш брат-сапер может рвануть его так, что одна яма останется.

Наблюдением было установлено, что и в Пламши фрицы оборудовали огневые точки в домах и кирпичных сараях.

За несколько суток, отведенных командованием, саперы вдоль и поперек промерили, использовали по-пластунски овраги, осмотрели кустарники. Обнаружили, что в минных полях, кроме противотанковых мин, были установлены не просто противопехотные мины, а мины, известные под названием «шпрингминен», или «прыгающие мины». Эти мины доставляли немало неприятностей саперам. У них в верхней части всегда обнажались усики, которые как бы предупреждали: «меня не трогать!» В результате наблюдения рядовые Н. Ахматуллин и И. Я. Синкевич установили, что в ряде мест фашисты поставили мины в неизвлекаемое и в необезвреживаемое положение.

Во время изучения саперами переднего края обороны гитлеровцы периодически открывали стрельбу из автоматов, пулеметов, а то и минометов. Но это не было большой

помехой для бывалых воинов. Было ясно, что фашисты вели огонь только для того, чтобы успокоить себя.

В ночь на 23 декабря 1944 года старший сержант А. В. Пелевин получил задание от своего командира батальона майора Трофимова: в полосе наступления дивизии проделать для пехоты и танков проходы в проволочных заграждениях и минных полях.

А. В. Пелевин, получивший саперскую выучку еще в мирные годы, уже заранее, во время изучения своего участка, наметил пути подхода к позициям противника. Командир батальона подтвердил решение старшего сержанта и, провожая подчиненных на выполнение боевой задачи, посоветовал:

— Помните, ребята: декабрьские ночи, хотя и самые длинные в году, но вы не знаете, сколько мин предстоит снять, сколько колючей проволоки придется перерезать за быстро бегущие минуты этой ночи. И все это надо сделать так, чтобы ни единой мины не оставить на пути тех, кто завтра вслед за огневым валом артиллера бросится в атаку на траншеи противника. Помните и то, что работу предстоит выполнять под самым носом у фашистов, поэтому каждый должен действовать сноровисто, быстро и четко, не допуская случайной оплошности. Соблюдайте строго последовательность при разминировании...

В ответ на советы командира коммунист Пелевин ответил просто: постараемся, мол, выполнить задание с честью.

Саперы молча направились к переднему краю обороны противника, и было ясно, что совсем не зря несколько дней подряд отделение изучало передний край, примечало каждый кустик, каждую кочку. Пелевин и его боевые товарищи хорошо ориентировались в темноте и быстро продвигались вперед. Слева от командира с миноискателем полз Н. Ахматуллин, справа, подталкивая впереди себя щупы,— Н. И. Дигин и И. Я. Синкевич.

Не просто было обезвреживать мины. Многие из них оказались схвачены ледяной коркой. Дигин, сбросив рукачи, пытался остро отточенным ножом пропытывать обледеневшую землю, кусачками разрезал натяжную проволоку, а затем вывинчивал взрыватели. Под конец руки у него совсем «зашлись» от холода, но проход в минных заграждениях был все же обозначен. Вместе с рядовым Ахматуллиным они подползли к проволочным заграждениям. Дигин попытался резать проволоку, но пальцы рук плохо слушались и едвадерживали ножницы. Работа не клеилась. В это время подполз командир отделения и посоветовал Дигину

подышать на пальцы и погреть их. А сам взял ножницы, беззвучно перерезал проволочные петли возле самых кольшков, на которых крепилась «колючка», и оттащил обрезки железных нитей в сторону. Ловко, сноровисто и совершенно бесшумно работал Александр Пелевин, увлекая своим примером подчиненных.

Саперы проделали уже несколько проходов в минных полях и проволочных заграждениях. Трудное и опасное дело близилось к концу. Но в этот момент гитлеровцы заметили саперов и открыли по ним огонь из всех видов пехотного оружия.

Рядовые Н. И. Дигин, Н. Ахматуллин получили смертельные ранения. Видя гибель товарищей, старший сержант Пелевин вместе с рядовым Синкевичем, пренебрегая опасностью, продолжали незаконченную работу. Огонь противника усиливался. Автоматные очереди чередовались с разрывами гранат. Геройски пал И. Я. Синкевич. А командир отделения все продолжал свое дело до тех пор, пока окончательно не разминировал последний проход. При отходе к своим траншеям мужественный сапер был сражен фашистской пулей.

Утром полки дивизии пошли в наступление. В проходы, проделанные саперами-пелевинцами, ринулись в атаку советские пехотинцы. Они прорвали многотраншейную оборону противника и овладели населенными пунктами Пламши, Уши, Расас, Пампари.

За успешное выполнение боевого задания рядовые Н. И. Дигин, Н. Ахматуллин, И. Я. Синкевич командованием 67-го отдельного саперного батальона были представлены к ордену Отечественной войны I степени, а их командир — к высшей воинской награде Родины. В вывodaх наградного листа Александра Васильевича Пелевина командир 67-го отдельного саперного батальона майор Трофимов писал: «За беспримерный героический подвиг и самопожертвование ради выполнения приказа во имя Родины ходатайствую о присвоении посмертно звания Героя Советского Союза».

Родина высоко оценила мужество и отвагу коммуниста, старшего сержанта Пелевина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. По этому случаю во всех частях и отдельных подразделениях дивизии были проведены митинги и беседы.

Похоронен А. В. Пелевин на воинском кладбище города Добеле Латвийской ССР. На его могиле благодарными

дobelчанами установлен обелиск, возле которого никогда не вянут живые цветы.

Свято чтут память Героя трудящиеся города Добеле, его земляки из села Кубенское Вологодской области и боевые друзья-однополчане.

Н. Д. БОРЩЕВСКИЙ, бывший командир роты

ПЯДЬ ЗА ПЯДЬЮ

1

В начале января 1945 года, после выписки из госпиталя, я был направлен в распоряжение 28-й стрелковой дивизии, а штабом дивизии — в 88-й стрелковый полк, с которым впоследствии пришлось делить все радости и горести фронтового бытия. Полком в то время командовал майор Доскин, начальником штаба был майор Резчиков.

Бои становились все более ожесточенными, яростными. Фашисты не хотели признать себя побежденными, поэтому огрызались с отчаянием обреченных, цеплялись за каждую пядь земли. И в этом пришлось лишний раз убедиться сразу же по прибытии в полк, который сражался тогда в составе 2-го Прибалтийского фронта.

Еще по пути на командный пункт полка, куда добирались втроем вместе с двумя лейтенантами, также прибывшими из резерва, мы почувствовали напряженную боевую обстановку: где-то впереди шла беспрерывная стрельба, рвались снаряды. Сам командный пункт располагался метрах в 800 от передовой, на опушке леса.

Когда вошли в штабную землянку, командир полка говорил по телефону. Выглядел он усталым, был возбужден, и в голосе его звучали металлические нотки. Окончив разговор, он внимательно выслушал мой доклад, как старшего по званию, потом поинтересовался военной биографией: где и как воевали, как попали в госпиталь, а сам все время смотрит на нас так, вроде бы прикидывает в уме: а куда же вас лучше всего направить. Потом, видимо, решив куда, он кратко, но выразительно обрисовал обстановку.

— Как видите, обстановка сложная. Скрывать от вас ничего не буду. Полк ведет наступательные бои, а наступать пока не с кем, осталось не более 70—80 человек, собранных в один батальон. Офицеров нет, командуют рядовые и сержанты. Примите людей, разбейте по взводам и переходите к обороне в районе хуторов Циекури — Ламеники. Противника сковать, стоять насмерть. Это — приказ, и вы должны его выполнить. Пополнения не ждите, людей больше нет. Идите, до встречи в бою. И помните еще — наш полк имеет добрую славу, ее надо не только сохранить, но и умножить. Теперь это зависит от вас, от вашего умения воевать.

...Роту я принял в бою. Днем противник нанес мощный огневой удар по переднему краю обороны дивизии и силу до пехотного полка, в сопровождении танков, перешел в наступление на позиции 235-го и 144-го стрелковых полков. Немцам удалось потеснить подразделения 144-го стрелкового полка, овладеть хутором Паудибеляс и выйти на восточную окраину леса западнее Дибеляс.

Командир дивизии вводит в бой 88-й стрелковый полк северо-западнее Дибеляс. Накал сражения нарастает. Противник, наращивая силы, стремится выйти на оперативный простор. Чтобы сорвать его планы, полковая артиллерия выводится в боевые порядки пехоты и бьет только по целям. Командиры огневых взводов ПТО сержант Михаил Двоеглазов и старший лейтенант Никитин смело вступают в бой с танками противника, которые в основном идут клином на подразделения 235-го стрелкового полка, пытаясь смять их. Расположение нашей противотанковой артиллерии они не заметили и в результате подставили под огонь борта своих танков. Этим не замедлили воспользоваться наши артиллеристы. Подпустив танки на расстояние 120—150 метров, они ударили по ним. Три танка сразу же закрутились на месте и почти одновременно окутались густым, черным дымом.

На танкоопасном направлении находился артиллерийский дивизион майора Стопы и, когда танковая атака противника замешкалась, артиллеристы открыли по машинам ураганный огонь. Загорелись еще шесть танков, оставшиеся отошли обратно за скаты холма.

В то же время пехота противника была накрыта огневым налетом минометных рот старших лейтенантов В. В. Кальсина и И. Ф. Прозорова. Огонь корректировали из боевых порядков пехоты лейтенант А. П. Жданов и лейтенант Блинов. Окончательным разгромом пехоты против-

ника послужил огневой удар полковой минометной батареи 120-миллиметровых минометов капитана И. А. Межина, огонь которых корректировал лейтенант П. К. Блескин.

Атаки противника были отражены. 144-й полк восстановил свое прежнее положение. Начало темнеть, на поле боя наступила тишина, догорали подбитые танки противника.

От всей души мы благодарили наших артиллеристов, минометчиков и связистов. Я крепко, по-дружески обнял лейтенанта П. К. Блескина. Неожиданно для нас в траншею соскочил старший лейтенант Н. В. Африканский, старший офицер батареи 120-миллиметровых минометов, и крикнул:

— Жива, пехота! Как межинцы сработали? — Потом спокойнее добавил: — Прислал командир батареи капитан Межин уточнить обстановку на месте.

Было очень приятно внимание товарищем по оружию. В новой части, первый бой, а нас, «новичков», приняли как старых знакомых, уже прошедших совместно трудные дороги войны. Возбуждение после боя еще не углеглось, и люди оживленно обсуждали отдельные эпизоды мужества, находчивости. Разговор перебил подошедший лейтенант. Обращаясь ко мне, как уже к ранее знакомому, сказал:

— Заместитель командира полка по политчасти майор Василий Александрович Сыроежкин направил к вам для знакомства — комсорг полка лейтенант Иван Захарович Опенько.

После энергичного рукопожатия, как бы извиняясь, спросил:

— О чём разговор?

Узнав, что минометчики рассказывали о своем начальнике артиллерии, о его находчивости и смелости, подтвердил сказанное и, в свою очередь, рассказал об одном случае, который взволновал всех до глубины души.

— В начале 1944 года, — говорил лейтенант И. З. Опенько, — 235-й стрелковый полк (командир полка подполковник Н. А. Шабронов, заместитель по политчасти майор А. Ф. Ракин) стоял в обороне, прикрывая дорогу от Турки-Перевоз до озера Язно. Противник неоднократно пытался наступать, стремясь восстановить ранее утраченные позиции. Но все безрезультатно. Каждый раз на их пути не преодолимой преградой стояли наши бойцы.

На одном из участков оборону держали семнадцать мужественных воинов. Возглавлял их комсорг полка старшина Дмитрий Федорович Байгородин. В решающие минуты боя он сам брался за пулемет и короткими прицельными

С. С. Есев. 1945 г.

Д. П. Казаринов

Командование и управление 56-го отдельного истребительно-противо-танкового дивизиона 28-й стрелковой дивизии. 1944 г.

Личный состав 134-го отдельного медицинско-санитарного батальона. 1944 г.

Г. Н. Дуркин. 1945 г.

С. Ш. Гизатулин. 1944 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 17340596 *

Лобанов

Фамилия

Семен Ильич

Имя и отчество

1921

Год рождения

Время вступления в ВЛКСМ апреля 1943

Наименование организации,

выдавшей билет. Бюллетень

с 28 с.д.

Лобанов

Бюллетень

12 апреля 1943 года

Уплата членских взносов за 1943 г.

Месяц	Месч- ный за- работок	Членск. взносы	Подпись секретаря
Январь	-	-	-
Февраль	-	-	-
Март	-	-	-
Апрель	75	20 к. <u>Лобанов</u>	-
Май	75	20 к. <u>Лобанов</u>	-
Июнь	75	20 к. <u>Лобанов</u>	-
Июль	75 ⁰⁰	0 ¹⁰ <u>Лобанов</u>	-
Август	75 ⁰⁰	0 ³⁰ <u>Лобанов</u>	-
Сентябрь	75 ⁰⁰	0 ³⁰ <u>Лобанов</u>	-
Октябрь	10 ⁰⁰	0 ¹⁰ <u>Лобанов</u>	-
Ноябрь	10 ⁰⁰	0 ¹⁰ <u>Лобанов</u>	-
Декабрь	20	0 ¹⁰ <u>Лобанов</u>	-

Комсомольский билет

С. И. Лобанова.

С. И. Лобанов. 1947 г.

М. П. Безносикова (Шехонина)

Фронтовые письма Н. В. Попова. 1944 г.

В. М. Рыкунич

Н. В. Попов. 1943 г.

Иевлев
Федор Дмитриевич

Приказом Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза товарища Сталина
от 2. Мая 1945 г. № 159
за Взятие г. Берлина
всему личному составу нашего соединения, в
том числе и Вам, принимавшему участие в
боях, ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

КОМАНДИР ЧАСТИ

Довлатов
[подпись]

Мы в битвах решаем судьбу поколений.
Мы к славе отчизны свою поведем!

Благодарность, врученная коман-
диром части Ф. Д. Иевлеву.
1945 г.

В. П. Ветошкин. 1944 г.

К. И. Кудрявцев

Г. А. Сыроежкина (Соколова)

А. А. Балуев

Комсостав дивизии. В нижнем ряду — Вершута и А. Д. Рубцов, в верхнем — в центре — М. Х. Шапиро. 1943 г.

Т. А. Коблова (Коваль). 1942 г.

И. М. Побережец. 1944 г.

Впереди — рота Андросова

НЕ ДАВАТЬ ВРАГУ ЗАКРЕПЛЯТЬСЯ НА ПРОМЕЖУТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

Позывчера Н-ская стрелковая часть перешла в наступление. За два дня боев наши подразделения продвинулись вперед на несколько километров, заняли более 10 населенных пунктов, истребили до 300 гитлеровцев и взяли много пленных.

Подразделение офицера Дорашкевича перерезало южную дорогу и овладело несколькими населенными пунктами. В ходе боя истреблено много гитлеровцев и захвачено в плен 30 солдат и 10 немецких офицеров. Особенно отличились воины капитана Симоненко и стрелки взвода офицера Витязева. Они первыми ворвались во вражескую

траншею и в ближнем бою уничтожили до 50 фашистов.

С израгающими ударами теснит и уничтожает врага пехотинцы подразделения офицера Доскина. Впереди — рота коммуниста лейтенанта Андросова. Она умело взаимодействует с придаными огневыми средствами и не дает врагу закрепляться на промежуточных рубежах.

Герои наступления — командир звода разведки коммунист сержант Суханов и кандидат партии пулеметчик красноармеец Моисеенко. Первый, убил 6 немцев и 5 взял в плен. Второй умело поддерживал огнем продвижение роты.

(Наш корр.)

Материал из дивизионной газеты «Вперед!» 1945 г.

П. Ф. Борисенко. 1947 г.

А. Л. Кокоша

И. Н. Шереметьев. 1945 г.

И. Ф. Прозоров

Памятный фронтовой снимок.
Слева направо: майор В. А. Сыроежкин, майор Сапа, капитан
П. Х. Бацунов. 1944 г.

А. В. Пелевин. Погиб в 1944 г.
Звание Героя Советского Союза
присвоено посмертно

Г. И. Попов. 1935 г. Погиб
в 1942 г.

Н. И. Богданов. 1943 г.

В. В. Коблов. 1945 г.

БОЕВЫЕ ДЕЛА НАШИХ ГЕРОЕВ

* Пулеметчики Кинзин, Попович, стрелок Мардерин, разведчик Данченко и связист Киселев показали, как нужно доигрывать немцев.

УМЕНИЕ

Старший сержант Киселев показал боевые приемы в группе разведчиков в первом боевом действии Победы. Он отдал честь матери и начал часть гимна «Макарова», согретый его всегда в образцовой манере.

Итоги приказ № 5
Гвардии Степана Кекина еще упорнее издавали военным мастерством, настой-

чиво изучая тактику, чтобы познания вошли в практику боев.

Вступающим, Мардерином, Кинзиным работал безотказно, что скопы были точны. Только в одном бою роты были вымушлены во фланг немцев, Киселев расстрелял более 10 гитлеровцев.

Геройски сражался и пулеметчик Попович. Он также убил четырех более десантников и сбившего,

тотчас противника. Активно вступающим был и старший сержант Мардерин. Он первым показал в атаку, на той же земле макаровской бойцов, в западноукраинские траншеи, в упор из винтовок застрелив греческого.

Мадор, Синекоп, Геройски сражалась и пулеметчица Попович. Он также убил четырех более десантников и сбившего,

Н. С. Резчиков. 1952 г.

Подвиг сержанта Данченко

Благородный подвиг совершил сержант Данченко. Погнувшись к командиря приказал развернуть состоящие юбки из-под гимна противником и по пути отступавших ударам нашего подразделения, сражаясь с группой бойцов отправился в морту.

Незамеченный прибрежных разведчиков в тылу армии, остановил, уточнила расположение остальных точек немцев.

На обратном пути разведчика-

ки столкнулись с группой гитлеровцев. Захватились солдатами. Не повесив плети, наши разведчицы уложили всех фашистов. Сержант Данченко убил двоих, солдат и офицера.

Показавшие утомленными длинные усталые разведенчими, комендант подразделения, не для противнику времени принять меры, заставил его, взятый в плен, в тутов, расположенный за мортом.

Мадор, Синекоп,

Газета «Вперед!» о воинах — героях дня

Г. Л. Галкин. 1944 г.

Н. Д. Борщевский. 1958 г.

Разведчик Максимов. 1944 г.

С. А. Суханов

И. З. Опенько. 1944 г.

Разведчик Болдырев. 1945 г.

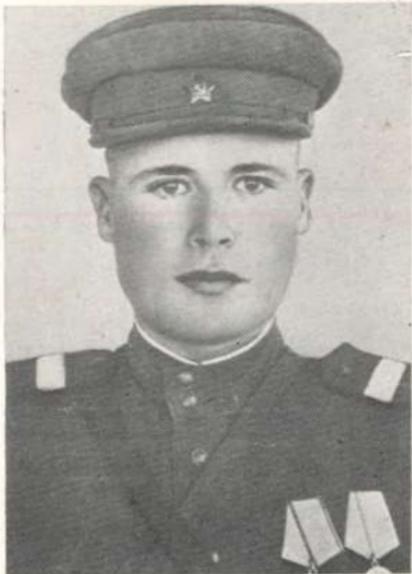
Разведчик М. Н. Столяров.
1945 г.

Командование 144-го стрелкового полка с первой группой демобилизованных воинов. 1945 г.

Воины комендантского взвода, санроты и роты связи 88-го стрелкового полка. В центре — командир полка И. В. Доскин. 1945 г.

А. Н. Кичигин. 1944 г.

Г. М. Пыжиков. 1944 г.

В. С. Богданов. 1944 г.

В. Г. Костюхин

Участники гражданской войны в Коми крае и ветераны 28-й Невельской дивизии слева направо Д. А. Потапов и Н. В. Серебренников за круглым столом часто вспоминают тяжелые военные годы.

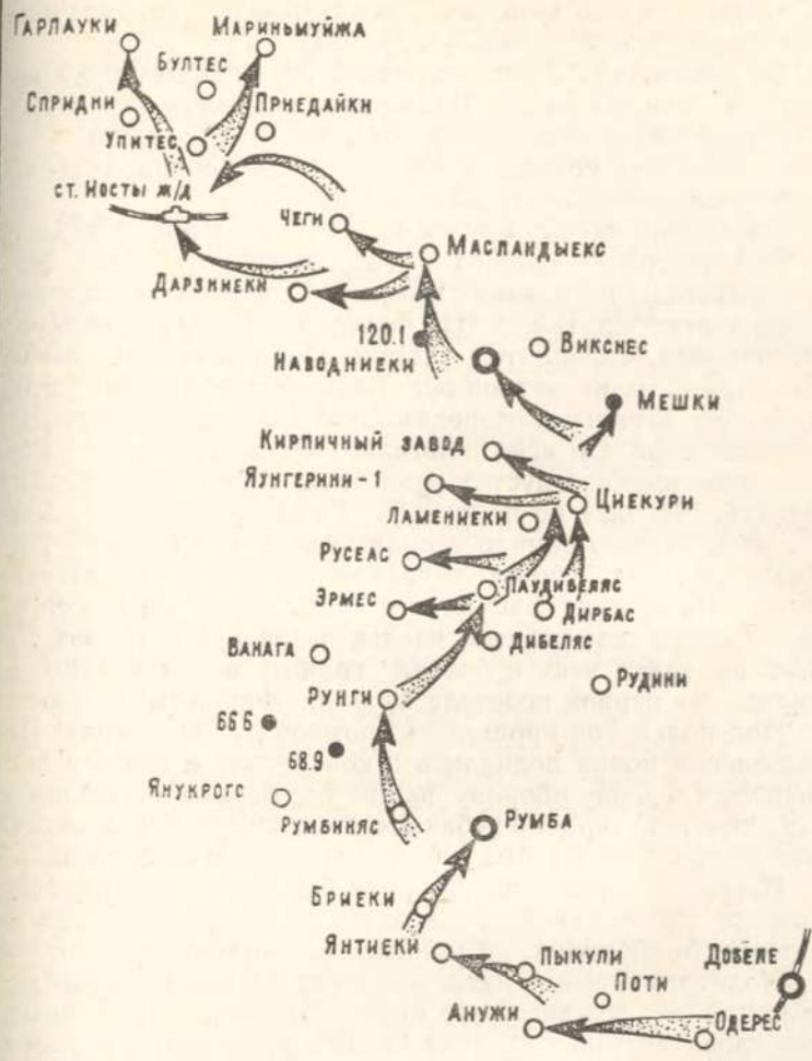
Ветераны дивизии на праздновании 30-летия Победы

А. П. Жданов

И. Г. Васильченко

Примерная схема боевого пути 88-го стрелкового полка 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии в Курляндии (декабрь 1944 г.—апрель 1945 г.)

очередями разил фашистскую нечисть. Во время затаиць оказывал помошь раненым, воодушевлял автоматчиков, переползая от одного окопа к другому.

Во время отражения очередной атаки противника комсогр был тяжело ранен. Вражеским снарядом ему оторвало ступни обеих ног. Байгородин потерял сознание. Санитар оказал ему помошь и уложил на дно окопа, эвакуировать в тыл возможности пока не имелось.

Противник вновь ринулся на наши позиции. Старшина Д. Ф. Байгородин пришел в себя, превозмогая боль, встал на израненные ноги, взял автомат, облокотился на бруствер окопа и стал ждать подхода фашистов. Немцы шли в рост, рассчитывая, что на этом участке обороны живых уже нет. Подпустив их на метров 50, Байгородин открыл по ним огонь, бил длинными очередями, как бы спеша нанести наибольший урон. Он ясно понимал, что жить ему осталось считанное время. Опустел один диск, сменил на другой, но стрелять больше не пришлось. Рядом разорвалась мина, вторично тяжело ранило в правую руку и в голову. Силы покидали героя. Кровью заливала глаза, но он отчетливо видел наглые лица фашистов и знал, что им он нужен живым. Собрав остатки сил, извлек левой рукой гранату, зубами выдернул чеку и бросил гранату в самую гущу фашистов. За первой полетела вторая. Фашисты не прошли.

Над полем боя пронеслось громкое русское «ура»! Подразделения полка поднялись в контратаку и выбили вклинившихся в нашу оборону фашистов. Бережно подняли израненное тело героя, в зубах его была ската металлическая чека от гранаты. Он был в бессознательном состоянии.

Несколько дней и ночей врачи боролись за жизнь героя. Комсогр 235-го стрелкового полка старшина Дмитрий Федорович Байгородин, не приходя в сознание, умер от ран.

Политотдел армии издал листовку о боевом подвиге комсомольского вожака и его боевых друзьях. Заключительные слова листовки звучали боевым призывом к новым героическим свершениям:

«Воин! Так надо бить подлых гитлеровцев, как был их славный сын великой партии Ленина комсогр Байгородин!»

Мне надолго запомнился рассказ лейтенанта Опенько. Позже я узнал, что имя героя высечено на придорожном обелиске, установленном в начале 1944 года неподалеку от населенного пункта Турки-Перевоз. Если кому из читателей моих воспоминаний придется побывать в этих местах, навестите могилу Д. Ф. Байгородина и возложите на нее цветы, он это заслужил.

Под утро 6 января в полк прибыло пополнение, сформировали 2-ю роту, 1-й стрелковый батальон стал двухротного состава.

В 16.00 противник силою пехотного батальона при поддержке 12 танков и 3 самоходных орудий в сопровождении массированного артиллерийского огня перешел в наступление из хутора Паудибеляс и в полукилометре юго-западнее Дибеляс. Авиация противника нанесла бомбовый удар по хутору Дирабас и шоссейной дороге.

88-й полк отразил четыре атаки противника и отбросил его на исходные позиции. Пленные показали, что наступал на нашем участке усиленный фузилерный батальон 19-й горной пехотной дивизии.

За три дня боев подразделениями полка было уничтожено свыше 250 солдат и офицеров противника.

В боях отличились: командир взвода ПТО сержант Михаил Двоеглазов — подбил два танка противника. Артиллеристы старшего лейтенанта Пономарчука сожгли самоходное артиллерийское орудие и разогнали группу фашистов численностью до роты пехоты, пытавшихся внезапно нанести удар в стык обороны между 1-й и 2-й стрелковых рот.

88-й стрелковый полк перешел к обороне на рубеже: хутора Дибеляс — Дирабас — лес северо-восточнее Дирабас. Противник продолжал свирепствовать, наносил мощные огневые удары по нашим боевым порядкам. Мелкими группами пытался просочиться к нам в тыл. Однако успеха не имел и вынужден был отказаться от своих намерений.

За сутки непрерывного артиллерийского обстрела по переднему краю нашей обороны противник выпустил около 3000 снарядов и мин. Во время одного из артналетов в результате одновременных прямых попаданий тяжелых снарядов в блиндаж был разбит и завален командный пункт командира батальона, связь прервалась. Длительное время никто не знал, что с ними произошло. Высланные на связь не возвращались. Тогда командир полка направил парторга полка капитана С. С. Синекопа и комсорга полка лейтенанта И. З. Опенько уточнить обстановку на месте. С большими трудностями под разрывами вражеских снарядов им удалось добраться до КП батальона. Командный пункт был разбит и завален накатом и землей. Прорыли проход в блиндаж и когда влезли в него, то увидели, что все находившиеся в нем были мертвыми, задохнулись от

недостатка воздуха. Погибшие находились на своих местах, как живые, кто нагнувшись над картой, кто сидя, телефонистка держала трубку в руках, радио работала на прием. Лейтенант И. З. Опенько по радио открытым текстом доложил о случившемся командиру полка и по его приказу принял командование батальоном на себя. Погибли наши боевые товарищи: командир первого батальона полка майор Георгий Макарович Пыжиков, командир управления лейтенант Павел Кириллович Блескин, связистка сержант Ирина Михайловна Побережец и с ними управление командира батальона в количестве девяти человек.

Погибших похоронили в братской могиле с воинскими почестями в центре города Добеле.

* * *

Поздней ночью в расположение нашей роты прибыли полковые разведчики. Согласовав вопросы поддержки, направились в сторону противника и растворились в темноте. Мы привели свои огневые средства в готовность и ждали их действий и возвращения.

При подходе к переднему краю обороны противника разведчики были обнаружены, обстреляны и вынуждены были отойти. Возвращаясь через наши боевые порядки, разведчики вели себя возбужденно. Кто-то кого-то винил, кто-то кому-то что-то доказывал. На мой вопрос: «Что произошло?» ответили невнятно и раздраженно, переспрашивать их я не стал, и так ясно было — задание не выполнили.

Противник вел ружейно-пулеметный огонь, освещая передний край своей обороны сериями осветительных ракет. Вскоре огонь прекратился, наступила настораживающая тишина.

Под утро с нейтральной зоны послышался стон раненого. Он просил оказать помощь и вынести к своим. Просьба излагалась на чистом русском языке с применением фронтовых эпитетов бывалых солдат. Все это было настолько естественным, что создалось впечатление какой-то роковой ошибки, допущенной разведчиками. Сразу же нашлись добровольцы оказать помощь пострадавшему.

Я отдал распоряжение — никаких мер без меня не принимать, а сам пошел к телефону доложить оперативному дежурному о случившемся. Доклад мой задержался, оперативный дежурный отдыхал. Пока он уточнял обстановку у разведчиков, а те, в свою очередь, провели проверку лич-

ногого состава, прошло некоторое время. При проверке разведчики оказались все на месте. Стало ясно — провокация с целью взять нашего «языка».

Только я вышел из блиндажа, как на нейтральной зоне поднялась стрельба. Во время моего отсутствия нервы командира второго взвода не выдержали, и он, взяв всю ответственность на себя, по настоятельным просьбам добровольцев разрешил санинструктору, санитару и командиру первого отделения своего взвода выдвинуться к «пострадавшему».

После короткой стрельбы и разрывов гранат наступила тишина, передний край обороны противника и наш молчали. Приказываю старшине К. Э. Лапину взять с собой солдат по своему усмотрению и, предпринимая все меры осторожности, уточнить на месте, что там произошло. Все заняли свои места в боевых расчетах. Нервы были напряжены до предела. Провинившийся командир взвода понимал допущенную оплошность, чувствовал свою вину и ожидал моего решения. Но в это время было не до него, я ожидал еще худшего исхода — добровольцы сами могли попасть в плен. Противнику так же, как и нам, крайне нужен «язык». В данный момент приходилось только ждать и томиться в неизвестности. Время тянулось медленно, минуты казались долгими часами. Спокойствие и тишина на нейтральной зоне еще больше угнетали нас, все ждали какого-то взрыва.

Но вот послышались шорох и вздохи облегчения. Прямо перед нами появились знакомые силуэты. Мгновенно группа солдат выскочила за бруствер и устремилась на помощь. Несли убитого санинструктора, оглушенного санитара и волокли фашистского провокатора, переодетого в нашу форму.

Что же произошло? С разрешения командира взвода командир отделения, санинструктор и санитар, взяв с собою волокушу (люлька для выноса раненых), направились к «пострадавшему». Во время прохода через наше минное поле командир отделения задержался, чтобы обозначить проход для обратного пути, а санинструктор и санитар пошли на зов стонавшего. Подойдя к «раненому», санинструктор наклонился и спросил:

— Ты кто — разведчик? Во что ранен?

«Раненый» тихо простонал, и только санинструктор наклонился к нему поближе, как он схватил его за шею и опрокинул под себя. Санитар бросился на помощь, но был оглушен ударом сзади по голове. В этот момент появился командир отделения и, увидев, что попали в ловушку, а со

стороны противника подходят еще фашисты, дал по ним длинную очередь из автомата. Те, не ожидая такой встречи, панически побежали обратно. Командир отделения дал по ним еще одну очередь из автомата, вдогонку бросил две гранаты и кинулся на помочь своим.

Санитар лежал неподвижно, санинструктор еще боролся с фашистом. Оказывается, когда фашист опрокинул санинструктора под себя, тот зубами вцепился ему в горло и сделал несколько глубоких укусов. Фашист же воткнул санинструктору нож в живот и расположил его до грудной клетки.

Подоспевшие старшина К. Э. Лапин и группа солдат вынесли убитого санинструктора, оглушенного санитара и выволокли провокатора. Фашист еще подавал признаки жизни, хрюпал, но разговаривать не мог. Пока я докладывал оперативному дежурному, фашист умер. Санитар немного отошел, но сказать что-то внятное не мог. Позже говорил:

— Побывал на том свете, старшина Лапин спас.

Документов у умершего фашиста не оказалось. Во внутреннем кармане гимнастерки были обнаружены лишь семейная фотография и талисман.

* * *

Полк стоял в обороне на участке вероятного наступления основных сил противника. Всех настораживало усиленное перемещение войск, прослушивался шум и рев многочисленных моторов танков и тягачей в ближайшем тылу противника.

К вечеру старшина К. Э. Лапин ушел в тыл за боеприпасами, продовольствием, отправить письма, подать сведения на выбывших из строя и, по возможности, выпросить пополнение. Рота, хотя и считалась трехзвенной, однако укомплектованность личным составом была далека от штатного расписания. В таком же положении находилась и 2-я стрелковая рота батальона. Ночь прошла спокойно, все хорошо отдохнули, возвратился старшина. Раздали поступившие письма, свежие газеты, приготовились к завтраку. Большинство писем читалось вслух, они часто передавались из рук в руки. Особую боль причиняли всем письма тем, кто не дождался их — погиб в бою. Такие письма бережно откладывались в сторону, каждый в этом чувствовал какую-то свою вину.

Однако наш покой продолжался недолго. Не успели по-

завтракать, как противник силою до батальона пехоты при поддержке орудий прямой наводки и огнем «фердинандов» атаковал подразделения, обороняющие Дибеляс. Этую атаку отбили, за ней последовала вторая, третья...

Основной удар противник наносил по левому флангу нашего полка и встык с 235-м полком. Фашистам удалось еще раз потеснить наши подразделения и выйти к командному пункту командира артиллерийского дивизиона майора Стопы. КП размещался в бетонном подвале разрушенного кирпичного здания. Положение создалось критическое, и тогда майор Стопа вызвал огонь своего артиллерийского дивизиона на себя.

Мы всегда по достоинству ценили наших славных артиллеристов, их уменье сопровождать пехоту огнем и колесами. Однако силу огневого удара артдивизиона на себе испытывали впервые.

Мощным огнем противник был разгромлен, стал отходить, оставляя на поле боя не только убитых, но и тяжело раненных. 88-й и 235-й полки поднялись в контратаку и на плечах отходящего противника восстановили прежнее положение.

В ночь с 16 на 17 января 1945 года 88-й полк сдал свой участок обороны подразделениям 25-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии и отошел во второй эшелон дивизии на отдых.

* * *

Личный состав роты отдыхал третий день. Привели себя в порядок, произвели замену обмундирования. Прибыл посыльный и передал распоряжение начальника штаба полка майора Н. С. Резчикова: выделить людей для получения посылок.

Во время войны широким потоком шли на фронт посылки, письма неизвестным солдатам, праздничные поздравления. И каждый раз получение их превращалось в волнующее событие. Письма, адресованные самому смелому солдату или незнакомому солдату, в первую очередь вручались тем, кто в годы войны потерял связь со своими семьями. В результате завязывались переписки, и солдаты уже не чувствовали себя одинокими. И как приятно было на фронте в короткую минуту затишья между боями прочитать душевые строки и хотя бы мысленно побывать в родном kraю, поговорить с родными и близкими.

Письма на фронт шли без марок и конвертов, сворачи-

вались в треугольник и не заклеивались. Письма к солдату и от солдата были для всех священны, для всех они были дороги и близки.

Повеселели лица бывалых бойцов, все рассматривали и примеряли подарки. С особым удовольствием курили домашний самосад из расшитых женскими руками кисетов.

В роту прибыл командир полка майор И. В. Доскин, заместитель командира полка по политчасти майор В. А. Сыроежкин и комсомольский вожак лейтенант И. З. Опенько. Вскоре прибыли артисты и дивизионный духовой оркестр. После короткого эстрадного концерта по просьбе майора И. В. Доскина оркестр исполнил вальс «Амурские волны». Закружились в вихре вальса наши боевые подруги из медико-санитарной роты, полковой роты связи и спецподразделений полка. Это было что-то неповторимое. Все забыли о войне, танцевали в валенках прямо на снегу, обходя подтаявшие сугробы, пни и кочки.

* * *

20 января 1945 года 1-й стрелковый батальон получил пополнение в количестве 61 человека. Пополнение равномерно было распределено по 1-й и 2-й стрелковым ротам. Через день еще прибыло пополнение в количестве 109 человек для формирования 2-го стрелкового батальона. Командиром батальона был назначен капитан Чигаев, адъютантом — старший лейтенант Горшечников. Однако офицеров все равно не хватало. На должности командиров взводов были назначены сержанты и старшины, получившие достаточный опыт в боях. Следует заметить, что командование полка уделяло большое внимание сержантскому составу, выдвинутому на замещение офицерских должностей. Оно видело в них будущих офицеров Вооруженных Сил мирного времени, прошедших первоначальное обучение на полях сражений с фашизмом в Великой Отечественной войне.

Имена некоторых из них сохранились в моей памяти. Старшина К. Э. Лапин в трудную минуту боя заменил выбывшего из строя командира 1-й роты. Старшина Пузырев зарекомендовал себя как смелый и дерзкий командир взвода полковых разведчиков, его достойно заменил старший сержант С. А. Суханов. А кто из ветеранов 88-го полка не помнит имя мастера по истреблению фашистских танков, командира противотанковых орудий старшего сержанта Михаила Двоеглазова, комсорга 1-го стрелкового батальона старшего сержанта Ивана Редина, парторга батальона

старшину Александра Щербакова и многих, многих других?! Все они в свое время занимали офицерские должности, пользовались заслуженным деловым авторитетом среди личного состава подразделений и командования полка.

...1-я стрелковая рота заняла оборону на рубеже: Яунгерини 1-е — Кирпичный завод. В роту прибыли первый помощник начальника штаба полка капитан Григорий Яковлевич Мирошников и комсорг полка лейтенант Иван Захарович Опенько. После короткого личного знакомства капитан Г. Я. Мирошников поздравил меня с представлением к присвоению внеочередного воинского звания «капитан» и попросил показать наши оборонительные сооружения. Ознакомившись с готовностью роты к оборонительным боям, проверяющие возвратились в блиндаж.

За время нашего отсутствия девушка-телефонистка вскипятила чай и по-хозяйски накрыла стол.

Завязался непринужденный разговор, много было сказано хороших слов в адрес личного состава роты, вспомнили боевых друзей, товарищей довоенных лет, школьные годы.

Покидая наше расположение, капитан Мирошников вдруг остановился и, повернувшись ко мне, спросил:

— Если из резерва не прибудет командир роты, кому из командиров взводов сможешь сдать роту? Яунгерини будет брать другой.

Я не ожидал такого резкого поворота в разговоре и в недоумении остановился. Все было хорошо, и вдруг — сдать роту. В разговор вмешался лейтенант Опенько.

— Если не ошибаюсь, ты член ВЛКСМ с 1938 года? — спросил он. — Не пора ли готовиться к вступлению в партию? Подумай! К этому разговору еще вернемся.

Пожелав нам всего хорошего, проверяющие ушли. Ко мне подошли командиры взводов и партгруппы старшина К. Э. Лапин. Стало расспрашивать о результатах проверки и о том, что мне говорили проверяющие. Я ответил, что вроде остались нами довольны. Насчет сдачи роты умолчал, так как и сам не знал, к чему это было сказано. Насчет вступления в партию рассказал. Однако высказал сомнение, смогу ли в ближайшее время оформить документы, воюем вместе всего месяц, и поэтому вряд ли кто сможет дать мне рекомендации. Партизанская группировка внесла ясность:

— Возьмем Яунгерини 1-е, — сказал он, — вот вам и рекомендация. ЦК ВКП(б) разрешил принимать в ряды партии отличившихся в боях с сокращенным стажем совмест-

ной службы в действующей армии и с сокращенным кандидатским стажем.

Пока мы беседовали с проверяющими, комсомольцы выпустили боевой листок. Пофамильно указали отличившихся в предыдущих боях, перечислили тех, кто в боях пал смертью храбрых, а также оформили колонку юмора. Нарисовали физиономии Гитлера и Геббельса и сочинили юмористические стишкы. Получилось очень удачно.

Прибыл полковой почтальон, принес почту, свежие газеты и передал распоряжение начальника штаба полка — направить шесть человек, отличившихся в боях, в двухдневный дом отдыха, организованный при тылах полка. Как ни странно, но это распоряжение выполнили с большими трудностями: желающих получить «путевки» не оказалось. Все готовились к бою за Яунгерини 1-е, и никому не хотелось разлучаться с товарищами. Пришлось отбирать «желающих» в приказном порядке. Почтальон позже рассказывал, как «желающие» ругали его всю дорогу до штаба полка. Обозвали даже «тыловой крысой». А эта «крыса» сам преждевременно выписался из госпиталя на фронт, не окончив лечения, являлся ветераном полка, награжден двумя медалями «За отвагу» и имел несколько ранений.

Слушая его возмущение и жалобы, я не представлял себе, как перед боем буду сдавать роту, как поймут меня подчиненные. Ведь они тоже привыкли ко мне, и вдруг я покидаю их...

Выслушав обиды почтальона, дал ему слово, что «курортников» по возвращении обязательно накажу по всей строгости дисциплинарного устава, а его возьму в роту. Доверчивая улыбка расплылась по загорелому лицу бывшего солдата.

На участок обороны прибыли девушки-снайперы с армейских курсов на «охоту». Личный состав роты принял их доброжелательно, выделили им потребное количество землянок, помогли устроиться. Окружили всеобщим вниманием, назойливо предлагали свои услуги и помощь. Ознакомили с передним краем обороны противника. Помогали выявлять цели, внимательно следили за их «охотой» на фашистов. Снайперы пробыли несколько дней, открыли и пополнили свои лицевые счета и возвратились на курсы.

С уходом снайперов загрустили солдаты, дрогнули их сердца. В свободное от нарядов время писали письма, обсуждали их содержание друг с другом, тем, кто писал девушкам письма впервые, помогали ротные «умельцы», а в роте их было больше чем достаточно.

Война, войной, а жизнь брала свое...

Под вечер поступило из штаба полка распоряжение: «Десятому принять гостя». Минут через 30 прибыл старший лейтенант Михаил Александрович Кулешов и передал приказание командира полка:

— Роту сдать, к утру прибыть в распоряжение начальника штаба полка майора Н. С. Резчикова.

С болью в сердце я рас прощался с личным составом роты. По прибытии в полк был принят командиром полка и назначен на новую должность — офицера разведки 88-го стрелкового полка.

* * *

Полковыми разведчиками командовал старший сержант Сергей Александрович Суханов. Бывалый разведчик, на должность командира взвода разведки был выдвинут из числа сержантского состава, как отличившийся в боях. Пользовался уважением не только среди разведчиков, но и всех, кто с ним соприкасался по службе. Да и другие разведчики имели достаточный боевой опыт, неоднократно выполняли ответственные боевые задания командования. Однако в последнее время им не везло. Командиром полка бывший офицер разведки был отстранен от занимаемой должности и откомандирован в резерв армии.

Так началась моя служба на новой должности. Организовали усиленное наблюдение за противником, всячески «прощупывали» его оборону, проводилиочные поиски, однако взять «языка» не могли. Противник был обстрелян, имел опыт борьбы с нашей разведкой, в решающую минуту боя умело отходил, забирал с собой раненых и даже убитых. Все убедились, что взять «языка» без артиллерийско-минометной поддержки невозможно. А «язык» был крайне нужен.

В дивизии был установлен строгий лимит на снаряды и мины, и майору И. В. Доскину с большим трудом удалось доказать в штабе дивизии необходимость огневой поддержки разведчиков как перед броском на противника, так и при отходе.

Согласовав все вопросы с начальником разведки дивизии майором Алексеем Александровичем Богомоловым, командир полка приказал начальнику штаба полка майору Н. С. Резчикову разработать план проведения поиска по захвату контрольного пленного в районе мызы Мешки и представить ему на утверждение. К разработке плана были

привлечены первый помощник начальника штаба капитан Г. Я. Мирошников и я.

Передний край обороны противника, где намечалось действовать разведчикам, проходил от нашего исходного рубежа в 350—400 метрах, по опушке леса, метров 50 в глубине. Состоял он из траншеи полного профиля, а в заболоченных местах из отдельных бункеров и бревенчатых сооружений, засыпанных с нашей стороны толстым слоем земли и замаскированных дерном. В предполье — минное поле из противопехотных мин, установленных в осенний период. С наступлением заморозков мины сковало льдом, часть их, выдавленная из земли морозом, лежала на поверхности. Сделать проходы в таком минном поле не удалось, поэтому предусмотрели в период огневого налета по переднему краю обороны противника одновременно нанести мощный огневой удар по минному полю.

Старшина взвода старший сержант Болдырев обеспечил разведчиков новыми маскировочными халатами, лично сам проверил состояние боевого оружия, наличие финских ножей, индивидуальных перевязочных пакетов, собрал личные документы, принял на хранение правительственные награды.

Во взводе для обеспечения хозяйственных нужд держали лошадь, носившую кличку «Труба», вероятно из-за того, что она была черной масти и всегда держала хвост трубой. Труба хорошо знала только разведчиков, на солдат других подразделений не обращала внимания. Когда разведчики отправлялись на очередное задание, она грустно ходила вслед за старшиной, он даже с ней разговаривал, и, вероятно, они друг друга понимали. Во время еды разведчиков Труба обычно собирала со всех дань в виде кусочка сахара. Причем подходила только один раз, но обязательно подходила. Некоторые разведчики пытались сделать вид, будто не видят ее, и отворачивались, ехидно улыбаясь. Труба подходила вплотную, толкала в бок, останавливалась и терпеливо ожидала до тех пор, пока не удовлетворяли ее требование — отдавали положенный кусочек сахара.

В свободное время разведчики постоянно крутились около лошади. И это вносило разнообразие в жизнь на передовой, снимало нервное напряжение, вносило разрядку, а может кому-то и напоминало домашнюю обстановку. Во время артиллерийского обстрела люди укрывались в блиндажах сами и заводили с собой лошадь. В блиндаж она входила свободно, а вот вывести ее из блиндажа, задом и на подъем, было очень трудно. Приходилось брать ее за ноги

и, переставляя их, выводить из укрытия. Все это происходило под общий смех и ликовение.

Разведчики заканчивали свои последние приготовления и, кто был уже свободен, стояли около лошади. Каждый по-своему ее ласкал, каждый по-своему с ней разговаривал. И каждый думал про свое. Однако у всех было хорошее, приподнятое настроение. Старшина покормил ужином, и все, кроме наряда, легли отдыхать.

Особое уважение и внимание к разведчикам проявлял помощник начальника штаба полка старший лейтенант Афанасий Петрович Жданов. Радости побед и горечи поражений он всегда разделял вместе с нами. До войны он учитывал, во время войны стал минометчиком, участвовал во многих боях. За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками и проявленное при этом личное мужество был награжден правительенной наградой — орденом Красной Звезды. Афанасий Петрович и в этот раз навестил нас, высказал свои добрые пожелания и дал деловые советы.

28 февраля 1945 года в 3.00 разведчикам был объявлен «Подъем!» Старший сержант С. А. Суханов проверил готовность личного состава разведгруппы, я доложил майору И. В. Доскину о готовности к выполнению задания.

В 3.30 майор И. В. Доскин с группой офицеров штаба полка заняли места на наблюдательном пункте. Разведчики вышли в указанный район. Передний край обороны противника и наш молчали, стояла тишина. Крепчал мороз, луна периодически пряталась за тучи. Соблюдая все правила маскировки, прибыли в район сосредоточения. Ко мне пошел офицер и вполголоса представился:

— Лейтенант Благинин, исполняющий обязанности командира взвода управления батареи 120-миллиметровых минометов. Прошу разрешить корректировать огнем батареи из ваших боевых порядков. Прикрытие сложное, и я должен буду видеть ваш отход.

Получив от меня «добро», опустился в ровик к связистам. В моих глазах мгновенно возник образ бывшего командира взвода управления лейтенанта Блескина, погибшего в бою. Было отрадно, что межинцы не ищут легкой победы, а куют ее на переднем крае, совместно с пехотой. Командиры орудий и связисты доложили о готовности, сверили часы, установили единое время.

Ровно в 4.00 подала команду: «Огонь!». Дружным залпом заработала артиллерия с прямой наводки, передний край обороны противника окунался сплошными разрывами сна-

рядов. Вспышки разрывов на какое-то мгновение освещали оборонительные сооружения противника. Бункера и бревенчатые постройки разлетались в стороны. Огонь был мощным, скорострельность орудий превышала указанные в Уставе нормативы. Двести восемьдесят снарядов было выпущено по оборонительным сооружениям противника на участке фронта 150—200 метров. Командиры орудий докладывают: «Последние! Подаю команду командиру минометной роты капитану И. Ф. Прозорову зуммером телефонного аппарата. Команда принятая, на разрывы артиллерийских снарядов внакладку ложатся разрывы мин, подрываются противопехотные мины в предполье. Загорелись деревянные сооружения и завалы. Капитан И. Ф. Прозоров ответным сигналом зуммера докладывает: «Последние! Разведгруппа идет на бросок за разрывами своих мин.

Ошеломленный противник мечется по своей вдребезги разбитой обороне. Но оставшиеся в живых в плен не сдаются, отходят, зверски огрызаясь. Подкрепляю группу захвата тремя разведчиками. Взлетает в воздух серия красных ракет в сторону противника. Группа захвата старшего сержанта С. А. Суханова берет первого «языка». Почти одновременно в воздух взлетает вторая серия красных ракет. Рядовой М. Н. Столяров берет второго «языка». Группу захвата окружают подоспевшие на помощь фашисты. Их в упор расстреливает группа обеспечения.

Две серии красных ракет в сторону противника означали: «Задание выполнено, взято два «языка», обеспечьте отход!» И сразу же ударила 120-миллиметровая полковая минометная батарея. Первый огневой удар был нанесен по глубине обороны противника 100—120 метров, остальные подтягивались на основную оборону, с расчетом дать возможность разведчикам оторваться от противника. Надо отдать должное командиру взвода управления лейтенанту Михаилу Трифоновичу Благинину: он успешно справился с настоящим сложным прикрытием отхода. Благодаря умелому корректированию огнем разведчики перекатами отшли, остались целыми и невредимыми.

Уже потом нам сказали, что наш «бог войны», всеми уважаемый начальник артиллерии полка капитан Иван Васильевич Смирнов, до начала проведения поиска отдал негласный приказ: «При отходе разведчиков мин и снарядов не жалеть, обеспечить отход любой ценой».

А навстречу разведчикам по нейтральной зоне уже бежали майор И. В. Доскин, майор Н. С. Резчиков, капитан Г. Я. Мирошников, старший лейтенант А. П. Жданов. Это-

го делать они не должны были, однако воодушевленные радостью победы, забыв все, бросились на помощь. Приняли контрольных пленных, усадили их на сани и вместе с ними направились в расположение штаба дивизии. Там их ждали командир дивизии полковник Александр Дмитриевич Корнилов и начальник разведки дивизии майор Алексей Александрович Богомолов.

Дерзкий бросок был осуществлен за самое короткое время. Кроме выполнения основного задания, в ближнем бою разведчики уничтожили до 20 солдат противника. Вновь наступила тишина. И лишь спустя минут 20—30, когда мы уже подходили к расположению штаба полка, противник открыл артиллерийский огонь, бил по переднему краю нашей обороны и в глубину. Но это для нас уже не имело значения.

За разгром обороны противника и взятие двух «языков» я был представлен командиром полка к правительственные награде — ордену Александра Невского, старший сержант Сергей Александрович Суханов — к ордену Отечественной войны II степени, рядовой Михаил Нилович Столяров — к ордену Славы II степени. На личном счету последнего появился 11-й «язык». Были представлены к правительенным наградам и отличившиеся разведчики: рядовые Поздеев, Гузь, Кудрявцев и Максимов. Кроме того, рядовому Столярову командиром дивизии был предоставлен месячный отпуск с выездом на родину.

* * *

Но не всегда так удачно заканчивались вылазки разведчиков.

В первых числах марта мы получили задание провести ночной поиск в районе мызы Наводниеки. На подготовку дали три дня. Огневая поддержка артиллерийско-минометным огнем была разрешена только для обеспечения отхода. Оборона противника состояла из сплошной траншеи, минного поля, колючей проволоки и спиралей «Бруно». Установили усиленное наблюдение за поведением противника, изучили пути отхода. Поиск был назначен на 7 марта в 23.00.

В назначенное время первыми пошли саперы, разминировали минное поле, сделали проходы в проволочных заграждениях, разрезали и подвязали спираль «Бруно». Соблюдались строжайшая маскировка и порядок выдвижения групп. Моросил мелкий дождь со снегом, притупляя бди-

тельность противника. Объектом нашего поиска был ручной пулемет. Пулеметная точка противника располагалась на хребте небольшой возвышенности. Разведчики ползли на сближение из лощины, имевшей в некоторых местах «мертвые поля» — складки местности, не пристреливаемые ружейно-пулеметным огнем. Захватгруппа выдвинулась к проходу, дружно поднялась на бросок, и в эту роковую секунду сорвалась с подвязки спираль «Бруно», затарахтели «склянки» (снарядные гильзы и консервные банки, подвешенные к спирали для шума), поднялась бесприцельная стрельба, ударили фаустники. Рядом с группой захвата произошел сильный взрыв. Старший сержант С. А. Суханов и трое разведчиков были сбиты воздушной волной и тяжело контужены. Рядовой Максимов, вероятно, менее контуженный, прорвался на бруствер траншеи, расстреливая фашистов в упор, но и сам был сражен очередями из множества автоматов.

Противник обрушился на нас огнем всей системы своей обороны. Пришлось отдать приказ на отход, поиск был преждевременно обнаружен противником и явно провалился. Оказав помочь контуженным, вынесли их в безопасное место. Пытались приблизиться к Максимову — не удалось, вражеский пулемет бил кинжалным огнем из закрытой огневой точки. Выход из сложившейся обстановки был только один — отойти. Идти вперед — значило идти на явную, бессмысленную гибель.

Наши боевые друзья, полковые артиллеристы и миноискатели, ударили по переднему краю обороны противника. Однако огонь был коротким и не особо мощным, но все же дал нам возможность укрыться в лощине, а оттуда отойти к своей обороне. Доложили командиру полка о случившемся, он не стал уточнять обстоятельства, приказал возвратиться в свое расположение. Санинструктор оказал помощь пострадавшим, никто эвакуироваться в тыл не захотел, остались в подразделении.

Нас навестил агитатор полка майор П. Х. Бацулов. Выразил свое соболезнование по случаю смерти разведчика Максимова и заверил, что при содействии заместителя командира по политчасти майора В. А. Сыроежкина, попросит капитана медицинской службы Галину Александровну Соколову осмотреть пострадавших на месте. Она часто выезжала в подразделения для оказания помощи на местах, хотя и не всегда ее выезды на передовые позиции, связанные с риском для жизни, одобрялись командованием. Г. А. Соколова прибыла в полк в первые дни его формирования, яв-

лялась ветераном и пользовалась заслуженным уважением среди личного состава полка. Она уроженка поселка Нювичим КОМИ АССР.

Старшему сержанту С. А. Суханову о смерти Максимова сказали позже, когда ему стало немного легче. Долго он молчал, уставившись в одну точку, тяжело вздохнул и со злостью произнес:

— Сволочи, этого я им никогда не прошу, пока буду жить, пока смогу держать оружие...

Старший сержант Болдырев принес термос с пищей и флягу со спиртом. Но никто не прикоснулся ни к пище, ни к спирту. Все молчали, низко опустив головы, курили одну скрутку за другой.

Тихо, как бы боясь нарушить наше молчание, подошла к нам лошадь и встала. Она не пыталась просить сахар, встала в стороне и опустила голову. Никто не обращал на Трубу внимания. Старший сержант Болдырев подошел к ней, обнял за голову и со слезами на глазах, задыхаясь и обращаясь только к ней, произнес:

— Не плачь, Труба, мы отомстим за него.

Эти громко сказанные слова были так неожиданы, что все вздрогнули. Мне показалось, что из глаз лошади действительно капали слезы.

Вскоре прибыла капитан медслужбы Г. А. Соколова, осмотрела пострадавших и приказала немедленно направить Суханова, Поздеева и Гузя в медсанроту. На наши просьбы оставить их ответила, что амбулаторно лечить нас будет только после войны, а сейчас надо меньше рассуждать и выполнять то, что приказано. Однако Галина Александровна пообещала, что дальше медсанроты их не отправит, а дня два-три будет их держать под наблюдением.

Галина Александровна сдержала свое слово, разведчики вернулись в подразделение через пять дней годными к службе в разведке.

* * *

Противник, занимающий оборону на рубеже мызы Наводниеки, продолжал интересовать наше командование, и по плану майора И. В. Доскина на 19 марта 1945 года планировалось провести повторно разведку боем в районе мызы Наводниеки.

Была создана сводная группа в составе 1-й стрелковой роты лейтенанта Андросова и полковых разведчиков старшего сержанта С. А. Суханова. Командиром сводной группы назначили меня.

Для обеспечения действий группы выделялись пулеметный взвод лейтенанта В. В. Букреева, взвод ПТО 45-миллиметровых пушек старшего сержанта Двоеглазова, 1-я минометная рота капитана И. Ф. Прозорова и батарея 120-миллиметровых минометов капитана И. А. Межина, корректировать огнем батареи было приказано командиру взвода управления лейтенанту М. Т. Благинину. Телефонную связь группы с командиром полка обеспечивал командир взвода связи старший лейтенант и телефонисты роты связи рядовой Н. Волчков и отважная связистка рядовая Вера Чеснокова.

За три дня до проведения разведки боем по приказу начальника артиллерии полка капитана И. В. Смирнова по переднему краю обороны противника в районе мызы Наводниеки делался короткий огневой налет. Майор И. В. Доскин перед началом нанесения огневого удара, прищурив глаза, слегка улыбаясь, обращался к начальнику артиллерии:

— Смирнов! Подымай фрицев на зарядку, хватит им спать, пора и делом заняться.

На головы фашистов ложились снаряды и мины, они мгновенно укрывались в блиндажах, нишах и лисьих норах, спасая свою шкуру. С нашей стороны действий живой силой не предпринималось, фашисты вскоре привыкли к этому и после огневого налета не спеша занимали свои позиции. Как показали позже пленные, замысел командира полка оправдался.

19 марта 1945 года в 9.00 по сигналу белой ракетой минометная рота и две 45-миллиметровые пушки, выдвинутые на прямую наводку, в течение 3 минут обрабатывали передний край обороны противника. Станковые и ручные пулеметы вели непрерывную стрельбу по огневым точкам противника.

В это время сводная группа решительным броском преодолела нейтральную зону и ворвалась в траншеи противника. Противник не ожидал такого дерзкого вторжения и спокойно отсиживался в укрытиях. Сводная группа громила фашистов по блиндажам, лисьим норам и нишам. Заблокировав три блиндажа, группа навязала противнику скоротечный близкий бой в траншее. В короткий срок гарнизон противника был истреблен, убито до 40 фашистов и 5 взято в плен.

При выполнении боевого задания особо отличились: командир роты лейтенант Андросов, командир взвода лейтенант Печерин, командир взвода разведки старший сержант

жант С. А. Суханов, командир взвода управления батареи 120-миллиметровых минометов лейтенант М. Т. Благинин, сержанты Рубанов, Сергеев, Моисеенко, Поздеев, Гузь, Боровков, Кузнецов, Шульц, Павлов, Шавырин, Миронов и многие другие.

Поставленная перед сводной группой задача была выполнена.

* * *

Наступило временное затишье, противник и наши подразделения стояли в обороне, активных действий не вели. Чувствовалось, что обе стороны готовятся к решающей схватке.

Командир полка приказал подготовить полковых разведчиков для проведения разведки боем в районе мызы Наводники — Викснес с задачей — ворваться в траншее противника, взять контрольного пленного и закрепиться. Занятый рубеж оборонять любой ценой до ввода в бой основных сил полка. Противника сковать и не дать возможности восстановить положение.

Для совместных действий с разведчиками привлекался стрелковый взвод 3-й стрелковой роты, общее командование возлагалось на меня. Действия сводной группы обеспечивались огнем полковой артиллерии и минометных подразделений.

На рубеже обороны 88-го стрелкового полка заняли огневые позиции два артиллерийских дивизиона 112-го артиллерийского полка. Майор И. В. Доскин совместно с командиром артиллерии полка полковником Вершутой провели с командирами стрелковых батальонов и артиллерийских дивизионов рекогносцировку местности в районе предстоящих действий разведгруппы.

Подготовительные мероприятия были завершены, к нам прибыли заместитель командира полка по политчасти майор Василий Александрович Сыроежкин и агитатор полка майор Павел Харitonovich Бацунов. Приходили они к нам часто и почти всех знали пофамильно, а многих и по именам. Беседы всегда проходили в непринужденной форме, говорили не только о войне, но и о других жизненных вопросах.

Доклад мой прервали, ответили на приветствие рукопожатием и не только со мною, но и со всеми разведчиками. Василий Александрович отозвал меня в сторону, его интересовала наша готовность к выполнению поставленной за-

дачи и то, как раскреплены коммунисты и комсомольцы. Поставил в известность, что одновременно разведку боем будет проводить командир 235-го стрелкового полка майор Дорашкевич, сводную группу будет возглавлять офицер разведки полка капитан Симоненко. В случае нашего общего успеха дивизия перейдет в наступление. 144-й стрелковый полк полковника Ф. А. Голенкова уже занял исходное положение для наступления во втором эшелоне дивизии и будет введен в прорыв для развития наступления. Обратил особое внимание на выполнение ответственного задания, попросил высказать свои просьбы и пожелания. Поставленная задача была мне ясна, ответил, что задание выполним, будем действовать решительно, в чем и предвидим успех в предстоящем бою.

23 марта 1945 года в 6.00 сводная группа 88-го стрелкового полка после короткого мощного огневого налета ворвалась в траншеи противника на рубеже его обороны мызы Наводниеки — Викснес. Навязав противнику близкий траншейный бой, не дав ему прийти в себя, уничтожили оборонявшийся гарнизон в количестве 25 солдат, взяли двух «языков» и закрепились. Противник был ошеломлен, оказать организованное сопротивление был не в состоянии, единицам удалось спастись бегством. В воздух взвилась серия красных ракет, что означало: «Задание выполнено, взят «язык», закрепились на достигнутом».

Командир полка вводит в бой 1-й стрелковый батальон капитана Деркачева, впереди 1-я рота коммуниста лейтенанта Андросова. Мне приятно было встретиться в бою с личным составом роты, которой когда-то командовал, то и дело мелькают знакомые лица солдат, с которыми участвовал вместе в январских и частично февральских боях. Нет времени для разговоров, только обмениваемся короткими взглядами и рукопожатиями. Под нашим натиском противник дрогнул и в панике отходит. Командир роты умело взаимодействует с прианными подразделениями, не дает возможности врагу закрепиться, с ходу сбивает его с промежуточных рубежей. Наконец, прорвал оборону противника и первым в дивизии перешел в наступление.

Разведчиков вывели из боя, командир полка всем объявил благодарность за решительные действия в бою и взятие двух «языков» и приказал до его указания находиться при штабе полка. По пути к штабу встретились солдаты из 1-й стрелковой роты, которые несли боеприпасы и продовольствие. Многие были знакомы мне. Остановились, поздорвались. Я спросил:

— А где же старшина?

— Вчера погиб при прорыве обороны. Майор Доскин приказал: всех героев, погибших в бою, похоронить в городе Добеле на воинском кладбище. Захоронение состоялось сегодня утром...

С болью в сердце я принял эту весть. Погиб ветеран полка старшина Константин Эммануилович Лапин. Не дожил до Победы считанные дни.

Слышно было, как с нарастающей мощью шел бой нашего правого соседа — 235-го стрелкового полка майора Дорашкевича. Полк также сбил противника с обороняемого рубежа, продолжает преследование, не давая возможности закрепиться на промежуточных рубежах.

В 235-м полку при прорыве обороны противника отличились офицер разведки полка капитан Симоненко и командир взвода лейтенант Витязев, о чем вскоре сообщила дивизионная газета «Вперед!». Они первыми ворвались вражескую траншею и в ближнем бою истребили до 50 фашистов и взяли пленных.

Овладев мызой Наводниеки, 88-й стрелковый полк навязал противнику бой за высоту с отметкой 120,1. Противник оказывал яростное сопротивление. Вся полковая артиллерия, минометные подразделения и два артдивизиона 112-го артиллерийского полка заглушали огневые средства противника. 1-й стрелковый батальон штурмом овладел высотой и, преследуя отходящего противника, вышел на безымянный ручей и на опушку леса в районе кладбища.

В 14.00, форсировав безымянный ручей, 88-й стрелковый полк вырвался значительно вперед по сравнению с остальными полками дивизии и без артиллерийского сопровождения вступил в бой на подступах к большаку в районе хутора Масландыекс. Наши доблестные артиллеристы и минометчики, преодолевая непролазную грязь и бездорожье, почти на руках, по колено в грязи, передвигали пушки и минометы с одной огневой позиции на другую, на себя доставляли боеприпасы. Это был непосильный труд, который им приходилось выполнять. Порою думалось — все, больше нет сил. Но сила появлялась вновь, и все начиналось сначала. Победа доставалась ценой больших усилий, однако чувство радости предстоящей победы воодушевляло, двигало вперед.

В 17.30 из района Дарзниеки противник пытался во фланг и тыл контратаковать наши наступавшие подразделения, сосредоточив до 200 солдат, при поддержке 2 самоходных орудий. Полковые разведчики своевременно рас-

познали замысел противника и доложили командиру полка. Майор И. В. Доскин приказал срочно подготовить артиллерийско-минометный огонь по скоплению противника. Основные силы полка вели бой на удалении 2 километров впереди и оказать воздействие на противника живой силой не могли. Основной удар пришлось принять на себя полковым разведчикам и спецподразделениям полка. Дав возможность противнику выйти на открытую местность, командир полка вызвал артминогонь, одновременно по противнику был нанесен залп наших гвардейских «катюш».

Наступавшие цепи врага были расстроены. Отдельные группы, правда, пытались броском вырваться из-под огня, однако орудия и минометы били с открытых позиций, своевременно вносили поправки и с еще большей мощью громили врага. Противник в панике метался на открытой местности, неся большие потери в живой силе и технике. Поддерживавшие их два самоходных орудия были подбиты нашими артиллеристами, не успев произвести ни единого выстрела.

Полковые разведчики и спецподразделения поднялись в атаку, поливая противника огнем из четырех трофейных пулеметов, били врага его же оружием. Вскоре противник был разгромлен. На поле боя осталось 60 трупов солдат и офицеров, 16 фашистов взяли в плен, в том числе одного офицера.

Подразделениями 88-го стрелкового полка за день боя было уничтожено до 200 солдат и офицеров противника и взято в плен 18 человек.

С нашей стороны также были потери. Геройски погиб командир 1-й стрелковой роты лейтенант Андросов. Все, кто его видел в бою, дрался с ним рядом, не считали его погившим, нет, лейтенант Андросов не погиб, он только перестал быть рядом с нами. Его имя достойно вошло в бессмертие.

Мне невольно вспомнились февральские бои, последние дни моего пребывания в 1-й стрелковой роте, проводы меня на новую должность. Роту сдал старшему лейтенанту Михаилу Александровичу Кулешову. В бою за мызы Яунгерини первые — Кирпичный завод командир роты погиб. Роту принял старшина К. Э. Лапин. Потом так же, как и мне, он сдал роту лейтенанту Андросову. И вот погиб лейтенант Андросов, немного раньше — старшина К. Э. Лапин. Они прожили короткую и в то же время длинную жизнь. Их ратные подвиги неизмеримы, они с честью выполнили долг коммуниста, были в бою всегда впереди. Они отдали

свои жизни, не торгуясь, не постояли за ценой. Победа была близка, однако до этого дня надо было еще дожить, жестокая война продолжалась, и смерть косила бойцов одного за другим.

24 марта 1945 года 88-й стрелковый полк, сокрушая отчаянное сопротивление противника, наступал в направлении хутора Чеги. В ходе боя командир полка произвел перегруппировку подразделений, часть сил направил в обход основных сил противника, и ранним утром, ударом с фронта и тыла полк овладел железнодорожной станцией Иосты. Продолжая наступление, полк пядь за пядью освобождал территорию Советской Прибалтики.

За период боев с 19 марта по 4 апреля 1945 года полк овладел десятками хуторов, мыз и деревень. В боях истреблено свыше 600 фашистов и 64 взяты в плен. В числе трофеев были военное имущество, вооружение и техника.

4 апреля 1945 года 28-я Невельская Краснознаменная стрелковая дивизия была выведена из боев на отдых. Подразделения 88-го стрелкового полка сосредоточились в 3 километрах северо-восточнее г. Добеле.

За время боев в моей жизни произошли знаменательные события. На одном из партийных собраний, состоявшемся во время небольшой передышки, меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Кандидатскую карточку вручил начальник политотдела дивизии полковник М. Х. Шапиро, а вскоре был объявлен приказ Командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта о досрочном присвоении мне воинского звания «капитан».

В эти же дни комсорг полка лейтенант И. З. Опенько принес радостную весть. По предложению Главного Политического Управления Красной Армии 30 марта 1945 года ЦК ВЛКСМ наградил комсомольскую организацию 88-го стрелкового полка Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ за мужество, отвагу и массовый героизм воинов-комсомольцев, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков. Вскоре в торжественной обстановке помощник начальника политотдела по комсомолу 22-й армии майор Жуков и помощник начальника политотдела 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии капитан В. В. Коблов вручили нам высокую награду ЦК ВЛКСМ.

* * *

Долго отдыхать нам не пришлось. Вскоре был получен приказ, и 16 апреля мы погрузились в эшелоны на станции Глуда и на другой день покинули 2-й Прибалтийский

фронт. Куда нас перебрасывают, личный состав полка не знал, предполагали, что в Германию, где шли бои по разгрому фашистского логова. Но это были лишь предположения.

Весна была в разгаре. Советские люди, воодушевленные успехами наших войск на фронтах, усердно занимались полевыми работами. Встречали и провожали нас с добрыми напутствиями, желали успехов в боях и возвращения на Родину с Победой. Однако радость этих встреч омрачали жестокие раны войны. Сплошь и рядом встречались полностью выжженные села и деревни. Люди ютились в землянках и палатках. Но никто не жаловался на трудности в быту и работе. У всех были радостные, счастливые лица, добрые улыбки.

На станции Черновцы пересели в другие вагоны и вскоре пересекли государственную границу с Румынией. Прибыли в Бухарест, выгрузились из вагонов. Место нашего расположения было выделено в «Королевском лесу». Это километрах в 60 от Бухареста. Разбили лагерь, натянули палатки из своих плащ-палаток, оборудовали переднюю линейку, установили грибки, выставили свои боевые знамя и шефское знамя Коми АССР. Началась усиленная подготовка к завершающим боям.

Внимательно следили за событиями на фронтах. По всему чувствовалось, что до полной победы уже не так далеко. Наступал знаменательный праздник 1 Мая. А в это время в Берлине шли еще кровопролитные бои с фашизмом. Наша дивизия находилась в резерве Ставки Верховного Главного Командования, и все с нетерпением ждали отправки на фронт. Ведь бывшая наша 3-я ударная армия штурмовала рейхстаг.

7 мая я заступил в наряд оперативным дежурным по полку. Вечером возвратился из командировки в Бухарест мой друг старший лейтенант Афанасий Петрович Жданов и под большим «секретом» сообщил, что в Бухаресте румыны поздравляют всех с Победой, война закончена, Германия капитулировала.

До поздней ночи просидели мы вместе, вспоминая минувшие дни, товарищей, мечтали о том, что же будет после Победы. Часа в три Афанасий Петрович ушел отдыхать, а я продолжал дежурить. Примерно часа в четыре утра раздался телефонный звонок. Поднял трубку и слышу голос командира полка. Докладываю, называю свой позывной. Командир полка требует назвать фамилию. Решил, что он производит проверку, вторично назвал свой позывной. Ве-

роятно, он узнал меня и возбужденным голосом прокричал: «Капитан Борщевский, подымай людей, война окончена, поздравляю с Победой! Майор Доскин!» Повторив два раза «подымай людей», он положил телефонную трубку.

Все хорошо понимали, что не сегодня, так завтра наступит долгожданный день, день Победы. Однако никто не представлял, как будет передано это историческое сообщение и как оно будет принято. Какое-то время стоял, сжав телефонную трубку, не мог прийти в себя. Мне не верилось, проверял себя, не во сне ли это приснилось, а вдруг еще рано сообщать. Потом осознал, что получил приказ командира полка и обязан довести его до своих подчиненных. Полк был поднят по тревоге и построен на передней линейке, так же строились остальные полки и спецподразделения дивизии.

Командование полка поздравило нас с Днем Победы. На глазах бывалых воинов появились слезы радости. Все друг друга поздравляли, обнимались, целовались. Трудно передать те чувства, которые владели в тот миг каждым из нас, прошедших дорогами войны. Как-то сразу, мгновенно, пронеслись в сознании картины пережитого, и тут же заполнило нас всех огромное чувство облегчения, радости, ни с чем не сравнимого счастья.

Командир полка приказал: «Завтрак соединить с обедом, общий полковой обед назначаю на 12.00. Начальнику инженерной службы (полковому инженеру) оборудовать столы и скамейки на весь личный состав полка. Строительный материал найти, достать, королевский лес не рубить, население не обижать. Оперативному дежурному капитану Борщевскому докладывать мне лично о ходе выполнения приказания через каждые два часа».

Не имея ни одной доски, кола ни гвоздя, наши полковые саперы с помощью личного состава стрелковых батальонов к 10.00 оборудовали столы и скамейки на весь полк. И на этот раз выручила неистощимая народная смекалка. В четырех километрах от нас находился полевой склад с боеприпасами, оставленный фашистами при отступлении. Склад был заминирован, охранялся румынскими войсками и доступ к нему был категорически запрещен. Румынская Народная Армия воевала вместе с нами, и День Победы она также встретила с большой радостью. Наши солдаты не знали румынского языка, румыны — русского. Однако быстро поняли друг друга, незнание языков было заменено языком братства по оружию, который все хорошо понимали.

Затрещали снарядные ящики, полетели из них снаряды.

Саперы работали с ювелирной точностью, добывая доски на полковой стол Победы. Задание было выполнено досрочно, и ровно в 12.00 все сели за общий стол, на постах остался только вновь заступивший наряд.

Внесли свои боевое и шефское знамена, овеянные пороховым дымом и прошедшие с боями славный путь. Командир полка встал, налил в свою кружку и предложил старшинам налить всем. Наливали в кружки по 60 граммов чистого спирта. Был провозглашен тост за Победу. Обед оказался превосходным, повара потрудились на славу.

Мы отметили День Победы 8 мая в 12.00, официально же День Победы был установлен 9 мая. Так что мы отмечали его два раза.

В первых числах июня командованием советских войск в Румынии совместно с командованием Румынской Народной Армии было организовано вручение советских правительственные наград воинам Красной Армии и воинам Румынской Народной Армии, отличившимся в боях против немецко-фашистских захватчиков.

Мне был вручен орден Отечественной войны I степени, командиру взвода разведки старшему сержанту Сергею Суханову — орден Отечественной войны II степени, разведчику рядовому Михаилу Столярову — орден Славы II степени. Получили награды и многие другие бойцы и командиры нашей славной дивизии.

В первых числах июля поступил приказ о возвращении на Родину.

В населенные пункты и города мы входили торжественным маршем с развернутыми боевыми знаменами. И всюду нас встречали и провожали лиżąщие толпы людей.

Самым трогательным был переход государственной границы СССР. На границе первыми встретили нас зоркие часовые Страны Советов — пограничники в зеленых фуражках. Это они в воскресное утро 22 июня 1941 года первыми приняли на себя огненный смерч фашистских головорезов и грудью встали навстречу броневой моши гитлеровской армии.

Стойные, подтянутые, они первыми встретили и приветствовали нас на родной советской земле. Мы сняли пилотки и встали: «Принимай нас, Родина-мать, Победа досталась нам ценою жизни двадцати миллионов твоих славных сынов и дочерей. Мы сделали все, что было в наших силах и что не было в наших силах, во имя твоей чести и независимости!»

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Вместо предисловия	5
Ракин А. Ф. По зову Родины	10
Рождение дивизии	11
Люди подвига	16
Герои не умирают	16
Снайпер Есев	21
За линией фронта	23
Конюхов И. П. Победа приходит в боях	27
Боевое крещение	27
Стоял полк в обороне	33
Ступинский бастион	35
Вместе с разведчиками	43
Впереди Невель	45
Осташев Г. С. На переднем крае	50
Испытание на стойкость	50
Подвиг Ивана Вычейского	53
Единоборство с дзотом	54
Засецин Н. А. Полковник Лихобабин	57
Шехонина М. П. От боя к бою	62
Серебренников Н. В. Не жалея сил	65
Рябинин А. М. Страницы боевой биографии полка	68
Кудрявцев К. И. Под огнем противника	74
Пулемет	74
«Чайка», «Чайка»!	76

У берегов «Чертова» озера	78
Островский И. Д. В огненном мешке	82
Богданов В. С. На Латвийской земле	89
Федоров В. П. В отрыве от главных сил	94
Межин И. А. Наступление продолжается	101
В боях за Полоцк	101
В районе Больших Жарцов	105
Обстановка обостряется	107
Испытание окружением	112
Все дальше вперед	119
Коблов В. В. Так рождаются герои	122
Борщевский Н. Д. Пядь за пядью	126

ИБ 465

Составитель: Иван Петрович Конюхов

БОЙ ВЕДЕТ НЕВЕЛЬСКАЯ

Издание 2-е, переработанное
и дополненное.

Оформление художника Б. Б. Осипова.

Редактор М. М. Леканова. Художественный редактор А. В. Мошев. Технический редактор А. Н. Вишнева. Корректоры Э. С. Грегер, В. М. Витязева. Сдано в набор 08.12.80 г., подписано к печати 19.02.81 г. Ц01673; Формат 84×108¹/₂; бумага № 1; гарнитура литературн.; печать высокая; усл. печ. л. 8,44+вкл. 1,68; уч.-изд. л. 10,74. Тираж 15 000. Заказ № 511. Цена 60 коп. Кomi книжное издательство. 167610. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229. Республиканская типография Государственного комитета Кomi АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 167610. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 20а.

ПЕСНЯ О 28-Й НЕВЕЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ

Слова Вл. Тимина

Музыка Я. Перепелицы

Не спеша

И- юно- ско-ю теп-ло-ю

ночь-ю стра- ну раз-бу-ди-ла бе- да... Зем-ля за-сто-на-да от

Припев.

пол-чищ, пы- ла- ли в ог-не го-ро- да. Не- Вель! Не- Вель! О-

зер га-лу-бых сто-ра-на. Не- Вель! Не- Вель! Не лег-ко-е де-ло во-й

1. Июньскою теплою ночью
Страну разбудила беда...
Земля застонала от полчищ,
Пылали в огне города.

Припев: Невель, Невель!
Озер голубых сторона.
Невель, Невель!
Нелегкое дело — война.
Но где-то в России (2 р.)
Мужает дивизия —
Вызовлит город она.

2. Страна на борьбу поднималась,
Получен приказ: «Ни на шаг!»
Дивизия все испытала —
Бомбежки и ярость атак.

Припев: Невель, Невель!
Озер голубых сторона.
Невель, Невель!
Нелегкое дело — война.
А двадцать восьмая (2 р.)
Шагает дивизия,
Верой в победу сильна.

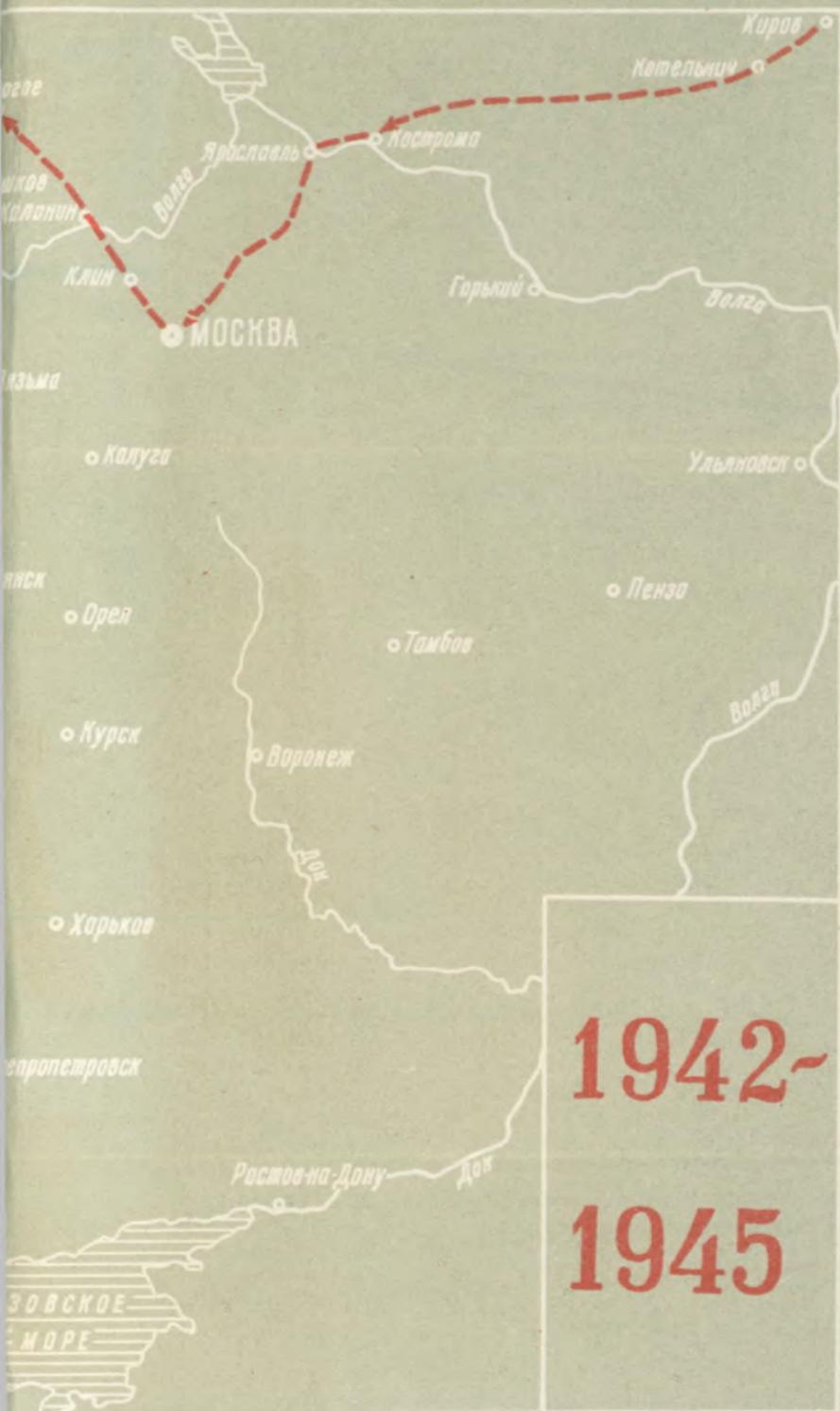
3. Великие Луки и Невель,
Вы помните подвиг солдат.
Не зря обелиски на небо
С высот безымянных глядят.

Припев: Невель, Невель!
Озер голубых сторона.
Невель, Невель!
Нелегкое дело — война.
Пусть враг был жестоким, (2 р.)
Но Краснознаменная
С ним рассчиталась сполна.

4. Мы Родине верно служили,
И память тех лет дорога.
По-невельски крепко дружили,
По-невельски били врага.

Припев: Невель, Невель!
Озер голубых сторона.
Невель, Невель!
Нелегкое дело — война.
Седых ветеранов (2 р.)
Дивизии Невельской
Помнит родная страна.

60 коп.

КОМИ КНИЖНОЕ ПИСЬМО
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1981